

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 2/2018

Главный редактор
П.А. Ореховский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	А.М. Либман
О.И. Ананьин	В.И. Маевский
Ю.П. Бокарёв <i>зам. гл. редактора</i>	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº2
2018

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 2/2018

Chief Editor
P.A. Orekhovsky

Editorial board

V.S. Avtonomov	A.M. Libman
O.I. Anan'in	V.I. Mayevskiy
U.P. Bokarev <i>Deputy Chief Editor</i>	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Павлович Бокарёв (5.09.1947 – 16.11.2018)	7
--	---

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.П. Заостровцев Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков	8
В.М. Ефимов О двух типах социальных порядков (Часть 2. Начало статьи в №1, 2018)	28

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.В. Ковалев Экономическая теория: назад в будущее?	47
В.С. Автономов Экономическая теория до и после великой рецессии	58

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели Экономическая мысль веховства между двумя канонами	65
---	----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.Г. Павленко Традиционная ориентация государства: политико-экономический аспект	83
А.И. Волынский, М.С. Круглова, П.В. Рожков, А.А. Рубинштейн Законодательные механизмы в РФ как инструмент институционального дизайна: на материалах анализа количественных данных базы LAWSTREAM.RU	91
Е. А. Хаунина Создание и функционирование фондов целевого капитала (эндаумент-фондов) в сфере культуры в Российской Федерации	101

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

К.А. Фурсов Британская Ост-Индская компания: история институциональной мутации	113
Ю.П. Бокарёв Дискуссии между правительством и предпринимателями о социальном страховании в дореволюционной России	132
В.Л. Степанов Нефтяная политика С.Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.)	136

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г.Д. Гловели, П.А. Ореховский Конференция «Категория “власть–собственность” и ее значение для “экономики развития”» (к 200-летию со дня рождения К. Маркса и 100-летию со дня смерти Г.В. Плеханова) Институт экономики РАН, Москва, 18 июня 2018 г. (краткий обзор)	146
П.А. Ореховский На пути к евразийской политэкономии (о работах профессора Д.Ю. Миропольского)	153

CONTENTS

Yury Pavlovich Bokarev (5.09.1947 – 16.11.2018)	7
--	---

ECONOMIC THEORY

A. Zaoztrovtshev Economists on the effectiveness of democracy: debate on the turn of the century	8
V. Yefimov On two types of social orders. Part 2-1	28

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Kavaliou Economic theory: back to the future	47
V. Avtonomov The economic theory before and after the great recession	58

HISTORY OF THOUGHT

G. Gloveli Economic thought of vekhism between “two canons”	65
---	----

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Yu. Pavlenko Traditional orientation of the state: political economy aspect	83
A. Volynskii, M. Kruglova, P. Rozhkov, A. Rubinstein Legislative mechanisms in the Russian Federation as a tool of institutional design: on the materials of analysis of quantitative data of Lawstream.ru base	91
E. Khaunina The establishment and operation of endowment-funds in the sphere of culture in Russian Federation	101

ECONOMIC HISTORY

K. Fursov British East India company: the history of an institutional mutation	113
Yu. Bokarev Discussions between the state and entrepreneurs in Russia on social insurance in the late XIX-early XX century	132
V. Stepanov Oil policy of S. Witte’s in Transcaucasia (1892–1903)	136

SURVEYS & REVIEWS

G. Gloveli, P. Orekhovsky Conference «Category “power-property”» and its importance for «Economy of Development» (To the 200th anniversary of the birth of Karl Marx and 100th anniversary of the death of G.V. Plekhanov) Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow), 06/18/2018(review)	146
P. Orekhovsky On the way to the Eurasian political economy (On the works of professor D.Y. Miropolsky)	153

**Юрий Павлович
Бокарёв**
(5.09.1947 – 16.11.2018)

Коллектив Института экономики РАН понес тяжелую утрату. 16 ноября 2018 г. на 71 году жизни скончался Юрий Павлович Бокарёв.

Ю.П. Бокарёв в 1971 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В том же году он поступил в аспирантуру Института истории АН СССР (впоследствии — ИРИ РАН), после окончания которой в 1974 г. стал сотрудником этого института (работал до 2016 г.). В ИРИ РАН Ю.П. Бокарёв в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Бюджетные обследования 1920-х годов как исторический источник», а в 1991 г. – докторскую диссертацию «Взаимоотношения между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством в СССР в 1920-е годы». До последних дней он оставался членом Диссертационного совета института.

С 2006 г. Ю.П. Бокарёв стал по совместительству заведующим сектором экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН (с 2012 г. — на полной ставке). Под его редакцией с 2012 г. стал выходить ежегодник «История мировой экономики», в котором публиковались статьи разных авторов по самым актуальным проблемам экономической истории. С 2012 г. Ю.П. Бокарёв руководил работой двух семинаров: 1) «Теория и практика экономических реформ» (с 2016 г. – «Институциональные изменения и экономическое развитие»); 2) «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем». С 2016 г. он был профессором Кафедры экономической теории Института экономики РАН. С 2017 – заместителем главного редактора журнала «Вопросы теоретической экономики».

Сфера научных интересов Ю.П. Бокарёва была широка и многообразна. Он был известным специалистом в области изучения экономической истории, истории экономических реформ и источниковедения. Ю.П. Бокарёв являлся автором более 200 научных и научно-популярных публикаций, в том числе монографий: «Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в 20-е годы» (М., 1989); «СССР и формирование постиндустриального общества на Западе» (М., 2007); «Экономические последствия распада Российской империи в результате первой мировой войны» (М., 2009). Он внес большой личный вклад в подготовку коллективных монографий: «Русский рубль: два века истории. XIX–XX вв.» (М., 1994), «История денежного обращения России: в 2 томах» (М., 2011); «История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв.» (М., 2012) и др.

Юрий Павлович был также долгие годы профессором Кафедры мировой экономики экономического факультета Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета, читал там курсы лекций «Государство и экономика: теории и мировой опыт», «Политические проблемы мировой экономики».

Сотрудники Института экономики РАН выражают искренние соболезнования родным и близким Юрия Павловича Бокарёва. Светлая память о Юрии Павловиче – видном ученом, прекрасном и разностороннем человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

А.П. Заостровцев

*к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург;
научный сотрудник, Европейский университет, Санкт-Петербург*

ЭКОНОМИСТЫ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОКРАТИИ: ДИСКУССИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Аннотация. Статья анализирует противостояние воззрений на эффективность демократии чикагской и виргинской школ политической экономии. Во введении отмечается актуальность проблемы и дается краткий обзор двух этапов полемики этих школ. В первой части рассматривается концепция эффективности демократии Дональда Уитмана, представляющего чикагскую экономическую школу. Во второй – ответ на нее его оппонентов, – Чарльза Роули и Мишеля Вачриса, сформировавших взгляд на провалы демократии теории общественного выбора в лице виргинской школы политической экономии. Третья часть посвящена теории рационально иррационального избирателя Брайана Каплана как инновации виргинской школы и его полемике с Уитманом. В заключении представлено развитие взглядов на кризис демократии как кризис всеобщего избирательного права и предлагаемые попытки выходов из него.

Ключевые слова: *избиратель, эффективность демократии, политический рынок, провалы демократии, чикагская школа, виргинская школа, рациональная иррациональность, медианный избиратель, всеобщее избирательное право.*

Классификация JEL: D72, B21.

Но я заявляю вполне откровенно: если демократия означает неограниченную волю большинства, я – не демократ, а такое правление считаю гибельным, в долгосрочной же перспективе – и не жизнеспособным.

Хайек, 2006. С. 363

Введение

Дискуссия о том, является ли демократическое правление наилучшей формой правления из всех возможных, идет со времен афинской демократии. Одним из ее актуальных на сегодняшний день аспектов является вопрос о влиянии демократического политического устройства на экономический рост и благосостояние стран. В докладе об экономической свободе Фонда «Наследие» в 2013 г. было опубликовано исследование известного экономиста Роберта Барро, где он на основе рассмотрения многих стран за длительный период пришел к выводу о том, что экспансия демократии имеет мало отношения к последующему экономическому развитию. «Для стран, которые начинают со слабых институтов, – низкого уровня демократии и закона и порядка, – демократизация менее важна, чем распространение закона и порядка» [Barro, 2013]. При этом он добавлял, что демократия не играет значительной роли в установлении последних. Отсюда неверно утверждение о том, что

демократия критически важна для роста в силу того, что она якобы есть предпосылка верховенства права [Ibid.]. Несколько ранее похожие выводы были сделаны на основе обзора обширной литературы о соотношении демократии и экономического роста [Doucouliagos, Ulabaşoğlu, 2008].

Имеются веские доказательства в пользу того, что за «богатство народов» отвечает не демократия, понимаемая как современный электоральный процесс на основе всеобщего избирательного права, а состояние прав собственности. Если мы обратимся к Международному индексу прав собственности (International property rights index или, сокращенно, IPRI), то в докладе IPRI-2017 установлена сильная корреляционная связь между ВВП на душу населения и тремя составляющими данного индекса. В частности, таковая прослеживается между ВВП на душу населения и одной из составляющих IPRI – политическая и правовая среда (коэффициент корреляции по Пирсону 0,82). Однако эта среда не включает описания демократического электорального процесса, а складывается из таких компонентов, как независимость юстиции, верховенство права, политическая стабильность и контроль коррупции [Levy-Carciente, 2017].

В то же время уроки «арабской весны» наглядно свидетельствуют о часто дестабилизирующем общество и потенциально опасном элементе демократии – принципе ничем не ограниченного избирательного права для всех взрослых граждан страны. Можно сказать, что он – ахиллесова пята организации представительного правления, которая и делает современную демократию не самой благоприятной институциональной средой для успехов страны как в области экономики, так и во всех прочих областях. Особенно, если речь идет о стране, где нет длительной и устойчивой традиции институциональных ограничений последствий электоральных решений.

Лучшей иллюстрацией этому служит недавняя история Египта: смена диктатуры Хосни Мубарака всеобщими выборами прямым ходом вела не к расцвету свобод и экономическому процветанию, а к явному смещению страны в направлении утверждения жестких исламских порядков. И только военный переворот генерала Ас-Сиси, ставшего президентом, смог удержать Египет в рамках более-менее приемлемого для прогрессивной части общества социального устройства и спасти от погружения в архаику. При этом любопытно отметить то, что Египет в период разворачивания исламизации демократически избранным правительством президента Мухаммеда Мурси отмечен более высоким рейтингом демократии, тогда как последующее правление Ас-Сиси – более низким¹.

В этой связи нельзя не заметить известного американского политолога Фарида Закарию, который напоминает о разделении в историческом времени конституционного либерализма и демократии как реализации всеобщего избирательного права.

«Только в конце 1940-х годов большинство стран Запада стали полноценными демократиями с всеобщим избирательным правом для совершеннолетних. Но за сто лет до этого, в конце 1840-х годов, большинством этих стран были усвоены важные аспекты конституционного либерализма – правление закона, права частной собственности и – во все большей степени – разделение властей и свобода слова и собраний. На протяжении значительного промежутка времени в новой и новейшей истории отличительным признаком правительств Европы и Северной Америки была не демократия, а конституционный либерализм. Лучшим выражением “западной модели” служит не массовый плебисцит, а беспристрастный суд» [Закария, 2004. С. 58–59].

¹ В 2013 г. после победы президента-исламиста Мурси Египет был объявлен неправительственной организацией «Фридом хаус» частично свободной страной [Freedom in the World, 2013]. В 2017 г. он находился в категории несвободных стран [Freedom in the World, 2017]. Очевидно, что эксперты «Фридом хаус» оценивают демократию лишь как процедуру, игнорируя ее исход.

Закария делает вывод о том, что «конституционный либерализм привел к демократии, но демократия, по-видимому, не приводит к конституционному либерализму» [Там же. С. 59]. К этому стоит добавить, что демократия может и разрушить казалось бы утвердившийся в ходе постсоциалистического реформирования конституционный либерализм даже в Европе, о чем наиболее ярко свидетельствует пример Венгрии [Мадьяр, 2016]². По пути Венгрии в последние годы следует и Польша³. В этих странах демократия последовательно «пожирала» либерализм, отдавая на выборах власть тем силам, которые разрушают верховенство права, независимость юстиции, да и систему разделения властей в целом со всеми ее сдержками и противовесами.

Однако и страны с традиционным, многолетним и устойчивым конституционным правлением испытывают большие сложности. Теория общественного выбора устами лучших своих представителей неоднократно и давно выражала озабоченность экономическими последствиями «демократии без оков». Дж. Бьюкенен, как хорошо известно, на протяжении многих лет выступал за конституционные ограничения экономической политики, подчеркивая наличие «электорального заблуждения»⁴. Причем избиратель никогда не рассматривался этой теорией как эффективный актор: достаточно вспомнить идущую еще от Энтони Даунса [Downs, 1957] концепцию рационального неведения избирателя⁵ или же впервые отмеченное все тем же Бьюкененом [Buchanan, 1954] голосование как самовыражение избирателя (теория экспрессивного голосования)⁶.

Заложенная в самом институте ничем не ограниченного всеобщего избирательного права безответственность массового избирателя вкупе со стремлением политиков «въехать» на ней во власть и удерживаться там как можно дольше порождает в развитых демократиях популистскую экономическую политику, воплощающуюся, к примеру, в широком

² В докладе «Переходные страны», выпущенном организацией «Фридом хаус» в 2018 г., кризис конституционного либерализма в этой стране лучше всего демонстрирует нанесенный ущерб верховенству права на основе динамики показателя «правовая среда и независимость юстиции» (низший балл – 7, высший – 1): его падение в Венгрии по сравнению с достигнутым пиком в 2009 г. (1,75) составило 1,25 балла [Nations in Transit, 2018a]. Экспертами «Фридом хаус» эта страна все еще помещается в разряд так называемых полуконсолидированных демократий [ibid.], но если судить по книге венгерского социолога Балинта Мадьяра [Мадьяр, 2016], то ее место, как минимум, в категории гибридных режимов, а, возможно, даже и среди полуконсолидированных автократий.

³ После прихода к власти партии «Право и справедливость» в 2015 г. показатель «правовой среды и независимости юстиции» потерял в Польше также 1,75 пункта, снизившись с 2,5 в докладе 2015 г. до 4,25 в докладе 2018 г. [Nations in Transit, 2018b].

⁴ «Однако логическая ошибка политической мысли XIX и XX вв. содержалась в предположении, что требования избирателей сами по себе являются достаточной мерой для осуществления контроля над левиафановскими наклонностями правительства и что пока существуют конституционные гарантии свободных периодических выборов, можно будет контролировать диапазон и интенсивность правительственной деятельности» [Buchanan, 1984. P. 20]. К этому стоило бы добавить, что «свободные периодические выборы» в известных обстоятельствах как раз и открывают путь к наступлению государства-Левиафана.

⁵ «В общем смысле, “рациональное неведение” относится к любой ситуации, где индивиды знают мало или ничего, поскольку ожидаемые выгоды от знания пренебрежительно малы» [Caplan, 2004b. P. 468]. В случае с избирателем его рациональное незнание о политике обусловлено крайне низкой вероятностью подать решающий голос, – голос, который будет результативным для исхода выборов. Этот факт снижает ожидаемые выгоды от персонального участия в голосовании практически до нуля и, как следствие, порождает незаинтересованность в затратах на сбор информации.

⁶ «Теория экспрессивного голосования утверждает, что, когда имеет место относительно низкая вероятность подать решающий голос, индивиды выберут участие в голосовании как акт экспрессивного поведения, часто голосуя по идеологическим или моральным соображениям за то, что может считаться политической во имя “общественного блага”, которая, очевидно, идет вразрез с собственным узким персональным интересом» [Sobel, Wagner, 2004. P. 246]. После первых предположений Бьюкенена теория экспрессивного голосования была развита Гордоном Таллоком [Tullock, 1971] и получила свой заверченный вид в книге Джеффри Бреннана и Лорена Ломаски [Brennan, Lomasky, 1993].

распространении клиентелизма в системе государства благосостояния⁷. Это делает отягощенные бременем этих государств экономики менее динамичными и в то же время очень привлекательными для мигрантов, среди которых благодаря государственной благотворительности попутно производится отбор худших. Конституционный либеральный порядок подрывается здесь не разовым голосованием за радикалов, как в случае с утверждением религиозного фундаментализма в странах арабского Востока и им подобных, а постоянно воспроизводимыми актами легальной «покупки» голосов избирателей политиками через многочисленные существующие и вновь создаваемые каналы перераспределения.

Теория общественного выбора в ее исходном («бьюкененовском») понимании – это, по сути, учение о провалах государства. Революция теории общественного выбора как раз и заключалась в переносе акцента с провалов рынка на провалы государства [Lemieux, 2004]. Поскольку же, как отмечает Деннис Мюллер, практически все представители школы общественного выбора жили в демократических странах и, как результат, демократические системы представляли для них главный интерес [Mueller, 2003. P. 406], то исследуемые ими провалы государства – это ни что иное, как провалы демократии.

Вызов традиционным воззрениям не остался без ответа со стороны чикагской школы политической экономии. Дональд Уиттман встал на защиту эффективности демократии и электоральных решений, опубликовав в 1989 г. ставшую широко известной статью «Почему демократия приносит эффективные результаты?» [Wittman, 1989]. В дальнейшем идеи, положенные в ее основу, были развернуты в книгу [Wittman, 1995]. В более кратком изложении они были представлены в статье, опубликованной в «Энциклопедии общественного выбора» [Wittman, 2004].

Главным противником развиваемых Уиттманом взглядов на свободный электоральный выбор как оптимальный стал выдающийся представитель виргинской школы теории общественного выбора Чарльз Роули. Реакцией на упомянутую выше статью Уиттмана была написанная совместно с Мишелем Вачрисом работа «Экономика змеиного масла против общественного выбора» [Rowely, Vachris, 1993]. На книгу же Уиттмана они ответили статьей «Почему демократия не обязательно приносит эффективные результаты?» [Rowely, Vachris, 1995]. Далее Роули развивал свою аргументацию в критической рецензии на эту книгу [Rowely, 1997] и, наконец, опять же вместе с Вачрисом в «Энциклопедии общественного выбора» [Rowely, Vachris, 2004], на страницах которой они продолжили свой спор с Уиттманом.

Первая и вторая части данной статьи как раз и посвящены основным аргументам и контраргументам в этой дискуссии. Однако на этом полемика не закончилась. Новым шагом в развитии учения о неэффективности демократии стали работы представителя все той же виргинской школы теории общественного выбора Брайана Каплана. Он стал автором ряда статей на тему о «рационально иррациональном» поведении избирателей [Caplan, 2000, 2001a, 2001b, 2001c, 2002a, 2002b, 2003, 2004c] и завершил исследование изданием широко известной книги «Миф о рациональном избирателе» [Caplan, 2007]⁸. Со стороны Уиттмана эта новая концепция виргинской школы не осталась незамеченной. Имела место непосредственная дискуссия между Капланом и Уиттманом [Caplan, 2005a, 2005b; Wittman 2005a, 2005b]. О ней и пойдет речь в третьей части данной статьи.

В заключении представлено развитие взглядов на кризис демократии как кризис всеобщего избирательного права и предлагаемые попытки выходов из него.

⁷ Немецкий экономист Фридрих Хейнеманн зафиксировал упадок морали в длительном временном периоде как следствие развития институтов государства благосостояния: жизнь на пособия все меньше стигматизируется и все больше расценивается как нормальное экономическое поведение. В результате это ведет в перспективе к саморазрушению данной модели общественного устройства [Heinemann, 2008]. Более новые исследования полностью подтверждают выводы о разрушительном влиянии пособий на стимулы к труду в ряде европейских стран [Tanner, Hughes, 2015].

⁸ В русском переводе [Каплан, 2012].

Эффективная демократия чикагской школы

В России до сих пор чикагская школа отождествляется с Милтоном Фридманом и рыночным фундаментализмом. На самом деле реальность иная; можно даже утверждать, что совсем иная. Эта школа настолько эволюционировала в сторону апологетики существующего порядка вещей, что, как отмечают ее критики, впала в «панглоссианский грех»⁹ [Rowley, 1997. Pp.16, 23]. От идеализации рынков представители школы перешли к идеализации политических рынков, которые описывали по образу и подобию модели совершенной конкуренции. А раз так, то критика устоявшейся политики бессмысленна, поскольку если бы в политической сфере появилась неэффективность, то она долго не просуществовала бы: кто-то тут же непременно заметил бы это и предпринял шаги по извлечению собственных выгод из восстановления политического равновесия. Вполне очевидно, что здесь применительно к сфере политики заимствуется традиционная неоклассическая догма о непреходящей исчерпанности всех потенциальных выгод в обмене в высоконкурентной среде¹⁰.

В полной мере этой методологической установки придерживается и Уиттман. «В лучших чикагских традициях Уиттман утверждает, что то, что есть, и является эффективным. Если бы это было не так, то тогда было бы возможно увеличить эффективность какой-либо конкретной правительственной программы в паретианском смысле...; повышающее благосостояние изменение уже было бы воплощено, ибо сделать это в чьих-либо своих корыстных интересах. Провалы государства, следовательно, только “миф” или, по крайней мере, политические провалы в общественном секторе не более серьезны, чем провалы рынка в частном секторе» [Shugart, Razzolini, 2001. P. XXVIII]. С какими же конкретно концепциями провала государства не согласен Уиттман?

Начнем с его возражений против рационального неведения избирателя. Первое, на что он здесь обращает внимание, так это на то, что затраты на получение избирателем необходимой ему информации сильно преувеличиваются. Утверждается, что основная часть этих затрат падает не на самого избирателя, а на «политических предпринимателей»: именно они заинтересованы донести информацию до него подобно тому, как конкурирующие фирмы заинтересованы посредством рекламы доставить информацию о достоинствах своего продукта до потенциальных покупателей. «Другие политические акторы – такие как политики, журналисты, и группы интересов, – имеют стимулы компенсировать отлынивание избирателей: собирать информацию за них и направлять им ее как бесплатный дар» [Caplan, 2005b. P. 5].

Затем Уиттман утверждает, что объем знаний, необходимый массовому избирателю, очевидно завышен. «Точно также, как люди могут проконсультироваться у своих докторов о том, какие таблетки им принимать, а не становиться экспертами в области медицины, они могут спросить у пользующихся их доверием, но знающих друзей, каким образом им голосовать» [Wittman, 2004. P. 187]. Информацию (кроме «знающих друзей») предоставляют также партийные бренды и репутация политиков. Важную роль могут иметь и общественные организации (например, любитель охоты обратится к мнению Национальной ружейной ассоциации). Кроме того, избиратель в состоянии взглянуть на список спонсоров избирательной кампании кандидата с тем, чтобы сделать вывод о его позиции. «Поддержка

⁹ Персонаж из вольтеровского «Кандида» учитель «метафизико-геологико-космогонии» Панглосс постоянно заявлял, что ничто не может быть лучше, потому что мы живем в лучшем из миров.

¹⁰ Среди экономистов на тему всегдашней исчерпанности выгод популярна такая притча: идут маститый профессор чикагской школы и его аспирант по улице и вдруг последний замечает 100-долларовую банкноту на тротуаре. Аспирант нагибается и хочет ее поднять, но профессор говорит ему: «Брось! Она же не настоящая. Если бы она была настоящей, то ее обязательно поднял бы кто-то до нас». Идеологию чикагской школы в результате описывают одной короткой и образной фразой: «Нет 100-долларовых банкнот на тротуаре».

группой интересов подобна рыночным сигналам и обеспечивает надежные подсказки относительно предпочтений кандидатов» [Wittman, 1989. P.1401].

Выдвигается также тезис о том, что быть не информированным, не означает иметь искаженные предпочтения. Так, избиратели могут не иметь представления о расходах, вытекающих из политических сделок типа «бочонок с салом»¹¹, но это совсем не означает, что они их в среднем недооценивают, а не переоценивают. Тем самым односторонне искаженные представления исключаются. Отсюда «ни отсутствие информации, ни искаженная информация не ведут к иррациональным ожиданиям» [ibid. P.1402]. Это вытекает из закона больших чисел.

Закон этот описывается следующим образом: пусть 60% голосующих невежественны и не знают, хорош или плох контроль цен на бензин. Они голосуют случайным образом, вроде как бросая монетку. В то же время 40% читали учебник экономики и знают о негативных последствиях такой политики. Если они проголосуют на референдуме против нее пусть не в 100%, но хотя бы в 90% случаях, то ограничение цен не получит поддержки большинства [Wittman, 2004. P.187]. Это явление называется чудом агрегации. Каплан доводит аналогичный пример до крайней ситуации, когда 99% невежественных голосуют совершенно случайным образом (следовательно, их голоса делятся в пропорции 50 на 50), а решающим является позиция 1% умных избирателей, которые и определяют исход выборов [Каплан, 2012. С.22]. Таким образом, невежественный электорат как бы не имеет значения¹². Демократия и всеобщее избирательное право эффективны, так как, в конечном счете, все решает умная часть электората, пусть она и в явном меньшинстве.

Доводимая до избирателя искаженная информация не столь негативна для качества выбора еще по одной причине. Согласно Уиттману массовый избиратель не запутывает себя вопросами, связанными с выбором в пространстве многомерных проблем, а просто делит мир на правых и левых, сводя все многообразие в одно измерение. Соотнося себя с теми или другими, он делает свой выбор. Поэтому теорема о медианном избирателе работает безотказно¹³. «Одномерная пространственная модель, которую он (Уиттман. – А.З.) разворачивает, – пишет Роули, – не отражает сложность пространственной политики» [Rowley, 1997. P. 19]. В дальнейшем Уиттман не отказывается от своего упрощения, но связывает выбор в пользу медианного избирателя с деятельностью групп интересов¹⁴.

Ставится под сомнение распространенное убеждение, что в политической сфере должно быть больше пространства для оппортунистического поведения, чем на частных рынках. Для Уиттмана политические партии – аналог франчайзинга в экономике: они следят, чтобы выступающие от их имени вели себя должным образом, выполняя, в том числе, и предвыборные обещания, поскольку от этого зависит репутационный капитал партии. Партии обеспечивают продвижение успешных политиков с одного уровня власти

¹¹ Примером сделки «бочонок с салом» (*pork-barrel deal*) может быть ситуация, когда, скажем, политики из американских аграрных штатов, заинтересованные в субсидиях фермерам, могут предложить политикам из другого штата поддержать их стремление получить финансирование, например, на строительство нового аэропорта в обмен на голосование за субсидии. Это – разновидность логроллинга, ведущая в итоге к потерям общественного благосостояния из-за прохождения неэффективных программ и проектов.

¹² Далее, в третьей части статьи будет показано, почему Каплан не принимает этот аргумент Уиттмана, хотя известно, что чудо агрегирования работает в экономике, например, на финансовых рынках.

¹³ Известно, что наличие однопиковых предпочтений гарантирует победу или, как минимум, отсутствие поражения занимающему медианную позицию избирателю, но лишь при выборе в единственном измерении. В двухмерном пространстве выбора для действия теоремы требуется дополнительное условие в виде строго симметричного распределения предпочтений голосующих. В трех- и более мерном пространстве выбора теорема о медианном избирателе не выполняется в силу невозможности избавиться от цикличности [Conglton, 2004. P. 385].

¹⁴ Доказывается, что одобрение группой интересов кандидата ведет к активизации избирателей (к явке на выборы как его сторонников, так и противников) и, как результат, смещению медианного голосующего ближе к позиции медианного избирателя [Wittman, 2009].

на другой, более высокий. Они способны предотвращать известный оппортунизм последнего срока, предлагая привлекательные должности после отставки. Политическая конкуренция несет в себе угрозу потери выборного поста, которая аналогична угрозе захвата (*takeover*) конкурентом фирмы в частной экономике. По этой причине также снижается оппортунизм. При этом входные барьеры на политическом рынке значительно ниже, чем на экономическом: кандидату с лучшими идеями не надо платить за захват наивысшую цену, напротив, избиратели сами будут охотно голосовать за него. В итоге «при оптимально составленных контрактах, мониторинге, репутациях и конкуренции, оппортунизм будет снижен, хотя и не устранен» [Wittman, 1989. P.1399].

И, наконец, вопрос о трансакционных издержках в политике. Согласно Уиттману демократические рынки организованы таким образом, что сокращают их. Например, правило большинства, в отличие от правила единогласия, предотвращает затягивание переговоров и, тем самым, понижает издержки их ведения. Малый размер представительных органов также уменьшает эти издержки и может способствовать формированию эффективных коалиций внутри них [ibid. P.1403]. Таким образом, «политические институты снижают трансакционные издержки, поощряя тем самым эффективный обмен политическими правами» [ibid. P. 1396].

Уиттман в итоге формулирует то, что он называет «первой теоремой демократической политики» (по аналогии с первой теоремой благосостояния): «демократическое равновесие будет эффективным» [Wittman, 2004. P. 187]. Кандидаты хотят максимизировать количество голосов, а избиратели голосуют за того кандидата, который обеспечит им наивысшую полезность. Политическая конкуренция предполагает парето-улучшение: если один кандидат может предложить основной массе избирателей столько же, сколько и другой, но больше нескольким избирателям или даже одному из них, то более «нагруженная» платформа имеет большую вероятность выиграть выборы [ibid.]. Отсюда теорема утверждает, что «демократии выберут такую экономическую систему, которая максимизирует благосостояние» [ibid.]. Причем для этого они найдут оптимальное сочетание политики и экономики¹⁵.

Все это не означает, что политический рынок «совершеннее», чем рынок в обычном экономическом понимании. Уиттман с самого начала заявлял, что «политический и экономический рынки оба работают хорошо» [Wittman, 1989. P. 1395]. Иначе говоря, оба они эффективны. Своей же задачей он видел «излечить шизофрению, с которой сталкиваются многие экономисты: экономические рынки работают хорошо, а политические рынки работают плохо» [ibid. P. 1396].

Ответ виргинской школы

Противостоящие доктрине «эффективной демократии» представители виргинской школы политической экономии не захотели избавиться от «шизофрении» по Уиттману и сосредоточили свою критику на трех аспектах его теории. Во-первых, ими отмечалось, что в отличие от рынков частных благ, на политических рынках потребитель в лице избирателя имеет дело с так называемыми неделимостями (*indivisibilities*): порой сотни разных вопросов увязываются в один общий пакет (программу). Это предъявляет высокие требования к информированности избирателя и одновременно ослабляет сигналы, посылаемые политикам даже хорошо осведомленными избирателями (неясно, за что конкретно они голосуют). В результате здесь, вопреки мнению Уиттмана, «невозможно точно расставить

¹⁵ «...Демократические правительства отведут экономическим рынкам такие задачи, в которых экономический рынок наиболее эффективен» [Wittman, 1989. P. 1421].

кандидатов в многомерном пространстве поднятых вопросов, опираясь только на их партийную принадлежность или относительное положение на континууме левые-правые» [Rowely, 1997. P.19]. Вдобавок еще один критик Уиттмана, – Дональд Бодро, – отмечал, что избиратели, в отличие от покупателей на рынке, обладают крайне редкими возможностями сигнализировать о своих предпочтениях тем, кто их представляет: в США избиратель за 6 лет четыре раза бросает бюллетень на общенациональных выборах [Bodreaux, 1996. P. 117]. Понятно, что на экономических рынках такое сигнализирование есть, в сущности, непрерывный процесс потока информации.

Таким образом, теоретики общественного выбора не только не снимали, подобно Уиттману, проблему информации с политических рынков, но, напротив, специально подчеркивали особую их уязвимость к ее нехватке и присущие только им недостатки каналов ее передачи. Они постоянно напоминали, что политические рынки характеризуются рациональным неведением и ограниченной рациональностью [Rowely, Vachris, 1993, 1995].

Во-вторых, виргинская школа видит в принципиально ином свете роль групп интересов, конкуренцию и трансакционные издержки на политических рынках. Если для чикагцев в соответствии с берущей начало еще от Гэри Беккера [Becker, 1983] традицией «конкуренция групп интересов с большой вероятностью вынуждает политическую сферу к эффективным решениям» [Munger, 2004. P. 310], то для виргинцев все ровным счетом наоборот: «Давление групп интересов служит не только для информирования политических рынков, но и для сдвига политических результатов от предпочитаемой медианным избирателем позиции» [Rowely, Vachris, 2004. P. 192].

Что же касается собственно политической конкуренции, то здесь оппоненты Уиттмана отмечают склонность к сговорам между политическими партиями. Если же такового нет, то ситуация, тем не менее, все равно далека от конкурентной. Часто преобладает ситуация дуополии (двух ведущих партий), которая закрепляется делавшимися ранее в течение длительного времени безвозвратными затратами (*sunk costs*) на их имидж. Так что выйти на этот рынок новичку не так-то и просто. Содействуют этой дуополии и выборы по правилу относительного большинства (“*first-pass-the-post*”). И, главное, в силу отмеченных выше «неделимыхостей» конкуренция часто не работает на нужды потребителей (избирателей). Ее результаты «гораздо более принудительны, чем у частных рынков, в том смысле, что многие избиратели, даже в составе большинства, предпочли бы иную политику» [ibid.]. Сторона, представляющая спрос на политических рынках, всегда получает массу товаров и услуг в виде неизбежной «нагрузки» к действительно востребованным благам. Таким образом, невозможно говорить, что такая конкуренция приносит максимизацию благосостояния, а, следовательно, и о заявленной Уиттманом «первой теореме демократической политики».

Многие конфликты на политическом рынке могли бы решаться через взаимные договоренности, если бы не высокие трансакционные издержки. Это можно показать на следующем условном примере. Допустим, в некоем сообществе проводится референдум по вопросу о введении специального налога на плату, взимаемую за аренду жилых помещений. При этом собираемый налог будет маркированным: он целиком пойдет на субсидии арендаторам жилья. Если сторонники налога победят, то потери собственников жилья составят \$600 тыс. в год, а выигрыш его нанимателей – \$500 тыс. (разница получается за счет издержек налогообложения). Арендаторы могли бы предложить договориться: мы не поддерживаем налог, зато вы добровольно передаете нам \$550 тыс. Таким образом, каждая из сторон выиграла бы по \$50 тыс.

Понятно, что трансакционные издержки организации такой сделки будут настолько высоки, что потенциальное парето-улучшение не состоится. И тут мы подходим к самому главному тезису противников теории эффективной демократии. Он, в частности, раскрывает нам, почему коузианские сделки (типа той, о которой шла речь в приведенном выше

условном кейсе) в политике неосуществимы. И, в целом, объясняет, почему политические рынки всегда будут уступать по своей эффективности экономическим, даже если допустить, что с помощью первых можно «вылечить» некоторые провалы последних.

Третьим и главным контраргументом представителей виргинской школы стало указание на то, что на политических рынках отсутствуют права собственности. «Законодатели и бюрократы, в общем случае, не имеют легального способа заполучить какое бы то ни было увеличение богатства нации, вытекающее из их активности на политических рынках. Они не могут легко передавать такие усеченные права, которыми они временно располагают. Они не имеют доступа к системе связывающих обязательств, сравнимой с контрактным правом на экономических рынках» (Rowely, 1997. P.20).

Отсюда вытекают следующие провалы политических рынков:

а) невозможность распределять через них ресурсы в пользу того, кто докажет свой потенциал в деле обеспечения наиболее результативного их применения (на экономическом рынке это доказательство основано на предложении за ресурс наивысшей по сравнению с конкурентами цены; на политическом рынке в этом случае говорят о коррупции, которая объявлена вне закона);

б) незаинтересованность политиков и бюрократов в повышающей стоимость активов управлении, особенно с расчетом на длительный период (они, не будучи акционерами «государства инкорпорейтед», не участвуют в «прибылях» и, тем более, не могут передать активы наследникам);

в) невозможность коузианских сделок.

На последнее обстоятельство, кстати, обратил особое внимание известный экономист Дарон Асемоглу, статья которого так и называлась: «Почему нет политической теоремы Коуза? Социальный конфликт, обязательство, и политика» [Acemoglu, 2003]. В ней он писал, что в основе исполнения теоремы Коуза лежит возможность составить обладающий принудительной силой контракт. Однако в политике такое не удастся¹⁶. Государство не может быть контролером самого себя, а третьей силы, которая теоретически могла бы гарантировать выполнение им контрактных обязательств, нет по определению.

По причине отсутствия легальных прав собственности на политических рынках они становятся «кормовой площадкой битв за перераспределение богатства» [Rowely, Vachris, 2004. P.193]. И, как результат, «даже если демократические правительства перераспределяют богатство эффективно, они делают это путем разрушения основы создания богатства в обществе» [ibid.]. Этой же основой, как легко догадаться, являются легальные права собственности, обеспечивающие работу и, главное, свободу экономических рынков, которая открывает перспективы для предпринимательства и инноваций. Многолетнее затухание роста экономик ЕС и, особенно, стран еврозоны, их инновационное бесплодие – лучшее свидетельство победы политических рынков, демократии, над экономикой, которой так опасались теоретики виргинской школы политической экономии¹⁷.

¹⁶ «Контракты, которые государство, или контролирующая его социальная группа захотели бы подписать с другими, например, с гражданами, были бы по определению не принуждаемыми к исполнению, поскольку контролирующая государство группа не могла бы взять на себя обязательство не пренебрегать своими обещаниями и не изменять условий контракта. Следовательно, наделение политической властью создает неотъемлемую проблему с обязательствами, которая подавляет потенциал достижения эффективных результатов» [Acemoglu, 2003. P.622].

¹⁷ Небезынтересно обратить внимание на то обстоятельство, что истории успеха некоторых стран можно связать и с тем, что в них действительно имеет место соединение политической власти с участием в доходах от управления активами страны. В Сингапуре самые высокие в мире зарплаты работников общественного сектора привязаны к демонстрируемым страной экономическим результатам. Его можно рассматривать как государство-корпорацию. [Salter, 2015. P. 732]. В глобальном рейтинге экономических свобод по данным за 2015 г. (доклад Института Фрезера «Экономическая свобода мира», выпущенный в 2017 г.) Сингапур занимает 2-е место, Две ключевые страны ЕС и зоны евро – Германия и Франция, – занимают 23-е и 52-е места, соответственно [Gwartney, Lawson, Hall, 2017].

Дебаты об эффективности демократии на рубеже веков привлекли внимание и представителей современной австрийской школы. Даниэл Саттер полагал, что в этом противостоянии к австрийской школе ближе позиция виргинской политической экономии, поскольку, подобно ей, приводя аргументы о неэффективности политики, связанные с ней экономисты больше рассматривают политику как процесс в противовес упору на политическое равновесие со стороны чикагской школы [Sutter, 2002]. И он был одним из первых, кто обратил внимание на только что появившуюся в то время концепцию рационально иррационального поведения избирателей Каплана, которая объясняет, почему политические предприниматели могут быть куда успешнее в одурачивании избирателей, чем предприниматели на рынке в обмане потребителей (Ibid. P.206).

Вызов виргинской школы: рациональная иррациональность избирателей

Представленные выше соображения Роули и Вачриса о природе неэффективности демократии касались, в том числе, и особенностей поведения избирателей в свете теории их рационального неведения. Каплан сделал в этом плане существенный шаг вперед, заменив рациональное неведение рациональной иррациональностью избирателя. Этот поворот значительно усилил анализ провалов демократии. Избиратель предстал не жертвой собственного незнания, а жертвой собственных неверных убеждений, которые руководят его действиями на избирательном участке. Следование им при подаче голосов и означает иррациональность.

В основе концепции Каплана лежит проведенное им различие между неведением и иррациональностью. Неведение отождествляется со случайным шумом (*random noise*). В теории рациональных ожиданий, когда речь заходит, например, об ожидаемой инфляции, то предполагается, что работники предвидят будущую инфляцию плюс $\varepsilon \sim N(0, \sigma^2)$, где в скобках нормально распределенная ошибка со средним нулевым значением и стандартное отклонение (σ). Если средняя ошибка не равна 0, то в таком случае нельзя говорить о рациональных ожиданиях; они – иррациональные [Caplan, 2005a. P. 4]. Таким образом, иррациональность – это систематическое отклонение.

Отклонение от чего? И тут предлагаются два измерителя. Один – это отклонения от объективных показателей. Так, согласно Каплану избиратели при опросах систематически завышают долю помощи зарубежным странам в федеральном бюджете США. Второй измеритель – это устойчивое отклонение общественного мнения от воззрений экономистов по наиболее общепризнанным в экономической теории вопросам. Тут Каплан называет несколько массовых предубеждений, среди которых антирыночные предубеждения (например, широкая поддержка контроля цен), предубеждения против иностранного (например, поддержка протекционизма) и др. [Каплан, 2012. С.53]¹⁸.

Следующий принципиально важный момент: надо объяснить устойчивость этих предубеждений. Почему, несмотря на их явную ошибочность, они, как говорится, «не проходят». И здесь на помощь приходит тезис о практически нулевой вероятности стать так называемым решающим голосующим: оказать своим голосом результативное влияние на исход выборов. А раз так («мой голос ничего не решает»), то можно дать волю

¹⁸ Небезынтересно заметить, что кроме данных из социологических опросов Каплан приводит мнение знакомого бизнесмена, который считал, что все проблемы американской экономики можно решить посредством двух мер: а) введением морской блокады Японии; б) возведения берлинской стены на границе с Мексикой (Каплан, 2012. С.61). В этой связи победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. не должна вызывать удивления: предубеждения бизнесмена (и, наверное, не только одного бизнесмена) стали пунктами его популистской программы (вот только место Японии занял Китай).

своим предубеждениям и голосовать в соответствии с ними, получая от этого психологическую выгоду. Выгода эта превышает издержки, так как цена неверного решения для каждого индивида в отдельности крайне низка, а то и вовсе отсутствует (она умножается на ничтожную вероятность стать решающим голосующим). Каплан представил эту модель графически (рис.) [там же. С. 184].

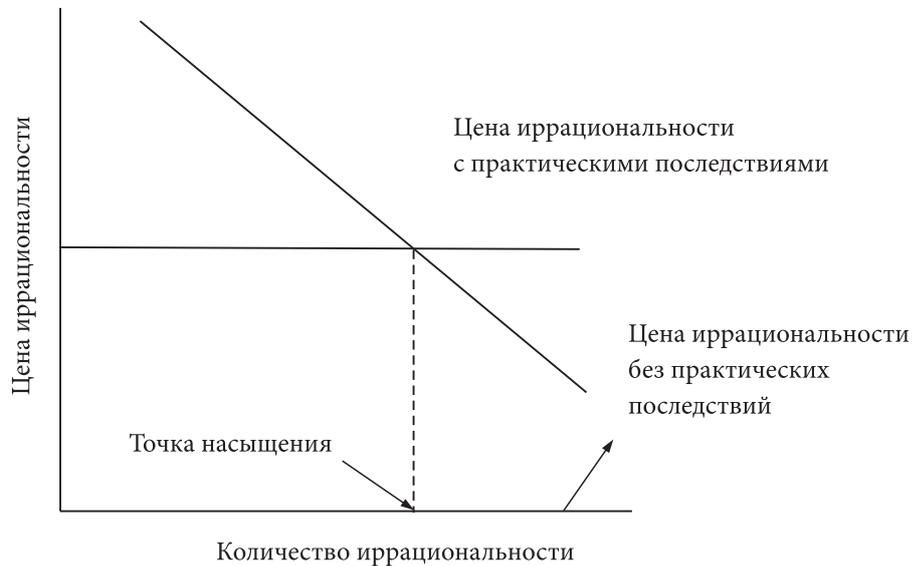

Рис. Спрос избирателей на иррациональность

Если на рынке частных благ цена (издержки) иррациональности имеет негативные практические последствия, то спрос на нее невелик. Сталкиваясь с далеко ненулевыми издержками такого поведения, рыночный актер учится поступать рационально. Другое дело – на политическом рынке, где избиратель персонально практически не несет издержек иррациональности. В этом случае он дойдет до точки насыщения¹⁹. «Взгляды, которые иррациональны с точки зрения поиска истины, рациональны с точки зрения индивидуальной полезности» [Там же. С. 195].

Гипотеза о своекорыстном избирателе не работает. Опять же в силу все той же нулевой вероятности оказаться решающим голосующим. Состоятельные люди могут проголосовать за повышение налогов и расширение социальных программ, что будет стоить им больших денег. Однако они знают, что их голос ничего не значит для исхода общественного выбора. Поэтому они могут проголосовать «за», получив психологическую выгоду от собственной социальной ответственности, одобрения окружающих и т.п.

Как же существует такая система, где всеобщее избирательное право дает возможность голосовать за любую глупость? Каплан видит относительную стабильность демократии в двух факторах. Во-первых, отчасти в оппортунистическом поведении политиков, которые не выполняют наиболее одиозные пункты собственных программ. Политик осознает, что избиратель возложит всю вину за плохие последствия их исполнения не на собственные фантазии, а на него. Поэтому он ищет компромисс между рациональной политикой и пожеланиями избирателей. «...Если бы рядовые граждане получали все то, за что они голосуют, проводимая политика была бы намного хуже» [Там же. С. 225].

Во-вторых, Каплан полагает, что ее устойчивости способствует воздержание от голосования, неучастие в нем. По его мнению, медианный избиратель более экономически грамотен, чем медианный гражданин [Там же].

¹⁹ «Поскольку бредовые политические идеи бесплатны, избиратель будет их потреблять до тех пор, пока не достигнет своей “точки насыщения”, исповедуя те взгляды, какие ему нравятся» [Каплан, 2012. С. 184].

Иррациональность избирателя есть источник негативных экстерналий. «Политическая иррациональность подобно загрязнению воздуха. В обоих случаях частные выгоды от самоограничения в основном равны нулю. Если вы становитесь более рациональным избирателем, то политика, при которой вы живете, существенно не улучшается, точно также как воздух, которым вы дышите, заметно не улучшается, если вы водите машину меньше. Но когда достаточно избирателей или водителей принимают эгоистически оптимальное решение, общий результат может быть неэффективным, а, возможно, и катастрофическим» [Caplan, 2005a. P. 17]. Фактически это означает приравнение всеобщего избирательного права к загрязнению окружающей среды. Каждому свободно допущенному до бюллетеня избирателю собственные фантазии (мании, фобии) дороже (ценнее) реальности, а в итоге издержки следования «наказам избирателей» ложатся на всех, включая, естественно, и немногих рациональных. Если политик-популист в точности исполняет волю его избравших, то, как правило, получается то, что специалисты в области IT называют «мусор на входе – мусор на выходе».

Вступив в полемику с Капланом, Уиттман несколько смягчает свою позицию относительно иррациональности избирателя [Wittman, 2005a; 2005b]. Это обстоятельство Каплан использует для утверждения о непоследовательности оппонента; считает, что тот стал агностиком в этом вопросе [Caplan, 2005b. P. 167]. И заключает, что «если он агностик относительно рациональных ожиданий, он должен быть агностиком относительно эффективности демократии» [ibid. P. 169].

Уиттман действительно отклоняется от признанного определения рациональных ожиданий, которому, как было отмечено выше, привержен Каплан. Он предполагает, например, что таковыми они могут быть, если ближе к истинному значению, чем в случае равномерного распределения всевозможных иррациональных оценок. Если, например, оценивается доля расходов федерального бюджета США на помощь зарубежным странам, то среднее значение из такого распределения оценок, допустим, будет 50%. Если же полученная впоследствии в результате опроса средняя цифра окажется 10%, то, как полагает Уиттман, «это свидетельство более согласуется с рациональными ожиданиями, чем с моделью иррациональных ожиданий» [Wittman, 2005a. P. 28]. И это, несмотря на то, что реальная цифра 1%. Но ведь 10% ближе к таковой, чем 50%.

Каплан пытается показать абсурдность такого понимания рациональных ожиданий. И приводит в связи с этим такой довод: если он, Каплан, возомнит, будто его личный доход составляет 24% от мирового дохода (что превышает реальную цифру на порядок в сотню миллионов), то это, по Уиттману, окажется рациональным ожиданием, поскольку 24% ближе к реальной цифре, чем 50%. «Это сводит предположение о рациональных ожиданиях к бессмыслице» [Caplan, 2005b. P.168].

Уиттман постоянно стремится показать, что иррациональность наблюдается и в рыночных решениях, что, тем не менее, не приводит экономистов к выводу о неэффективности рынка. В частности, он приводит пример с большими тратами на гомеопатические средства [Wittman, 2005a. P. 26). Каплан в ответ на это утверждает, что «иррациональность – это вопрос степени» [Caplan, 2005b. P. 170]. В масштабах экономики эти траты малы, тогда как иррациональность людей как избирателей приводит к куда большим бесполезным тратам.

Кроме того, если в этом случае Уиттман в определении иррационального поведения на рынке опирается на мнение экспертов, то почему бы и в политике не поступить также? Если эксперты-экономисты почти единодушно считают протекционизм злом, а свободную торговлю – благом, а широкая публика наоборот, то не есть ли это проявление иррациональности? На тезис Уиттмана о том, что против свободной торговли выступают только те, кто несет потери от нее, Каплан обращает вниманит, что приверженность к негативным ее оценкам не связана с этим фактором [Ibid. Pp. 171–172].

Интересно обращение спорящих к нейроэкономике. Уиттман предлагает сканировать мозг и определить, когда задействуются более примитивные его центры: в случае голосования или в случае покупок на рынке [Wittman, 2005a. P. 29]. В ответ на столь оригинальное предложение Каплан напоминает, что разделение когнитивной деятельности мозга функционально. Если, допустим, мы используем «примитивные центры» для формирования политических убеждений, то почему бы не допустить, что они оптимально справляются с этой ролью? Нет оснований отождествлять эти центры с иррациональностью. Однако главное неприятие позиции Уиттмана связано с тем, что животные не придерживаются политических идеологий, следовательно, идеологическое мышление использует присущие только человеку центры мозга [Caplan, 2005b. Pp. 179–180].

При всех своих разногласиях, оба экономиста не жалуют поведенческую экономику. Уиттман называет ее «мешаниной из противоречивых результатов, а не интеллектуальным фундаментом» [Wittman, 1995. P. 38]. Каплан же относится к ней менее негативно (что закономерно, исходя из его позиции в отношении иррационального поведения в политике), но, тем не менее, далек от восторженного ее восприятия. Для него ее основным недостатком является то, что «экспериментальные условия обычно слишком отличны от условий реального мира, чтобы с доверием переходить от одних к другим» [Caplan, 2005b. Pp. 179–180].

Еще одно направление дискуссии – это вопрос о влиянии информации на выбор избирателя. Уиттман придерживается той точки зрения, что люди, твердые в своих предубеждениях (например, противники все той же свободной торговли), остаются таковыми независимо от того, доведена до них верная информация или нет²⁰. Далее он применяет это утверждение к поддержке кандидатов на президентских выборах в США: если сторонники одного из кандидатов узнают, что его позиция по нескольким пунктам программы исходит из ложной информации, то вряд ли этого будет достаточно, чтобы они проголосовали за его оппонента [Wittman, 2005a. P. 24].

В этом аспекте Каплан частично соглашается со своим оппонентом, но замечает, что знания все-таки имеют решающее значение. Приобретая информацию, избиратели меняют свой выбор. Для иллюстрации приводится пример с опросом по поводу желательности повышения минимальной заработной платы: абстрактно эту меру поддержал 81%, но когда в вопрос было включено указание на то обстоятельство, что это повышение снижает количество рабочих мест, число ее сторонников составило лишь 40%, а 57% оказались против [Caplan, 2005b. P.175]. В этой связи стоит заметить, что в одной из статей Каплана приводятся данные о том, что одним из самых важных факторов (на втором месте после роста доходов), сближающих позицию широкой публики с позицией профессиональных экономистов, а, следовательно, согласно его критерию, снижающим степень иррациональности, является уровень ее образованности [Caplan, 2004a. P. 182].

Заключительное слово в дискуссии оставалось за Уиттманом. Стоит выделить два его аргумента. Во-первых, аргумент в пользу рациональных ожиданий медианного избирателя. Он заявил: «Важная роль медианного (или околосреднего) избирателя делает много результатов иррационального голосования? не имеющими значения» [Wittman, 2005b. P. 188]. На чем основано это заявление? Он отмечает, что полностью неинформированные рациональные избиратели воздержатся от участия в голосовании. Есть и неосведомленные иррациональные избиратели, которые голосуют против собственных интересов. В то же время, если число их с одного фланга не превышает существенно их число с другого, то они имеют весьма умеренное влияние на результат. Мы, таким образом, можем ожидать, что будет большое число неинформированных и иррациональных избирателей, но благодаря

²⁰ Это, в частности, подтверждает правоту Каплана в том, что Уиттман в полемических статьях против рациональной иррациональности избирателя стал признавать наличие иррациональности в поведении хотя бы ряда избирателя, чего ранее не делал.

закону больших чисел и определяющему результат голосования медианному избирателю влияние такой иррациональности, похоже, будет незначительным [ibid. P.189].

Далее, обращается внимание на то, что, как уже отмечалось, избиратели-экстремисты справа и слева не изменяют своих предпочтений, дополнительная информация не затронет их подсчет затрат и выгод. Они не заинтересованы в информации. Поэтому «отсутствие информации для многих избирателей не означает провал демократии» [ibid.].

Ведя дискуссию с Капланом, Уиттман обращает внимание на известный факт не тождественности средней оценки медианной. К примеру, расходы на медицину составляют 3% федерального бюджета. Недооценка избирателей этих расходов не превышает 3%, тогда как переоценка может быть 10% и более. Естественно, что средняя может показать существенное завышение. Однако это не коснется оценки медианного избирателя.

Медианный избиратель, в отличие от избирателей-экстремистов, равнодушен к получению дополнительной информации, поскольку его позиция находится в центре политического спектра, он не заиклен на какой-нибудь идее. Потребляя эту информацию, он становится более рациональным. Отсюда «медианный избиратель может иметь рациональные ожидания, даже если много избирателей иррациональны и не информированы, а средний избиратель имеет неправильные ожидания» [ibid.]. Со всей очевидностью, такая аргументация работает на отстаиваемую Уиттманом теорию эффективной демократии.

И, наконец, Уиттман обращается к критике не инструментальных теорий поведения избирателя: как концепции экспрессивного голосования, так и рациональной иррациональности²¹. В них избиратель ведет себя так, как будто его голос не считается. На самом деле, это не так. Избиратель ценит свой голос и ведет себя из расчета, что он имеет значение. В качестве примера приводится нежелание избирателей голосовать за идущего по опросам с большим отставанием на третьем месте кандидата-аутсайдера, даже если его позиция им ближе всего. Они в таком случае не хотят «выкидывать свой голос» и чаще всего отдадут его за одного из двух лидеров, чья позиция ближе к позиции третьего кандидата-аутсайдера. «Это свидетельствует в пользу того, что избиратели инструментально рациональны и против того, что они рационально иррациональны» [Ibid. P.192].

Заключение

Очевидно, что на рубеже веков экономисты развернули дискуссию, значение которой стало ясным только сейчас, когда мы наблюдаем кризис демократического правления в большинстве стран мира. Этот кризис – во многом результат всеобщего избирательного права, которое, как верно сумел увидеть Каплан, есть аналог загрязнения окружающей среды: все могут сбрасывать отходы в форме собственных предубеждений в нее, поскольку она, строго говоря, никому не принадлежит. В результате для экономики возникает эффект подобный известной «трагедии общин». Все имеют свободный доступ на «поляну», которая истощается в силу неумеренной эксплуатации. В развитых демократиях сохраняется крупномасштабное перераспределение, не прекращается дефицитное финансирование государственных расходов, растет государственный долг, и «поляна» со временем плодоносит все хуже и хуже. Поэтому скептический взгляд на демократию распространяется и становится уже хотя бы отчасти нормой. В частности, ее уже не связывают с «хорошим правлением». «...Хорошее правление – не то удобство, которое гарантирует демократия, в теории или на практике» [Данн, 2016. С. 54–55].

²¹ Эти концепции похожи, но только экспрессивное голосование подразумевает, что избиратель знает истину, но сознательно делает эмоциональный выбор вопреки своему знанию; рациональная иррациональность, как было показано выше, также означает эмоциональный характер выбора в русле своих убеждений, но при этом избиратель не имеет представления об истине.

Одними из первых среди современных экономистов на тенденцию неограниченной демократии к саморазрушению обратили внимание теоретики общественного выбора виргинской школы, которые предложили переписать конституции, вложив в них ограничения на демократический произвол в экономике. Однако привыкший требовать у политиков удовлетворения собственных представлений «о том, как надо» рядовой избиратель вряд ли окажется столь дальновидным, что примет решение на каком-нибудь конституционном референдуме ограничить свой суверенитет. Надежды создателей конституционной экономики на столь просвещенный и дальновидный эгоизм масс были, по всей видимости, напрасными. Кроме того, конституции, как показывает практика, не являются «священными коровами»: их положения могут нарушаться в силу принятия выгодных в данной момент политикам решений. Невыполнение Маастрихтских соглашений странами зоны евро – один из недавних примеров.

Представители все той же виргинской школы выявили и главный дефект демократического устройства общества: отсутствие политических прав собственности. В то же время еще более убедительно и последовательно об этом писали неортодоксальные экономисты австрийской школы. В книге Ганса-Германа Хоппе «Демократия: Бог, который потерпел неудачу» переход от монархий к демократии трактуется как переход от правительства в частном владении к правительству в общественном владении и оценивается как упадок цивилизации в силу преобладания текущих интересов у последнего [Hoppe, 2007]. Всеобщее избирательное право рассматривается в том числе и как нарушение прав собственности налогоплательщиков. «...Налогоплательщики вправе контролировать деятельность государственного аппарата путем свободных выборов. Но отсюда вовсе не вытекает, что те, кто не платит налоги и особенно те, кто существует за счет налогоплательщиков, вправе участвовать в выборах» [Четвернин, 2014. С. 204].

Критика всеобщего избирательного права в последнее время ширится. Книга политического философа Джейсона Бреннана «Против демократии» может служить наглядным тому подтверждением. В ней он вслед за Капланом утверждает: «Проблема в том, что всеобщее избирательное право наделяет стимулами принимать политические решения невежественным и иррациональным образом, а затем навязывает эти невежественные и иррациональные решения невинным людям» [Brennan, 2016. P. 8]. Российские экономисты К. Яновский и С. Журавлев называют всеобщее избирательное право всеобщей избирательной привилегией (как право, де факто нарушающее право собственности) и подчеркивают связанные с ним клиентелизм и разрушение морали: «Всеобщее избирательное право не просто дает разовый негативный моральный эффект, но расширено его воспроизводит» [Яновский, Журавлев, 2017. С. 112].

В то же время демократия подвергается критике и слева. Тут смыкаются два направления. Одно из них называет себя республиканизмом. Апеллируя к значению слова «республика» (от латинского *res publica* – общественное дело), его представители призывают к широкому участию народных масс непосредственно в процессе управления. Нужны «равенство доступа к местам в исполнительной, законодательной и судебной власти» и «постоянно действующие каналы прямого участия рядовых граждан в совместной работе с чиновниками» [Хархордин, 2017]. Другое направление провозглашает необходимость так называемой «делиберативной демократии». В России активным ее пропагандистом является известный критик экономического мейнстрима В. Ефимов [Ефимов, 2018]. Она предполагает вовлечение рядовых граждан, затронутых определенной проблемой, в ее обсуждение и участие в принятии решений по этой проблеме. В сущности, и республиканцы, и сторонники делиберативной демократии сходятся в своих требованиях к процессу принятия государственных решений.

Заметим, что пока ни те, ни другие не дали ответа на поставленные Капланом вопросы, не предложили рецептов, как быть с иррациональной рациональностью изби-

рателя. Ведь это качество никуда не исчезнет и при прямом вовлечении масс в управление государством. А главное: возможно ли оно? Есть ли у людей спрос на него или сильнее эффект безбилетника? Да и почему массовое участие в политике наделяется своего рода презумпцией благонамеренности? Только потому, что современные элиты и госслужащие во многом коррумпированы, преследуют посредством государственных решений собственные выгоды? Но кто даст гарантии, что инициативные участники обсуждения и выработки решений «снизу» будут лишены эгоистических мотивов? Или же не будут в силу хотя бы своей неопытности вовлечены в сомнительные политические сделки разного рода, не станут объектами манипуляций? Бреннан пишет по этому поводу: «Политическое участие не является ценностью для большинства людей. Напротив, оно приносит нам мало хорошего, но, вместо этого, имеет тенденцию сводить на нет и коррумпировать нас» [Brennan, 2016. P. 7].

Если левые ищут выход в расширенном участии масс в управлении государством, то правые выступают за его ограничение. Все сводится к той или иной форме ценза. Тот же Бреннан рекомендует заменить демократию так называемой «эпистократией» (властью умных) и анализирует разные варианты реализации последней [Ibid. Pp. 204–230], тогда как несогласный с ним Александр Салтер выдвигает в качестве альтернативы более традиционную и исторически опробованную меру: ограничить право выбора владельцами собственности [Salter, 2017. P. 173]. Яновский и Журавлев не делают конкретных предложений, но полагают, что «ограничение избирательной привилегии возможно и даже необходимо...» [Яновский, Журавлев, 2017. С. 117] При этом «оно должно быть строго формализованным, опирающимся на вневременные моральные ценности» [Нам же]. Можно предположить, что наиболее реалистичным будет просто ввести плату за участие в голосовании, дифференцировав ее в зависимости от уровня избирательной кампании (федеральный, региональный или муниципальный). Но в любом случае возникает вопрос: кто все это сделает? И пока ответ на него повисает в воздухе.

В реальности, конечно, все будет по-другому. Мир не развивается по рецептам экономистов и философов. Однако столь интенсивное обсуждение этой проблемы говорит о том, что он нуждается в довольно радикальных переменах.

ЛИТЕРАТУРА

- Данн Д. (2016). Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ефимов В.М. (2018). О двух типах социальных порядков // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Закария Ф. (2004). Возникновение нелиберальных демократий // Логос. № 4. С. 55–70.
- Каплан Б. (2012). Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН, Мысль.
- Мадьяр Б. (2016). Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение.
- Четвернин В. (2014). Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-история. С. 161–205.
- Хайек Ф.А. фон. (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН.
- Хархордин О. (2017). Свобода не там. Есть ли у России республиканское будущее? republic.ru/posts/88018
- Яновский К., Жаворонков С. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии // Экономическая политика. № 6. С. 102–123.
- Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // Journal of Comparative Economics. Vol. 31. Iss. 4. Pp. 620–652.
- Barro R.J. (2013). Democracy, Law and Order, and Economic Growth//2013 Index of Economic Freedom. Washington, D.C.: The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. www.heritage.org/index.
- Becker G.S. (1983). A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 98. No. 3. Pp. 371–400.
- Bodreaux D. (1996). Was Your High-School Teacher Right After All?: Donald Wittman's The Myth of Democratic Failure // The Independent Review. Vol.1. Pp. 111–128.

- Brennan H.G., Lomasky L.E.* (1993). *Democracy and Decision: The Pure Theory of Electoral Preferences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brennan J.* (2016). *Against Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Buchanan J.M.* (1954). Individual Choice in Voting and the Market // *Journal of Political Economy*. Vol. 62. No. 4. Pp. 334–343.
- Buchanan J.M.* (1984). Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications // *Public Choice Theory-II* / J.M.Buchanan and R.D.Tollison (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan. Pp. 11–22.
- Caplan B.* (2000). Rational Irrationality: A Framework for the Neoclassical-Behavioral Debate // *Eastern Economic Journal*. Vol. 26. No. 2. Pp. 191–211.
- Caplan B.* (2001a). Libertarianism Against Economism: How Economists Misunderstand Voters and Why Libertarians Should Care // *Independent Review*. Vol.5, No.4. Pp. 539–563.
- Caplan B.* (2001b). Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklos*. Vol. 54. No. 1. Pp. 3–26.
- Caplan B.* (2001c). What Makes People Think Like Economists? Evidence on Economic Cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Journal of Law and Economics*. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.
- Caplan B.* (2002a). Systematically Biased Beliefs About Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Economic Journal*. Vol. 112. Iss. 479. Pp. 433–458.
- Caplan B.* (2002b). Sociotropes, Systematic Bias, and Political Failure: Reflections on the Survey of Americans and Economists on the Economy // *Social Science Quarterly*. Vol. 83., No. 2. Pp. 416–435.
- Caplan B.* (2003). The Logic of Collective Belief // *Rationality and Society*. Vol. 15. No. 2. Pp. 218–242.
- Caplan B.* (2004a). Economists versus the Public on Economic Policy // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 180–183.
- Caplan B.* (2004b). Rational Ignorance // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 468–470.
- Caplan B.* (2004c). Rational Irrationality // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.
- Caplan B.* (2005a). From Friedman to Wittman: The Transformation of Chicago Political Economy // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–21.
- Caplan B.* (2005b). Rejoinder to Wittman: True Myths // *Econ Journal Watch*. Vol. 2. No. 2. Pp. 165–185.
- Conglton R.D.* (2004). The Median Voter Model // *The Encyclopedia of Public Choice* / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 382–387.
- Doucouliaagos H., Ulabasoglu M.A.* (2008). Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // *American Political Science Review*. Vol. 52. No. 1. Pp. 61–83.
- Downs A.* (1957). *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Row.
- Freedom in the World 2013. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/egypt.
- Freedom in the World 2017. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/egypt.
- Gwartney J., Lawson R. and Hall J.* (2017). *Economic Freedom of the World: 2017. Annual Report*. Frazer Institute. www.fraserinstitute.org.
- Heinemann F.* (2008). Is Welfare State Self-Destructive? A Study of Government Benefit Moral // *Kyklos*. Vol. 61. No. 2. Pp. 237–257.
- Hoppe H.-H.* (2007). *Democracy – the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.
- Lemieux P.* (2004). The Public Choice Revolution // *Regulation*. Vol. 27. No. 3. P. 22–29.
- Levy-Carciente S.* (2017). International Property Rights Index 2017. www.internationalpropertyrightsindex.org/full-report.
- Mueller D.C.* (2003). *Public Choice-III*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munger M.C.* (2004). Interest Groups I // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 307–312.
- Nations in Transit (2018a). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/hungary.
- Nations in Transit (2018b). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/Poland.
- Rowley C.K.* (1997). Donald Wittman's "The myth of democratic failure" // *Public Choice*. Vol. 92. Nos. 1–2. Pp. 15–26.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (2004). Is Democracy Efficient? // *The Encyclopedia of Public Choice* / C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 189–195.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1993). Snake Oil Economics versus Public Choice // *Public Choice Theory* / C.K.Rowley (ed.). Vol. III. Aldershot: UK and Brookfield, USA: Edward Elgar Publishing. Pp. 573–584.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1995). Why Democracy does not Necessarily Produce Efficient Results // *Journal of Public Finance and Public Choice*. (December). Pp. 97–111.
- Salter A.W.* (2017). Book Review. Jason Brennan. *Against Democracy* // *Public Choice*. Vol. 170. Iss. 1–2. Pp. 171–173.

- Salter A.W. (2015). Rights to Realm: Reconsidering Western Political Development // American Political Science Review. Vol. 109. No. 4. Pp. 725–734.
- Shugart II W.F., Razzolini L. (2001). Introduction: Public Choice at the Millenium // The Elgar Companion to Public Choice / W.F. Shugart II, L.Razzolini (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar. Pp. XXI–XVII.
- Sobel R.S., Wagner R.A. (2004). Expressive Voting and Redistribution // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowely, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 245–247.
- Tanner M., Hughes Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // Policy Analysis. No.779 (August). Pp. 1–72.
- Tullock G. (1971). The Charity of the Uncharitable//Western Economic Journal. Vol. 9. No. 12. Pp. 379–392.
- Wintrobe R. (1998). The Political Economy of Dictatorship. Cambridge, UK. New York.
- Wittman D. (1989). Why democracies produce efficient results//Journal of Political Economy. Vol. 97. No. 6. Pp. 1395–1424.
- Wittman D. (1995). The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions are Efficient? Chicago: University of Chicago Press.
- Wittman D. (2004). Efficiency of Democracy // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowely, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 186–189.
- Wittman D. (2005a). Reply to Caplan: On the Methodology of Testing for Voter Irrationality // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 1. Pp. 22–31.
- Wittman D. (2005b). Second Reply to Caplan: The Power and the Glory of the Median Voter // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 2. Pp. 186–195.
- Wittman D. (2009). How Pressure Groups Activate Voters and Move Candidates Closer to the Median//The Economic Journal. Vol. 119. No. 540. Pp. 1–20.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

PhD (economics), professor of National Research University – Higher School of Economics and research fellow in the Center of Modernization at European University, St.Petersburg, Russia

zao-and@yandex.ru

ECONOMISTS ON THE EFFECTIVENESS OF DEMOCRACY: DEBATE ON THE TURN OF THE CENTURY

Annotation. The article analyzes the opposite of views on the effectiveness of democracy in the Chicago and Virginia schools of political economy. The introduction notes the urgency of the problem and gives a brief overview of the two stages of the polemic between these schools. The first part of the article reviews the concept of the effectiveness of democracy put forward by Donald Wittmann, representing the Chicago school of economics. The second part contains the respond to him by his opponents, – Charles Rowley and Michel Wachris, who formed a view at the failures of democracy in the theory of public choice. They represent Virginia school of political economy. The third part is devoted to the theory of rationally irrational voter of Brian Caplan as an innovation of the Virginia school and his polemics with Wittmann. In conclusion, the development of views on the crisis of democracy as a crisis of universal suffrage and proposed attempts to exit from it are presented.

Key words: *voter, effectiveness of democracy, political market, failures of democracy, Chicago school, Virginia school, rational irrationality, median voter, universal suffrage.*

JEL Classification: D72, B25.

REFERENCES

- Dunn D. (2016). Ne ocharovyvatsya demokratiei [Breaking democracy's spell]. M.: Gaidar Institute.
- Efimov V. M. (2018). O dvukh tipakh sotsialnykh poryadkov. Chast 1 [On two types of social orders. Part 1] // Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. [Theoretical economics] № 1. Pp. 7–25.
- Zakariya F. (2004). Vozniknovenie neliberalnykh demokratii [The rise of illiberal democracies] // Logos. № 4. Pp. 55–70.
- Kaplan B. (2012). Mif o ratsional'nom izbiratele: Pochemy demokratii vybirayut plokhuyu politiku [The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies]. M.: IRISEN, Mysl.
- Madyar B. (2016). Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: Na primere Vengrii [Post-communist Mafia State: The Case of Hungary]. M.: New literature review.

- Chetvernin V. (2014). Ponyatie prava: konkuriruyushchie paradigmy [The concept of law: competing paradigms] // Kapitalizm i svoboda: sbornik statei [Capitalism and freedom: collection of articles]. St. Petersburg: Nestor-istoriya. Pp. 161–205.
- Hayek F.A. von. (2006). Pravo, zakonodatelstvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravedlivosti i politiki [Law, legislation and liberty: A new statement of the liberal principles of justice and political economy]. M.: IRISEN.
- Harhordin O. (2017). Svoboda ne tam. Est li u Rossii respublikanskoe budushchee? [Freedom is not there. Does Russia have a republican future?]. republic.ru/posts/88018.
- Yanovskii K., Zhavoronkov S. (2017). Neskolko zametok o moralnosti vseobshchei izbiratelnoi privilegii [The Few Notes on Universal Suffrage Morality] // Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. № 6. Pp. 102–123.
- Acemoglu D. (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // Journal of Comparative Economics. Vol. 31. Iss. 4. Pp. 620–652.
- Barro R.J. (2013). Democracy, Law and Order, and Economic Growth // 2013 Index of Economic Freedom. Washington, D.C.: The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. www.heritage.org/index.
- Becker G.S. (1983). A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 98. No. 3. Pp. 371–400.
- Bodreaux D. (1996). Was Your High-School Teacher Right After All?: Donald Wittman's The Myth of Democratic Failure // The Independent Review. Vol. 1. Pp. 111–128.
- Brennan H.G., Lomasky L.E. (1993). Democracy and Decision: The Pure Theory of Electoral Preferences. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brennan J. (2016). Against Democracy. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Buchanan J.M. (1954). Individual Choice in Voting and the Market // Journal of Political Economy. Vol. 62. No. 4. Pp. 334–343.
- Buchanan J.M. (1984). Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications // Public Choice Theory-II/J.M.Buchanan and R.D.Tollison (eds.). Ann Arbor: The University of Michigan. Pp. 11–22.
- Caplan B. (2000). Rational Irrationality: A Framework for the Neoclassical-Behavioral Debate // Eastern Economic Journal. Vol. 26. No. 2. Pp. 191–211.
- Caplan B. (2001a). Libertarianism Against Economism: How Economists Misunderstand Voters and Why Libertarians Should Care // Independent Review. Vol. 5. No. 4. Pp. 539–563.
- Caplan B. (2001b). Rational Ignorance versus Rational Irrationality // Kyklos. Vol. 54. No. 1. Pp. 3–26.
- Caplan B. (2001c). What Makes People Think Like Economists? Evidence on Economic Cognition from the Survey of Americans and Economists on the Economy // Journal of Law and Economics. Vol. 44. No. 2. Pp. 395–426.
- Caplan B. (2002a). Systematically Biased Beliefs About Economics: Robust Evidence of Judgemental Anomalies from the Survey of Americans and Economists on the Economy // Economic Journal. Vol. 112. Iss. 479. Pp. 433–458.
- Caplan B. (2002b). Sociotropes, Systematic Bias, and Political Failure: Reflections on the Survey of Americans and Economists on the Economy // Social Science Quarterly. Vol. 83. No. 2. Pp. 416–435.
- Caplan B. (2003). The Logic of Collective Belief // Rationality and Society. Vol. 15. No. 2. Pp. 218–242.
- Caplan B. (2004a). Economists versus the Public on Economic Policy // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 180–183.
- Caplan B. (2004b). Rational Ignorance // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 468–470.
- Caplan B. (2004c). Rational Irrationality // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.
- Caplan B. (2005a). From Friedman to Wittman: The Transformation of Chicago Political Economy // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–21.
- Caplan B. (2005b). Rejoinder to Wittman: True Myths // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 2. Pp. 165–185.
- Conglton R.D. (2004). The Median Voter Model // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 382–387.
- Doucouliağos H., Ulabasıođlu M.A. (2008). Democracy and Economic Growth: A Meta-Analysis // American Political Science Review. Vol. 52. No. 1. Pp. 61–83.
- Downs A. (1957). An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row.
- Freedom in the World 2013. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/egypt.
- Freedom in the World 2017. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/2017/egypt.
- Gwartney J., Lawson R. and Hall J. (2017). Economic Freedom of the World: 2017. Annual Report. Frazer Institute. www.fraserinstitute.org.
- Heinemann F. (2008). Is Welfare State Self-Destructive? A Study of Government Benefit Moral // Kyklos. Vol. 61. No. 2. Pp. 237–257.
- Hoppe H.-H. (2007). Democracy – the God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy and Natural Order. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers.

- Lemieux P.* (2004). The Public Choice Revolution//Regulation. Vol. 27. No. 3. P. 22–29.
- Levy-Carciente S.* (2017). International Property Rights Index 2017. www.internationalpropertyrightsindex.org/full-report.
- Mueller D.C.* (2003). Public Choice-III. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munger M.C.* (2004). Interest Groups I // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 307–312.
- Nations in Transit* (2018a). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/hungary.
- Nations in Transit* (2018b). freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/poland.
- Rowley C.K.* (1997). Donald Wittman’s “The myth of democratic failure” // Public Choice. Vol. 92. Nos. 1–2. Pp. 15–26.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (2004). Is Democracy Efficient?//The Encyclopedia of Public Choice/C. K. Rowley, F.Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 189–195.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1993). Snake Oil Economics versus Public Choice // Public Choice Theory / C.K.Rowley (ed.). Vol. III. Aldershot: UK and Brookfield, USA: Edward Elgar Publishing. Pp. 573–584.
- Rowley C.K. and Vachris M.A.* (1995). Why Democracy does not Necessarily Produce Efficient Results // Journal of Public Finance and Public Choice. (December). Pp. 97–111.
- Salter A.W.* (2017). Book Review. Jason Brennan. Against Democracy // Public Choice. Vol. 170. Iss. 12. Pp. 171–173.
- Salter A.W.* (2015). Rights to Realm: Reconsidering Western Political Development // American Political Science Review. Vol. 109. No. 4. Pp. 725–734.
- Shugart II W.F., Razzolini L.* (2001). Introduction: Public Choice at the Millenium // The Elgar Companion to Public Choice / W.F. Shugart II, L.Razzolini (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar. Pp. XXI–XVII.
- Sobel R.S., Wagner R.A.* (2004). Expressive Voting and Redistribution // The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 245–247.
- Tanner M., Hughes Ch.* (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // Policy Analysis. No. 779 (August). Pp. 1–72.
- Tullock G.* (1971). The Charity of the Uncharitable//Western Economic Journal. Vol. 9. No. 12. Pp. 379–392.
- Wintrobe R.* (1998). The Political Economy of Dictatorship. Cambridge, UK; New York.
- Wittman D.* (1989). Why democracies produce efficient results//Journal of Political Economy. Vol. 97. No. 6. Pp. 1395–1424.
- Wittman D.* (1995). The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions are Efficient? Chicago: University of Chicago Press.
- Wittman D.* (2004). Efficiency of Democracy// The Encyclopedia of Public Choice / C.K. Rowley, F. Schneider (eds.). Vol. 2. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic Publishers. Pp. 186–189.
- Wittman D.* (2005a). Reply to Caplan: On the Methodology of Testing for Voter Irrationality//Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 1. Pp. 22–31.
- Wittman D.* (2005b). Second Reply to Caplan: The Power and the Glory of the Median Voter // Econ Journal Watch. Vol. 2. No. 2. Pp. 186–195.
- Wittman D.* (2009). How Pressure Groups Activate Voters and Move Candidates Closer to the Median//The Economic Journal. Vol. 119. No. 540. Pp. 1–20.

В.М. Ефимов

д.э.н., независимый исследователь, Франция

О ДВУХ ТИПАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ (Часть 2. Начало статьи в ВТЭ в №1, 2018¹)

Аннотация. Вторая часть статьи нацелена на понимание существующего в настоящее время в России социального порядка. Автор исходит из того, что для того чтобы понять современный российский социальный порядок, в частности, его генезис, его ни в коем случае нельзя рассматривать изолированно от мирового порядка, который, в свою очередь, в значительной степени определяется социальными порядками, существующими в западных странах и прежде всего в США. Западному социальному порядку, который я обозначил как монетарный социальный порядок, была посвящена первая часть статьи. Хотя молодой Петр I прибыл в Англию практически сразу после возникновения в этой стране монетарного социального порядка, его внимание привлекала исключительно технологическая сторона современного по тому времени материального обеспечения армии и флота. Как такое обеспечение организовано в рамках монетарного социального порядка его совершенно не интересовало, так как он знал, что сможет решить эту проблему на базе рабского труда крепостных крестьян. В Англии абсолютизм был подорван, в частности, протестантством, в России же русское православие успешно содействовало его стабильности. Набожные русские крестьяне глубоко верили, что их помещики служат помазаннику божьему, а отсюда их долг беспрекословно служить помещикам. Мало того, принятая русским народом концепция «Москва – Третий Рим» обосновывала мессианскую роль русского государства и его православного народа. Николай Бердяев назвал советский строй крепостным, а концепцию коммунизма, на осуществление которого на земле была нацелена деятельность Третьего Интернационала, продолжением русского мессианства. Холодную войну, развязанную Западом против СССР, можно рассматривать как ответ на это мессианство.

Ключевые слова: *патрональный социальный порядок, русское мессианство, холодная война, однополярный мировой порядок, социальные сети.*

Классификация JEL: F5, N4, P1, P2, P3, P4.

Методологическое введение

Анализ существующего в настоящее время в России социального порядка в статье построен на основе методологии исходного (original) институционализма [Ефимов, 2016a]. Один из главных основателей этого направления экономической мысли Джон Коммонс вместе со своими студентами проводил анализ, разбирая, укладывая в определенный порядок (*marshalling*) факты, что позволяло продвигаться в понимании рассматриваемых явлений. В статье приводится много фактов или суждений других авторов о фактах, именно поэтому статья (как первая, так и вторая ее части) наполнена многочисленными цитатами. Такой способ анализа и стиль изложения может оказаться затруднительным для восприятия тем, кто привык видеть в публикациях только абстрактные рассуждения (с математикой или без нее), основанные на определенных предпосылках. Исходный институционализм с самого начала был нацелен на изучение социально-экономических порядков². Важнейшей чертой его методологии является исследование социальных порядков путем выявления опривыченных правил, которым следуют акторы в рамках изучаемого порядка.

¹ Ввиду большого объема авторского текста редакция вынуждена разбить представленный материал на две части. Окончание работы В.М. Ефимова выйдет в ВТЭ 1-2019.

² Уолтон Гамильтон был первым, кто ввел понятие институциональной экономики. В 1919 г. он писал: «История экономической науки указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [Гамильтон, 2007. С. 117].

Эти правила носят достаточно устойчивый характер и передаются из поколения к поколению. Именно поэтому немецкая историко-этическая школа, продолжением которой и является американский исходный институционализм, уделяла особое внимание историческим фактам. Глубоко понять действующие в настоящее время опривыченные правила можно, только распознав их генезис на протяжении длительного времени. Причем, так как за этими правилами всегда стоят определенные верования-убеждения, то для понимания определенного социального порядка необходимо знать существо этих верований-убеждений. Во второй части статьи, в частности, и прослеживается их динамика.

Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками экономического мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория — это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) “факт”, и мы не можем воспринимать (*perceive*) “факты” без теории» [Фридмен, 1994. С. 44]. Такая методология приводит к тому, что исследователь остается слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным. А вот, что мне писал недавно один политолог против методологии используемой мной в этой статье: «Я не верю в некое объективное или независимое изложение социальных фактов, которое дает преимущества одним исследователям перед другими. Социальные факты всегда излагаются в некоей субъективной перспективе их наблюдения, описания, изложения, классификации и оценки конкретными наблюдателями, которые пытаются выйти на некие обобщения и закономерности»³. Такое видение конструирования социальных фактов является чисто релятивистским. Институционально закрепленная черта естествознания, а именно предложенное Брюно Латуром понимание научной объективности, связанное с сопротивляемостью объекта исследования исследователю, не оставляет релятивизму места. Он называет в качестве решающего признака действительно объективного научного исследования способность объекта исследования *возражать (to object)* тому, что о нем сказано. Лабораторный эксперимент для него — это создание таких условий, когда «объекты могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых» [Латур, 2006. С. 352]. Применительно к социальной сфере сопротивляемость объекта исследования исследователю выражается в одинаковой характеристике событий разными не связанными друг с другом их участниками и/или наблюдателями, которая, так или иначе, фиксируется документально. Документы эти могут быть самого разного типа, от текстов интервью и публичных выступлений до писем и других свидетельств, хранящихся в архивах. Во второй части моей статьи излагаемые факты имеют именно такое происхождение.

Важным источником возможных затруднений восприятия данной статьи является привычка обществоведов к тому, что Джон Дьюи назвал «огульными обобщениями» [Ефимов, 2016b]. Концепции «естественного государства» и «порядка ограниченного доступа» являются у Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] универсальными, характеризующими существующие в настоящее время социальные порядки для всего западного мира. Методология исходного институционализма отвергает подобный универсализм своих теоретических построений. Хочу сразу предупредить читателя второй части статьи, что вводимое в ней понятие «патронального социального порядка»⁴ развивается мною исключительно применительно к современной России путем последовательного рассмотрения некоторых, важных для понимания генезиса этого порядка, исторических фактов. Я совершенно не претендую на универсальность введен-

³ Этот политолог порекомендовал мне убрать из статьи все разделы, кроме двух последних. По его мнению «статья распадается на ряд фрагментированных сюжетов, из которых не выстраивается общая картина», «это интересные и частные исторические экскурсы, не имеющие отношения к предмету статьи».

⁴ Понятие патронального социального порядка было мною введено под влиянием книги Генри Хейла «Патрональная политика. Динамика евразийских режимов в сравнительной перспективе» [Hale, 2015].

ного мною понятия и его непосредственную применимость ко всем странам и эпохам, где и когда не было главенства монетарного социального порядка.

Некоторыми читателями первой части статьи введенное в ней понятие монетарного социального порядка было воспринято, с одной стороны, как эквивалент понятия капитализма, а с другой стороны, как просто порядок, в котором деньги, в отличие от советской системы, играют важную роль при взаимодействии людей. Напомню, что в первой части статьи *монетарный социальный порядок* был охарактеризован как такой, при котором обладание деньгами, этими универсальными талонами, а тем более правом их создания и контроля, является *важнейшим источником власти*. При капитализме допускается получение дохода на капитал, и в этом смысле можно говорить о средневековом капитализме [Эрс, 2014]. Однако в Средневековье деньги не были *важнейшим* источником власти. Тем более нельзя говорить о существовании монетарного социального порядка в тех странах и в те периоды их существования, где и когда деньги играли важную роль во взаимодействии людей, но в тоже время не являлись и/или не являются *важнейшим* источником власти. Именно это и имело место в России второй половины XIX и начала XX вв. В статье не ставится задача как-то обозначить социальный порядок, существовавший в России в это время. Этот период рассматривается в статье просто как один из этапов движения к действующему сейчас в России патрональному социальному порядку.

Почему Петр I не привнес в Россию монетарный социальный порядок?

В первой части статьи рождение монетарного социального порядка связывалось с возникновением в 1694 г. Банка Англии. Молодой русский царь Петр I имел возможность досконально познакомиться с этим порядком, прибыв в Лондон 11 января 1698 г. и пробыв там со своей свитой до 2 мая в качестве гостя взошедшего в 1689 г. на английский трон голландца Вильгельма Оранского, получившего имя Вильгельма III. Однако царь не воспользовался этой возможностью, деятельность банков и торговля вообще его не интересовали. Его внимание было нацелено на технологии, а не на социальную организацию общества. Это касалось и денег: царь досконально изучил используемую в Англии технологию чеканки монет⁵, но совершенно не интересовался практиками кредитования и использованием банкнот и векселей. Нельзя сказать, что русский царь и английский король стали близки друг другу, «но король распахнул для Петра все двери, открыл доступ на верфи, на монетный двор, на литейные заводы, продемонстрировал свой флот, позволил русским беседовать с кем угодно и делать записи» [Масси, 2015. с. 336]. Скрываясь под чужим именем, царь «странствовал по Лондону, сколько ему было угодно <...> он наведывался в мастерские и на фабрики, все время просил, чтобы ему показывали работу всяких приспособлений, и даже требовал чертежи и технические описания» [Там же. С. 321]. Один из английских собеседников Петра свидетельствует: «Он увлекается механикой, и кажется, что он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем. Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился. Он немало поработал собственными руками и заставлял всех окружающих трудиться над моделями кораблей» [Там же. С. 326]. Австрийский посол в Лондоне Хоффман писал своему императору в Вену: «Говорят, будто он (царь Петр) намерен цивилизовать своих подданных на манер других народов. Но из всего его поведения здесь можно лишь заключить, что он собирается сделать из них матросов» [Там же. С. 333]. Посетив англий-

⁵ «Самой интересной частью Тауэра оказался для Петра монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался» [Масси, 2015. С. 330].

ский парламент и прослушав дебаты с помощью переводчика, Петр «объявил своим русским спутникам, что хотя считает неприемлемым ограничение монаршей власти парламентами, все-таки “весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан!”» [Там же. С. 332–333].

В конце XVII и начале XVIII в. перед английской и русской монархиями стояла одна и та же задача, а именно оснастить армию и флот для успешного ведения постоянно происходящих войн. Английский монарх Карл II *закупал* ружья и пушки для своей армии и флота у достаточно многочисленных существовавших в то время в Англии частных производителей огнестрельного оружия [Ffoulkes, 2010]. Деньги на оплату этих производителей Карл II заимствовал у золотых дел мастеров, которые выполняли в то время роль банкиров. Эти банкиры предоставляли свои кредиты английской короне под очень высокие проценты, доходящие до 30% [Goodman, 2009. P. 12]. Сборы налогов не покрывали королевские долги банкирам, и именно по этой причине в январе 1672 года Карл II перестал платить по своим долгам и объявил дефолт. Это привело к разорению многих золотых дел мастеров (банкиров), волны от которого прокатились по всей экономике [Ibid.]. Как уже указывалось в первой части статьи, предотвращение любого повторения дефолта было главным соображением, по которому парламент посадил на трон в 1689 г. голландца Вильгельма III [Ефимов, 2018. С. 10]. По этой же причине и был создан в 1694 г. центробанк – Банк Англии: «Большой силой Банка было то, что в ответ на ранее существовавший страх перед королевским дефолтом по обязательствам короны, он служил в качестве “механизма обязательств”, что делало обещания правительства выплачивать свои долги заслуживающими доверия» [Goodman, 2009. P. 25].

Петр I не вникал во все это во время своего пребывания в Англии наверняка не по причине отсутствия любопытства, которого у него было не занимать, а по той причине, что видел выполнение своей задачи оснащения армии и флота совсем другими методами. Прежде всего, в России к моменту восхождения на престол Петра I не было частного производства ружей и пушек. Тульские оружейники были в то время «казенными кузнецами» [Юркин, 2003. С. 11]. Одного такого тульского казенного кузнеца и заметил после своего возвращения в Россию Петр I. Им был Никита Демидов [Чумаков, 2011]. Сначала царь способствовал расширению его деятельности по производству ружей, пистолетов и пушек в Тульской губернии, а также других местах европейской части России. Но вскоре предприимчивый Никита попросил царя дать ему возможность основать металлургические и оружейные заводы на богатом железной рудой Урале. Быстрый на решения царь издал 9 января 1703 г. указ по которому «стольнику и воеводе Верхотурскому» приказывалось «приписать к демидовским заводам Аяцкую и Краснопольскую слободу и монастырское Покровское село, со всеми относящимися к ним деревнями, крестьянами и угодьями». Если изначально, на момент передачи, за заводом было закреплено 70 человек, то к 1704 году это число выросло до 1200. При этом Демидов автоматически, не будучи дворянином, превратился в одного из богатейших людей государства. Каждый крестьянин обязан был теперь отработать на заводе «в месяц неделю, да на год всякому человеку возить на те заводы по возу сена и по пяти возов соломы». Сам же Демидов расплачивался за нее с казной произведенным железом» [Там же. С. 39]. В своем указе Петр предписывал «ему, Никите, в работу для тех вышеописанных дел отдать Верхотурскому уезду Аяцкую, Краснопольскую слободы з деревнями, и со всеми крестьянами, и з детьми, и з братьями, с племянниками, и землю, и со всякими угоды. <...> А кто из тех крестьян явится ему не послушен, и ему, Никите, тех ослушников и ленивых, смотря по вине, смирать и ботогами, и плетьюми, и железами...»⁶. Итак, задачу оснащения армии и флота царь Петр решал с помощью подневольного труда крепостных.

⁶ www.sentstory.ru/ot-urala-po-sibire-k-azii/arkhitektra-urala-i-sibiri/nevyanskaya-padayushchaya-bashnya.

Пополнение государственной казны Петр I также основывал на труде крепостных крестьян. В инструкции новоучрежденному Сенату Петр I писал: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны» [Ключевский, 1989. С. 116]. Вот как характеризует В.О. Ключевский петровский подход к налогообложению: «Петр видел в податном вопросе только два предмета: солдата, которого надо содержать, и крестьянина, который должен содержать солдата. В ноябре 1717 г., быв в Сенате, Петр сам написал указ, изложенный тем летучим стилем, который поддавался только опытному экзегетическому чутью сенаторов: «Распорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалованья, и провиант на крестьян, скольких душ или дворов один, что удобнее будет, солдат и драгун и офицер по рангам кроме генералитета, применяя к податям нынешним, ибо как сие положится, от прочих всех податей и работ свободны будут». Итак, все прямые налоги предполагалось заменить одним военным, подворным ли или подушным, все равно или еще не было решено; этот налог распределялся на крестьян по расчету стоимости содержания солдата, драгуна и офицера. Через несколько дней предпочтено было распределение по душам, «работным персонам», и Сенат, толкуя указ Петра, 26 ноября 1718 г. предписывал перечислить все сельское пахотное население мужского пола, всех «не обходя от старого до самого последнего младенца» [Там же. С. 125].

Итак, идеи и практики монетарного социального порядка Петру I были не нужны, но нельзя сказать, что в Англии он интересовался исключительно технологиями. Он проявлял большой интерес и к церковным делам, причем он «не ограничивался рамками государственной Англиканской церкви. Англичане думали, что «если кто-то перенимает новые приемы кораблестроения, почему бы ему не перенять и новую веру? <...> Нельзя ли обратить в новую веру юного монарха, а через него и весь его простодушный народ? Нельзя ли, по крайней мере, создать унию Англиканской и Православной церквей?» [Масси, 2015. С. 324]. Были предприняты практические шаги в этом направлении: «По воле короля и архиепископа один из ведущих представителей духовенства Англии, епископ Солсберийский Джилберт Вернет отправился к царю, «чтобы предоставить ему все сведения о нашей религии и церковных установлениях, какие он пожелает получить» <...> они встречались затем несколько раз и беседовали часами, но епископ, чьей задачей было наставлять и убеждать Петра, нашел, что шансы обращения царя в новую веру равны нулю. Он был лишь первым из множества русских, чей интерес к заимствованию западных технологий наивные европейцы расценили как возможность заодно экспортировать западную философию и идеи. Между тем интерес Петра к протестантизму носил характер чисто познавательный. Царь, настроенный скептически в отношении любой религии, не исключая и православия, искал в ритуале и догматах каждой веры то, что могло оказаться полезным для него или его государства» [Там же. С. 325].

Английская Славная революция произошла не только из-за страха буржуазии перед возможным повторением дефолта по королевским долгам, она имела также и идеологические причины. Дело в том, что и Карл II и его приемник Яков II были католиками, а влиятельные английские круги не хотели обращения страны в католичество [Carruthers, 1990], которое всячески прославляло бедность, порицало богатство и относилось отрицательно к банковскому проценту. Оно устанавливало также, что путь в рай открыт только тем, кто не делает зла другим. Протестантство же внушало им, что обогащение угодно Богу и что в рай после смерти можно попасть независимо от своего поведения при жизни. Это конечно устраивало тех, кто создавал тяжелые условия существования своим рабочим и кто готов был разорить своих конкурентов. Все это совершенно не нужно было Петру и православная версия христианства вполне ему подходила. Она, по крайней мере, не ставила под сомнение божественное происхождение его власти. Не без помощи русской православной церкви, среди русского народа была распространена идеология крепостного права: «По идеологии права крепостного строя, земля всегда была царской, т.е. государственной.

Царь предоставлял землю крестьянам, а затем предоставлял крестьян с землей (или землю с крестьянами) дворянам. Крестьяне должны были кормить дворян для того, чтобы те могли служить царю. А дворяне должны были служить царю, их служба была повинностью их сословия и согласно идеологии крепостного строя на ней только и основывалось право дворянства на то, чтобы его кормили живущие на земле крестьяне — т.е., по сути дела, право «владеть» землей» [Леонтович, 1995. С. 220]. Удар по этой идеологии, который, в конечном счете, привел к революции 1917 г., был нанесен Екатериной II: «Крестьянство никогда не признавало либеральной революции Екатерины, т.е. произведенное посредством Жалованной Грамоты 1785 г. превращение дворянских поместий в частную собственность. Тем не менее оно не могло не признать, что это означало, до некоторой степени, превращение самих крестьян в собственность помещика» [Там же].

Отмена крепостного права в 1861 году в пользу помещиков с недостаточным наделением крестьян землей, сделало революции 1905 и 1917 гг. неизбежными: «По мнению крестьян, освобождение состояло в том, что они избавлены от барщины и от оброка, и это представлялось им вполне логичным и справедливым: ведь господ давно уже освободили от обязательной службы, еще с 1762 или с 1785 г. Если же они после этого добровольно вступали на государственную службу, то за это получали жалование наличными и поэтому не нуждались более в том, чтобы крестьяне их кормили. Но в отношении правового положения земли ничто не изменилось. Все было по-прежнему. Земля принадлежала царю, крестьянин ее обрабатывал и поэтому, вполне естественно, государство предоставляло крестьянину землю» [Там же. С. 221]. Этим укорененным среди русских крестьян, составлявших в начале XX в. 80% населения, убеждением и воспользовались большевики, обещав поделить между ними всю помещичью землю, что обеспечило им победу в гражданской войне.

Николай Бердяев о русском коммунизме

Привлечь большинство русского народа на свою сторону удалось большевикам не только путем обещания передачи им помещичьей земли, но и идеей построения коммунистического рая в России и дальнейшего его распространения по всему миру. Вот, что пишет по этому поводу Н. Бердяев: «После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры. Инок Филофей был выразителем учения о Москве, как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: «Третьего нового Рима — державного твоего царствования — святая соборная апостольская церковь — во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Доктрина о Москве, как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться и исповеданием ортодоксально-коммунистической веры» [Бердяев, 1990. С. 9].

Глубоко веря в детстве в мессианскую коммунистическую идею, будучи внуком ответственного сотрудника аппарата Коминтерна, а также общаясь с бывшими француз-

скими коммунистами моего возраста, я могу засвидетельствовать достоверность и глубину нижеприведенного анализа Бердяева: «Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму, или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унижительную роль. Они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слышал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество — это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество». Это совершенно верно и должно было бы быть всеми осознано. Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом». [Там же. С. 117–118].

Цитируемая здесь книга Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» была впервые опубликована в 1937 г.⁷ Анализ двадцати лет существования советской России привел Бердяева к следующему выводу: «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания, на ортодоксальной доктрине обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это к сожалению вполне согласно со старыми традициями русской государственности. Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя сознавала и оправдывала, как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию. Старая русская монархия покоилась на ортодоксальном мирозерцании, требовало согласия с ним. Новое русское коммунистическое государство тоже покоится на ортодоксальном мирозерцании и требует еще с большей принудительностью и согласия с ним. Священное царство всегда есть диктатура мирозерцания, всегда требует ортодоксии, всегда извергает еретиков. Тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа» [Там же. С. 117].

А вот как Бердяев характеризует советское промышленное развитие: «Пятилетний план, столь поражающий многих людей Запада, есть очень элементарная и прозаическая вещь. Россия страна индустриально отсталая. Необходимо во что бы то ни стало ее индустриализовать. На Западе это происходило под знаком капитализма — и так должно быть

⁷ Книга вначале в 1937 г. была опубликована на английском языке и только в 1955 г. в Париже на языке оригинала (русском языке).

по Марксу. Но в России индустриализация должна проходить под знаком коммунизма. *При коммунистическом режиме это можно сделать лишь создав энтузиазм индустриализации, превратив ее из прозы в поэзию, из трезвой реальности в мистику, создав миф о пятилетке* (курсив мой. В.Е.). Но все это происходит не только при помощи энтузиазма, поэзии, мистики и мифотворчества, но и путем террора и Г.П.У. *Народ поставлен в крепостную зависимость по отношению к государству. Коммунистический строй переходного периода есть строй крепостной* (курсив мой. В.Е.). Вопреки Марксу и буржуазной политической экономии, я думаю, что промышленное развитие вполне возможно и при коммунизме. *И при старом режиме капиталистическая промышленность в России развивалась понуждением правительства* (курсив мой. – В.Е.). Неотвратимые экономические законы — выдумка буржуазной политической экономии. Таких законов не существует» [Там же. С. 119].

Бердяев констатирует, что в царской России был крайне редок адекватный человеческий материал для буржуазного пути промышленного развития. В советской России оно осуществлялось путем замены в мотивации труда личного интереса социальным служением: «Для индустриализации России под коммунистическим режимом нужна новая мотивация труда, новая психическая структура, нужно, чтобы появился новый коллективный человек. Для создания этой новой психической структуры и нового человека русский коммунизм сделал огромное усилие. Психологически он сделал больше завоеваний, чем экономически. *Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способным с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение. В России это легче было сделать, чем в странах Запада, где буржуазная психология и капиталистическая цивилизация пустили глубокие корни. Даже русский купец старого режима, который наживался нечистыми путями и делался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал в светлые минуты о другой жизни, например, о странничестве или монашестве. Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западно-европейского типа* (курсив мой. – В.Е.) [Там же].

По Бердяеву Сталин является продолжателем дел Петра I: «Пятилетний план не осуществляет все-таки царства социализма, он осуществляет государственный капитализм. Высшей ценностью признаются не интересы рабочих, не ценность человека и человеческого труда, а сила государства, его экономическая мощь. Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть» [Там же. С. 120].

В своей книге Бердяев проявляет необыкновенную прогностическую способность. Приходится просто удивляться его ясновидению в области предвидения эволюции советского общества. Это касается, во-первых, развития в СССР тенденций шкурничества, а во-вторых, опасных последствий падения советской власти. Вот, что он пишет относительно первого: «Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. *Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России. На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество, вполне возможное и при коммунизме*» (курсив мой. – В.Е.) [Там же. С. 119–120]. Ну а последствия падения советской власти он прозорливо видел следующим образом: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть,

выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. *Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией* (курсив мой. – В.Е.) [Там же. С. 120].

Ну и, наконец, вот, что он пишет о патриотизме: «В России вырастает не только коммунистический, но и советской патриотизм, который есть просто русский патриотизм. *Но патриотизм великого народа должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив. Миссия русского народа сознается, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире* (курсив мой. – В.Е.). И это согласно с русскими традициями. Но ужасно, что опыт осуществления социальной правды ассоциируется с насилием, преступлениями, жестокостью и ложью, ужасной ложью» [Там же. С. 120–121].

Каким был экономический порядок в СССР?

Октябрьскую революцию 1917 г. можно рассматривать как попытку полного пересмотра социального порядка царской России, однако всего через какой-то десяток лет, по крайней мере в аграрной сфере, произошел, по существу, возврат к крепостному праву⁸. Сразу после революции основа дореволюционного порядка, а именно помещичье землевладение, была ликвидирована и земля помещиков была передана крестьянам. Исследования А.В. Чаянова, осуществленные в разных губерниях в 1910–1913 гг. выявили, что мотивации русских крестьян были не всемерное повышение благосостояния семьи и уж тем более не обогащение, а удовлетворение ее минимальных потребностей, ее выживание. Результаты бюджетных обследований, проведенные им, показывают, что «объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» [Чаянов, 1989. С. 241]. Русский крестьянин просто переставал работать после получения им необходимого ему и его семье прожиточного минимума. Эта же черта русских крестьян сохранилась и после революции. Период между Октябрьской революцией и коллективизацией является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков. Социализации и перераспределению подверглись не только земли помещичьи, государственные, удельные, монастырская, церковные, но и земли крестьян-единоличников. Произошло «возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель», и «осереднячивание» крестьянских хозяйств, натурализация производства, ослабление рыночных связей и преодоление – в значительной мере – социально-экономического расслоения деревни» [Данилов, 1992. С. 319]. В этих условиях производство товарного зерна было очень низким, а ведь зерно было в то время чуть ли не единственным ресурсом, который пользовался спросом на Западе и от продажи которого там можно было приобрести машины и оборудование для индустриализации страны.

Автором советского социального порядка был, безусловно, Сталин. При его создании ставилась та же задача, которая в Англии при Вильгельме III была решена путем перехода на монетарный социальный порядок, а в России эпохи Петра I путем усиления закрепощения крестьян. Это – задача обеспечения армии и флота всем необходимым, которая была невозможна без индустриализации и усиленного развития оборонной промыш-

⁸ Содержание этого раздела статьи частично основывается на [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009; 2010; 2015; 2016a].

ленности. Сталин объясняет необходимость коллективизации в своей беседе со студентами Института красной профессуры Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. опубликованной 2 июня 1928 г. в газете «Правда» под названием «На хлебном фронте». В ней Сталин указывает на нетоварный характер середняцких крестьянских хозяйств как на причину трудностей снабжения городов хлебом. Для своих объяснений Сталин использует таблицу, предоставленную ему В.С. Немчиновым, бывшим в то время членом коллегии ЦСУ. «О чем говорит эта таблица?» – спрашивает Сталин и сам же отвечает на этот вопрос. – «Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вовсе от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможностью серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции. Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства, товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк – “центральной фигурой” земледелия. Она говорит, в-третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11 процентов товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на наличие довоенной нормы валовой продукции хлеба» [Сталин, 1952. С. 194–195].

То, на что обратил внимание Сталин, можно рассматривать как важную часть «социального гена» русского крестьянского хозяйства как социального института. После укрупнения за счет помещичьей земли своих хозяйств крестьянские семьи стали больше производить, просто чтобы больше потреблять, но не для того, чтобы продавать и богатеть. Конечно, сыграли свою роль в их нежелании увеличивать объемы своего производства также и неблагоприятное для крестьян соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и их страх попасть в категорию кулаков. «Выход — по Сталину — состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход – в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии» [Там же. С. 196]. С самого начала колхозы не имели ничего общего с кооперативами, однако миф, созданный Сталиным, оказался в течении длительного времени очень живучим. Коллективизация, переход к колхозам означали, по существу, новое закрепощение русского крестьянства.

Советская система сельского хозяйства, как она была установлена под руководством Сталина и просуществовала несколько десятилетий, не была результатом какого-то детально продуманного проекта, а была нащупана Сталиным по результатам первых экспериментов коллективизации. По-видимому, первоначальный замысел коллективизации состоял в обобществлении всех элементов крестьянских хозяйств, однако сопротивление этому со стороны крестьян было слишком сильным. Кроме того, прагматические цели коллективизации, а именно производство и изъятие для целей индустриализации необходимого количества зерна, не требовали этого. В своей статье, озаглавленной «Головокружение от успехов», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г. Сталин ставит вопрос, каким должно быть основное звено в построении колхозной системы. После последова-

тельного исключения товариществ по совместной обработке земли и сельскохозяйственных коммун, он утверждает, что: «Артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы <...> Известно, что в ряде районов СССР, где борьба за существование колхозов далеко еще не закончена и где артели еще не закреплены, имеются попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне. Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление <...> Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, – разве не ясно, что такая «политика» может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» [Там же. С. 334, 335].

Модель, которую нашел Сталин, а именно колхоз-артель, была вполне действенной как с точки зрения предъявляемых к ней требований со стороны государства, так и достаточно жизнеспособной, так как обеспечивала физическое выживание крестьян и воспроизводство их рабочей силы. В рамках этой модели обобществлению подлежали все полевые наделы крестьян, приусадебные же участки (по-старому, приусадебная оседлость) оставались в пользовании крестьянских семей. В собственности крестьян оставались жилые постройки, частью которых были помещения для скота, сам скот и птица. На объединенных наделах крестьяне, работая «за палочки», т.е. трудодни, которые либо вообще никак не оплачивались, либо имели мизерную натуральную компенсацию, фактически отбывали барщину для государства. На своих же приусадебных участках крестьянские семьи производили в основном для своего собственного потребления растениеводческую продукцию, прежде всего картофель и овощи. Общинные сенокосы и пастбища в этой модели были отданы также в пользование крестьян для кормления их личного скота. Длительное время колхозники были обязаны также кроме «барщины» платить государству натуральный «оброк» продуктами животноводства, произведенными в своих личных хозяйствах (мясо, молоко, масло, яйцо, шерсть и т.п.). *Эта система не была чем-то совершенно новым для русских крестьян, ведь отмена крепостного права произошла для них относительно недавно и его черты наверняка были сохранены крестьянской социальной памятью. Не было для них новым и то, что, как и крепостным, колхозникам вплоть до конца 1974 г. было запрещено покидать свои колхозы.* Таким образом Сталин отказался от идеи пролетаризации русского крестьянства и тем самым снял с государства ответственность за их выживание, что в случае пролетаризации ему пришлось бы сделать.

Наряду с колхозом/совхозом⁹ и личным подсобным хозяйством, другим важным институтом советской системы сельского хозяйства было районное руководство. До ликвидации КПСС это был райком. В отличие от промышленности, которой КПСС (ее высшие руководители) управляли через министерства, сельским хозяйством партия управляла непосредственно. Главным действующим лицом, принимающим как стратегические так и оперативные решения по управлению колхозами и совхозами, был первый секретарь райкома. В его руках были решения по кадрам (снять/назначить руководителей хозяйств и чиновников районного управления сельского хозяйства), специализации, посевным площадям, поголовью, срокам сельхозработ и пр. Первый секретарь по существу стал выполнять роль не только наместника центральной власти, но и управляющего «имением» помещика-государства. В конце 50-х – начале 60-х годов советская система сельского хозяйства стала отходить от своей классической сталинской модели, при которой из села почти все забирали, а селу почти ничего не давали. Селу стали давать и давать много, в 70-е годы

⁹ По крайней мере, начиная с 70-х годов существенной разницы между колхозами и совхозами уже не было.

доля капитальных вложений в сельское хозяйство доходила до 30% от всех инвестиций страны. Колхозникам дали паспорта и стали платить заработную плату. Только ни крупные инвестиции, ни щедрые дотации не приносили ожидаемых результатов, продуктивность оставалась низкой, а об экономических результатах и говорить не приходится.

Сначала колхозы создавались на базе деревень и они были относительно небольшими. Задача управления колхозами на этом этапе была достаточно простой: обеспечить выполнение «первой заповеди» – сдать хлеб государству. Но тогда, когда в село потекли ресурсы, потребовался более детальный контроль за их использованием. Первый секретарь райкома должен был уже чуть ли не каждый день быть на связи со всеми руководителями хозяйств района. Если их больше 25–30, то такая задача для первого секретаря становится почти непосильной. Укрупнение хозяйств, т.е. увеличение их размера и тем самым уменьшение их количества в районе, было вызвано прежде всего этой причиной¹⁰. В колхозно-совхозной системе именно необходимость жесткого административного контроля руководителей хозяйств со стороны первого секретаря райкома и психофизиологические способности человека, исполняющего эту роль определили размер сельскохозяйственного предприятия, а не критерий наибольшей экономической эффективности – рентабельности. Сельский район стал третьим важнейшим институтом в советском варианте русской аграрной институциональной системы. Именно сельский район и стал фактическим советским сельскохозяйственным предприятием, а не колхозы/совхозы, которые, по существу, были его «цехами».

Промышленность и строительство управлялись в СССР совсем по-другому, а именно через централизованное планирование и распределение материальных ресурсов. КПСС осуществляла надзор над этим планированием и распределением через отраслевые отделы ЦК КПСС и свои областные комитеты. Советская экономическая система пыталась максимально исключить взаимодействия юридических и физических лиц между собой, а планировать материальные потоки из центра на основе так называемого балансового метода до конца так и не удалось сделать. Ей это удавалось только на начальном этапе индустриализации и в условиях войны, когда количество управляемых объектов (заводов) было небольшим и номенклатура выпускаемой в них продукции была невелика. Кроме того, важным условием для этого был рабский (ГУЛАГ и «шарашки») и полу-рабский (колхозная деревня) труд. Как только эти условия исчезли, наличие интенсивных взаимодействий экономических акторов стало в советской экономике неизбежным.

Важнейшими параметрами функционирования советской экономической системы (центральными элементами «народно-хозяйственных планов») были объемы производства и так называемые фонды, то есть право на покупку, а на самом деле получение ресурсов у предприятия производителя, так как деньги под фонды всегда выделялись. С 1975 по 1984 г., посещая различные предприятия и учреждения, я был невольным свидетелем различных проявлений централизованного планирования и распределения ресурсов. Нужно сказать, что информацию о том, как реально функционирует советская экономика было не так-то просто раздобыть: учебники и монографии содержали информацию не о том, как все происходит на самом деле, а как должно быть. А так как реальное планирование и распределение ресурсов происходило не по учебникам и даже не по методикам, то акторы, ощущая нечто вроде чувства вины, а иногда и просто опасности, не очень-то этой информацией делились. Однако кое-что можно было понять и исходя из простого наблюдения.

Так, посещая Госплан СССР, я увидел, что работа в нем происходит не только и может быть не столько в кабинетах, сколько в коридорах, которые были в его здании, сейчас занятым Государственной Думой Российской Федерации, очень широкими и в кото-

¹⁰ В Самарской области в 1996 г. ни в одном из районов количество хозяйств не превзошло 25 и равнялось 25 в трех (Кошкинском, Сергиевском и Ставропольском). Это правило легко проверяется по областной, республиканской и всесоюзной статистике 80-х годов.

рых были установлены длинные столы с многочисленными стульями. За этими столами периодически можно было увидеть массу людей, работавших с объемной документацией, разложенной на столах. Можно было догадаться, что это люди с мест, которые защищают в кабинетах планы для своих предприятий, а потом, получив замечания, выходят из кабинетов, чтобы их скорректировать. Эти сцены дали мне понимание того, что на самом деле советское планирование и распределение ресурсов не было таким уж централизованным. Однажды, прибыв накануне Нового года в город Липецк на Новолипецкий металлургический завод, я вдруг обнаружил, что гостиницы города переполнены, чего я не наблюдал раньше при своих многочисленных посещениях этого завода. Осведомившись, я узнал, что они набиты так называемыми толкачами, жаждущими отоварить неиспользуемые пока фонды на стальной лист, выпускаемый заводом. Прибыл я в город 30 декабря, а через два дня эти драгоценные фонды, т.е. документы дающие право на получение этих вожделенных, остро дефицитных ресурсов, превращались в простые бумажки. Стальной лист важно было получить не только для использования в собственном производстве, но и как «валюту» для бартерного обмена на действительно нужные предприятию ресурсы.

Сцена коридора Госплана в любой рабочий день и липецкой гостиницы в последние календарные дни года дают нам ключ к пониманию функционирования советской экономической системы. Если эти сцены дополнить информацией липецкой газеты о том, что секретарша начальника отдела сбыта завода была арестована милицией на городском рынке при продаже польской косметики, а при обыске на ее квартире был обнаружен целый склад этой косметики, то картина функционирования советской экономической системы будет полной. Секретарша могла ускорить или замедлить подписание документов на отправку стального листа потребителю и это могло быть решающим для его реального получения, особенно при приближении конца года, отсюда и дары толкачей.

Автор советского социального порядка Сталин на селе восстановил крепостной строй, а в городе разновидность общинной системы, которая существовала в России многие века. Все советские организации действовали не только и может быть не столько как место работы и получения доходов, а как социальные ячейки, контролируемые партией через партийные ячейки организаций.

Социальные ячейки и сети в СССР¹¹

Организации в советском обществе играли специфическую роль первичных социальных ячеек. В отличие от организаций в капиталистических странах, люди в советских организациях «не только (а может быть — не столько) трудятся, но и (сколько) проводят время в обществе хорошо знакомых людей, обмениваются информацией, развлекаются, предпринимают многочисленные действия, сохраняющие и улучшающие их положение, осуществляют контакты с людьми, от которых зависит их благополучие, посещают многочисленные собрания, получают путевки в дома отдыха, получают жилье, а порой и дополнительные продукты питания (в связи с постоянными продовольственными трудностями это весьма существенно). Здесь они повышают свою квалификацию и получают всякого рода звания, удостоверяющие это. Здесь они занимаются в художественной самодеятельности и спортом, не говоря уж о кружках политического образования. Здесь они занимаются общественной работой. Здесь их вовлекают в различного рода массовые мероприятия (демонстрации, встречи и проводы важных персон, праздники, вечера отдыха, туристические походы и поездки). Тут происходит не просто реализация абстрактной схемы, а жизнь в самом точном смысле слова с ее радостями и горестями, удачами и неудачами, жизнь,

¹¹ Основные идеи этого раздела статьи заимствованы из [Yefimov, 2001].

полная страстей и драматизма. Именно эта реальная жизнь должна быть в первую очередь принята во внимание при научном описании коммунизма. Но именно ее игнорируют почти все, пишущие и говорящие о коммунизме. Предпочитают говорить о вещах, которые производят большой внешний эффект (репрессии, отсутствие гражданских свобод), но которые почти не существуют практически для людей, живущих на уровне первичного коллектива. Если здесь эти проблемы и возникают, то лишь для того, чтобы коллектив осудил инакомыслящих и выразил поддержку властям» [Зиновьев, 1981. С. 67].

Деньги, которые работники организации получали в ней в качестве заработной платы, позволяли им приобрести только часть потребляемых ими благ. Значительная часть благ работники организации получали как члены этой первичной социальной ячейки. Получение это происходило на базе определенных властных отношений: «В своей деловой ячейке граждане имеют дело с административной (деловой) властью, партийной властью (включая комсомольскую) и властью коллектива (включая профсоюзную организацию). Подавляющее большинство сотрудников коллектива так или иначе само участвует в этой системе власти. И хотя административное руководство назначается свыше, а партийное руководство отбирается и одобряется высшими партийными органами, власть на уровне первичных коллективов есть подлинное самовластие. Для большинства граждан общества жизнь вообще ограничивается уровнем первичных коллективов, так что для них власть как нечто актуальное предстает прежде всего в этом облике самовластия. Власть здесь не воспринимается как насилие. Даже высшие руководители коллектива не противостоят здесь рядовым сотрудникам так, как это имеет место в случае противостояния хозяев предприятий и наемных рабочих, владельцев земли и батраков или крепостных. Они здесь суть члены коллектива. Они могут иметь перспективы подняться выше и тем самым противопоставить себя коллективу как нечто внешнее и вышестоящее. Но пока они в данном коллективе, они тут свои люди» [Там же. С. 85–86].

В делиберациях, то есть обсуждениях, нацеленных на принятие решений, в советском обществе участвовала, как и в капиталистическом, достаточно узкая прослойка людей. Хотя разнообразные партийные, комсомольские и профсоюзные собрания, в которых участвовали рядовые работники, были очень многочисленны, они никак не могут быть причислены к делиберациям. Напротив, именно так иногда могли быть охарактеризованы собрания руководящих работников: «Руководящие сборища весьма разнообразны... — заседания партийных, профсоюзных и комсомольских бюро, бюро районных и областных комитетов партии и т.д... Только в случае полного незнания фактического положения дел можно думать, будто такие сборища суть чистая фикция, будто все дела решают отдельные лица, а остальные только голосуют. Безусловно, такие сборища готовятся заранее, — это элемент самой процедуры их деятельности. Все заранее может быть согласовано, и сборище может принять решение чисто формально. Но не всегда так бывает. На самом деле бывают деловые обсуждения, споры и конфликты. Но если бы даже дело ограничивалось чисто формальным принятием решения, это не было бы излишней фикцией. Сам факт формального одобрения некоего предложения, сам факт принятия решения данным сборищем играет роль весьма существенную: он придает законную силу намерениям отдельных лиц или групп лиц провести какое-то мероприятие. Именно эта формальная роль сборищ, кажущаяся на первый взгляд фиктивной, является на самом деле главной их социальной функцией. А обсуждение есть лишь нечто подсобное и производное» [Там же. С. 98].

Советская система централизованного планирования состояла в распределении ресурсов между различными ячейками. С увеличением масштаба и сложности советской экономики такое распределение не могло обеспечить потребности ячеек (для одних ячеек некоторые ресурсы были распределены в избыточном объеме, а для других ячеек выделенные ей ресурсы были меньше ее в них потребности). Эта ситуация вызвала у руководителей, и у некоторых членов ячеек необходимость начать создание неофициальных горизонтальных

связей с тем, чтобы заполнить пробелы централизованной системы. Одновременно некоторые члены ячеек, начиная с 1960-х, начали чувствовать, что ячейки не обеспечивали их ресурсами, которые смогли бы удовлетворить их личные потребности. Они тоже стали создавать свои собственные неофициальные горизонтальные связи, для того чтобы увеличить свои возможности потребления. Таким образом, были созданы первые сети. Каждый участник сети должен был иметь 'капитал', который мог заинтересовать членов сети. В Советском Союзе, в системе ячеек, каждый человек имел 'капитал', который соответствовал его членству в определенной ячейке и его положению в ней. Так как в Советском Союзе деньги не играли центральной роли, то значительные материальные ресурсы и услуги циркулировали в сетях. В определенном смысле горизонтальные сети пытались частично компенсировать отсутствие платежных сообществ. Члены горизонтальной сети оказывались как бы «должны»¹² всем остальным членам этой сети оказывать, в рамках имеющихся ресурсов, услуги. Кроме горизонтальных социальных сетей в стране существовали также и вертикальные сети. В горизонтальных сетях контакты устанавливаются между людьми более-менее одинакового социального статуса. Напротив, вертикальные сети образуются между «патроном» и людьми более низкого, чем он, социального статуса («клиентелой»)¹³ и которые ищут у патрона защиты и поддержки. В советский период вертикальные сети играли меньшую роль, чем горизонтальные. Значение их резко возрастает в 90-е годы, а с начала XXI в. все российское государство, по существу, было преобразовано на основе принципа вертикальных сетей¹⁴.

Социальные сети, как и ячейки, представляют собой совокупности людей, однако вхождение в них внешних по отношению к ним людей совершенно различны. Чтобы человек мог стать членом ячейки, он должен быть принят всей ячейкой (единогласно всеми членами ячейки, большинством ее членов, или по решению блока управления ячейки). Напротив, чтобы человек мог стать членом горизонтальной социальной сети достаточно, чтобы он имел доверительный контакт с одним из ее членов. Именно через этот доверительный контакт он и получает доступ к другим членам социальной сети. Кроме того, члены ячейки полностью от нее зависят. Большая часть деятельности членов ячейки находится под контролем этой ячейки (ее членов или ее управляющего блока). В горизонтальных сетях такой полной зависимости не существует. Человек не может принадлежать к нескольким ячейкам одновременно. Зато один и тот же человек может входить в несколько сетей. Другая особенность ячеек заключается в том, что они соответствуют определенным экономическим единицам, и члены одной и той же ячейки привязаны к официальной организации. Члены же социальной сети могут быть связаны с различными экономическими единицами. Так как ячейки существуют внутри формальных организаций и в определенном смысле совпадают с ними, то взаимодействия внутри ячеек сильно регулируются, и большинство из

¹² Для усиления аналогии с платежным сообществом (понятие, введенное Г. Кнаппом, см. часть 1 этой статьи) я использую здесь термин «должны» вместо, например, «обязаны».

¹³ Термины «патрон» и «клиентела», а также реальности, обозначаемые этими терминами, существовали в Древнем Риме: «Клиентела — форма социальной зависимости, возникшая в период разложения родового и складывания раннеклассового строя в древней Италии у латинов, сабинов и этрусков. Обедневшие сородичи и бесправные завоеванные или пришлые жители формирующихся полисов индивидуально либо коллективно, ища покровительства патронов из богатой знати, становились их клиентами. Клиенты получали родовое имя патронов, а также земельный надел, обязуясь нести в их пользу разные повинности, прежде всего военную. Узы клиентелы считались священными и нерушимыми. Особенно развились отношения клиентелы в Древнем Риме в связи с ростом рабовладения и углублением социальных противоречий. В период республики клиентела распространилась на вольноотпущенников, значительную часть римского плебса и на целые общины Италии и провинций, зависимые от Рима, и продолжала существовать в эпоху империи» [Куланж де, 2010, с. 115]. Английский историк Н. Хеншелл утверждает, что во Франции при правлении Людовика XIV «основным определяющим фактором политической жизни была клиентела. Она оказывала серьезное влияние на «абсолютизм». Институты центрального и местного управления представляли собой лишь структуры, внутри которых действовала система клиентелы» [Хеншелл, 2003. С. 57]. Это описание Хеншелла вполне может быть использовано для характеристики современной России.

¹⁴ Об этом речь пойдет в заключительном разделе.

этих взаимодействий должны быть разрешены блоком управления ячейки. В отличие от этого, правила взаимодействия внутри сетей являются более гибкими в отношении содержания и направления этого взаимодействия.

Советская правящая элита, как и предвидел Бердяев, постепенно обуржуазивалась. Вирус общества потребления проникал в ее среду очень быстро. Социальные слои, близкие к правящей элите (артисты, писатели, ученые и т.д.), были, в свою очередь, заражены этим вирусом. Поездки на Запад стали одним из самых ценных благ. Амбициозная цель строительства коммунизма в Советском Союзе и его расширение во всем мире больше не имели для них особого приоритета. Повышение уровня жизни элиты осуществлялось путем расширения системы распределения благ членам номенклатуры. Значительная часть номенклатуры и близких к ней лиц не удовлетворялась распределенными им благами, а участвовала в сетях обмена благ и услуг, иногда вне рамок законности, в том числе и путем коррупции. Традиции советского экономического законодательства заключались в том, что существующие законы имели мало или не имели вообще большого значения. Вместо этого доминирующую роль играли приказы и распоряжения различных уровней исполнительной власти. Приоритет власти над законом был важной чертой советского общества, и это приводило к неуважению законов. Нарушение законодательства гражданами, организациями и даже органами власти осуществлялось в большом масштабе. Воровство, коррупция и злоупотребление служебным положением были разрешены неофициально, если они не были осуществлены в очень больших масштабах. Должно ли определенное поведение быть квалифицировано как преступное или нет, решалось гибко в каждом конкретном случае начальством.

В 1992 году ячеечная советская система была официально отменена, хотя бывшие советские, в том числе и приватизированные предприятия продолжали некоторое время выполнять определенные функции ячеек, обеспечивая некоторые социальные услуги, несмотря на их огромные финансовые трудности. Приватизация предприятий кардинально не изменила ситуацию. Руководители, как владельцы, так и не владельцы, были вынуждены играть патерналистскую роль, отвечая на ожидания своих сотрудников по отношению к своим начальникам. Такой патернализм приводил к ограничению увольнений, которые были бы необходимы для реструктуризации предприятий, и сохранению социальных услуг, которые ранее ими предоставлялись. С другой стороны, этот патернализм, как ни парадоксально, сопровождался задолженностью по выплате заработной платы в течение нескольких месяцев. Поскольку работники предприятия продолжали его рассматривать в качестве ячейки, к которой они по-прежнему принадлежали, они продолжали работать в нем, не получая регулярной заработной платы. Эта ситуация, очевидно, не могла длиться вечно. Роль же сетей в первое постсоветское десятилетие намного возросла. Можно сказать, что механизмы функционирования российской экономики в эти годы были основаны на сетях, а в качестве важнейших методов взаимодействия использовали коррупцию и насилие. Эти сети имели три функциональных типа участников: предпринимателей, которые не очень принимали во внимание юридические законы и моральные ограничения; коррумпированных чиновников; и профессиональных преступников. Конкретные участники этих сетей могли выполнить сразу несколько из этих трех функций одновременно.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р.* (2011). Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс.
- Алексеев А.* (2018). Ум, нефть и совесть Что потеряла семья Нобель в России 100 лет назад // Коммерсантъ. www.kommersant.ru/doc/3656297.
- Афанасьев М.Н.* (2000). Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ.

- Бердяев Н.А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Бовыкин В.И. (1999). Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН.
- Гамильтон У. Х. (2007). Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 2. С. 110–17.
- Голдман М. (2005). Пиратизация России. Новосибирск: ФСПИ «Тренды».
- Данилов В.П. (1992). Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина и А.В. Гордона. М.: Прогресс-Академия.
- Донгаров А.Г. (1990). Иностраный капитал в России и СССР. М.: «Международные отношения».
- Драбкин Я.С. и др. (Отв. ред.) (1998). Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука.
- Дюкло Ж. (1973). Кто же они, коммунисты? М.: Политиздат.
- Ергин Д. (2017). Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина паблишер.
- Ефимов В. М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В. М. (2015). Институциональный подход в экономической науке и к экономической науке. Часть II // Журнал институциональных исследований. Т. 7. № 4. С. 6–59.
- Ефимов В.М. (2016а). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
- Ефимов В.М. (2016б). Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии // Журнал экономической теории. № 3. С. 50–63.
- Зинн Г. (2006). Народная история США с 1492 года до наших дней. М.: Издательство «Весь Мир».
- Зиновьев А. (1981). Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф.
- Ключевский В.О. (1989). Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. М.: «Мысль».
- Кортунов С.В. (2009). Национальная идентичность. Постижение смысла М.: Издательство: Аспект Пресс.
- Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Куланж Ф. де (2010). Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М.: Центрполиграф.
- Латур Б. (2006). Когда вещи дают отпор: возможный вклад « исследований науки » в общественные науки // Вахштайн В. С. (отв. ред.). Социология вещей. М.: Территория будущего. С. 342–366.
- Леонов Н.С. (2003). Крестный путь России 1991–2000. М.: Русский Дом.
- Леонтович В. В. (1995). История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Соч. Изд. 2. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1961). Соч. Изд. 2. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Норт Д., Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Ослунд А. (1996). Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика.
- Пантелеев М. (2005). Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М.: ЯУЗА; ЭКСМО.
- Печатнов В.О. (2018). Бильдерберг: от рождения до зрелости (1959–1970-е годы) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 167–183.
- Сакс Дж. Д. (2011). Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М.: Издательство Института Гайдара.
- Сталин И. (1952). Вопросы ленинизма. М. : Политиздат.
- Травин Д. и др. (2017). Российский путь. Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Уткин А. (2006). Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо.
- Фицпатрик Ш. (2011). Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века М.: РОССПЭН.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS. № 4. С. 20–52.
- Хеншелл Н. (2003). Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя.
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Черчилль У. (2016). Как я воевал с Россией. М.: Алгоритм.
- Черчилль У. (2018). Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина нон-фикшн.
- Чумаков В. (2011). Демидовы. Пять поколений металлургов России. М.: ЛитРес.
- Шаталин С.С., Гайдар Е.Т. (1989). Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика.
- Эрс Ж. (2014). Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб.: ЕВРАЗИЯ.
- Юркин И.Н. (ред.) (2003). Тульские оружейники. М.: РОССПЭН.
- Bates D. (2014). Winston Churchill's 'bid to nuke Russia' to win Cold War - uncovered in secret FBI files // Daily Mail. 8 November. 2014. www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nuke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html.

- Carruthers B.G. (1990). Politics, Popery, and Property: A Comment on North and Weingast // *Journal of Economic History*. V. 50. No. 3. Pp. 693–698.
- IMF, IBRD, OECD, EBRD (1991). *A Study of the Soviet Economy*. Vols. 1, 2 and 3. Paris: OECD.
- Ffoulkes Ch. (2010). *Gun-Founders of England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried R.M. (1990). *Nightmare in Red. The McCarthy Era in Perspective*. NY: Oxford University Press.
- Goodman H. (2009). The Formation of the Bank of England: A response to Changing Political and Economic Climate, 1694 // *Penn History Review*. Vol. 17. No. 1. Pp. 10–30.
- Hale H.E. (2015). *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. NY: Cambridge University Press.
- Katusa M. (2015). *The Colder War: How the Global Energy Trade Slipped from America's Grasp*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
- Kinvig C. (2006). *Churchill's Crusade. The British Invasion of Russia, 1918–1920*. NY: Hambledon Continuum.
- Lee F. (2009). *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. London and New York: Routledge.
- Ransel D.L. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Schweizer P. (1994). *Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union*. NY: The Atlantic Monthly Press.
- Wright D. (2017). *Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918 – 1920*. Solihull, West Midlands: Helion & Company Limited.
- Yefimov V. (2001). Structures sociales en Russie, cellules et réseaux // *Du socialisme à l'économie de marché. Errances de la transition*. Nouveaux Cahiers de l'IUUED, Collection Enjeux. No. 12. P. 29–52. books.openedition.org/iheid/2482?lang=fr.
- Yefimov V. (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

ЕФИМОВ Владимир Максович

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Vladimir Yefimov

Doctor of Economic Sciences (CEMI RAS), Doctor in Development Studies (University of Geneva), independent researcher, France

vladimir.yefimov@wanadoo.fr

ON TWO TYPES OF SOCIAL ORDERS. PART 2-1

Abstract. The second part of the article (2-1 и 2-2) is aimed at understanding of the current social order in Russia. The author comes from the fact that in order to understand the contemporary Russian social order, and in particular its genesis, it can in no case be considered in isolation from the world order, which, in its turn, is largely determined by the social order existing in Western countries and especially in the United States. The first part of the article was devoted to the Western social order, which I designated as the monetary social order. Although young Peter I arrived in England almost immediately after the emergence of the monetary social order in this country, his attention was drawn exclusively to the technological side of the modern material support of the army and navy. How such support is organized within the monetary social order he was not interested at all, because he knew that he could solve this problem on the basis of slave labor of serfs. In England, absolutism was undermined in particular by Protestantism, while in Russia the Orthodox Church successfully contributed to its stability. Pious Russian peasants deeply believed that their landowners serve the represent of God, and hence their duty to unquestioningly serve the landowners. Moreover, the concept of «Moscow – the Third Rome» adopted by the Russian people justified the messianic role of the Russian state and its orthodox people. Nikolai Berdyaev called the Soviet system the serfdom, and the concept of communism, the implementation of which on earth was aimed at the activities of the Third international, the continuation of the Russian messianism. The cold war, unleashed by the West against the USSR, can be seen as a response to this messianism. At the end of existence of the Soviet Union, horizontal social networks became important elements of its institutional structure. In the 1990s, vertical networks began to play an increasingly important role in Russia. In the first decade of the 21st century, the entire Russian state was essentially transformed on the basis of the principle of vertical networks.

Keywords: *serfdom, Russian messianism, the Soviet economic order, social networks.*

JEL Classification: F5, N4, P1, P2, P3, P4.

REFERENCES

- Bates D.* (2014). Winston Churchill's 'bid to nuke Russia' to win Cold War - uncovered in secret FBI files // Daily Mail, 8 November 2014. www.dailymail.co.uk/news/article-2826980/Winston-Churchill-s-bid-nuke-Russia-win-Cold-War-uncovered-secret-FBI-files.html
- Carruthers B.G.* (1990). Politics, Popery, and Property: A Comment on North and Weingast // *Journal of Economic History*. V. 50. No. 3. Pp. 693–698.
- IMF, IBRD, OECD, EBRD (1991). *A Study of the Soviet Economy*. Vols. 1, 2 and 3. Paris: OECD.
- Ffoulkes Ch.* (2010). *Gun-Founders of England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fried R.M.* (1990). *Nightmare in Red. The McCarthy Era in Perspective*. NY: Oxford University Press.
- Goodman H.* (2009). The Formation of the Bank of England: A response to Changing Political and Economic Climate, 1694 // *Penn History Review*. Vol. 17. No. 1. Pp. 10–30.
- Hale H.E.* (2015). *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. NY: Cambridge University Press.
- Katusa M.* (2015). *The Colder War: How the Global Energy Trade Slipped from America's Grasp*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
- Kinvig C.* (2006). *Churchill's Crusade. The British Invasion of Russia, 1918–1920*. NY: Hambledon Continuum.
- Lee F.* (2009). *A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century*. London and New York: Routledge.
- Ransel D.L.* (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven, CT: Yale University Press
- Schweizer P.* (1994). *Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union*. NY: The Atlantic Monthly Press.
- Wright D.* (2017). *Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920*. Solihull, West Midlands: Helion & Company Limited.
- Yefimov V.* (2001). Structures sociales en Russie, cellules et réseaux // *Du socialisme à l'économie de marché. Errances de la transition*. Nouveaux Cahiers de l'IUED, Collection Enjeux. No. 12. Pp. 29–52. books.openedition.org/iheid/2482?lang=fr.
- Yefimov V.* (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris: l'Harmattan.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.В. Ковалев

к.э.н., доцент, Белорусский национальный технический университет, Республика Беларусь, Минск

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: НАЗАД В БУДУЩЕЕ?¹

Аннотация. В статье рассматривается состояние современной экономической науки, трактуемое автором как кризисное. Анализируются проявления кризиса на уровне предмета науки, категориального аппарата, целей и инструментария исследований, преподавания. Делается вывод о том, что причиной кризиса стало превалирование метода исследования над предметом. Совершенствование инструментария получения и обработки данных сопровождалось отказом от реалистичности посылок и привело к выдвигению в качестве предмета анализа не реальной экономики, а некоей теоретической реальности. Рассмотрение маржиналистской революции показывает, что выбор направления развития экономики в пользу вальрасианской модели общего равновесия был обусловлен сложностью менгерских методологических установок. Предложено авторское видение предмета экономической науки.

Ключевые слова: предмет экономики, методология, кризис экономической теории, маржиналистская революция.

Классификация JEL: B41, B13, A20.

Введение

Мировой финансовый кризис ярко выявил состояние кризиса современной экономической теории мейнстрима, которая оказалась неспособна ни предсказать, ни объяснить глобальные пертурбации мировой экономики последнего десятилетия. В такие периоды, когда научное познание упирается в ограниченность объяснительной способности базовых концепций и требуется их замена или существенное обновление, на переднюю линию выдвигается проблема методологии науки. Задача экономистов-теоретиков, методологов, историков экономической мысли – проанализировать тренды, приведшие к текущему состоянию, выявить причины и найти возможные варианты преодоления кризисных явлений. Обозначенная проблематика и является темой настоящей статьи.

Проявление кризиса–I: предмет науки, категориальный строй и структура дисциплинарной области

Задача любой науки – получение достоверных знаний о том или ином аспекте окружающего мира. В этой связи экономическая теория должна, как и иные науки, иметь четко очерченный предмет. Если обратиться к учебникам и энциклопедиям, то большин-

¹ Ранняя версия данной статьи представлена на XVII конференции из цикла «Леонтьевские чтения» и опубликована в сборнике конференции. Публикуется с согласия издателя АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр»

ство из них будут ссылаться на классическое определение Л. Роббинса, в соответствии с которым экономическая наука «изучает человеческое поведение с точки зрения соотношения между *целями* и ограниченными *средствами*, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс, 1993]. Следует обратить внимание на то, что одним из элементов системы автор указывает не ресурсы, а именно средства. Общеизвестно, что Роббинс разделял подход австрийской школы, а потому можно с большой долей уверенности утверждать, что и цели человека, и средства, которые тот ставит в соответствие данным целям, являются результатом субъективного взгляда человека на хозяйственную деятельность. Более того, в соответствии с менгеровской теорией полезности становятся благами, поскольку они могут быть поставлены в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, и поскольку человек *познал* эту причинную связь. Такая трактовка исключает атомизированного «внесоциального» Робинзона – человек в экономической науке должен рассматриваться как сформированная в конкретных институционально-исторических условиях личность [Ковалев, 2008а]. Такого ли человека и его поведение рассматривает и анализирует экономическая наука? Неудивительно, что с продвижением во времени предмет науки трансформировался в «распределение *обществом* ограниченных *ресурсов* в целях максимального удовлетворения потребностей» (см. анализ изменения трактовки предмета в [Гребнев, 2007]).

Рассмотрение программ учебных курсов позволяет увидеть наличие в них разделов «предмет [той или иной школы экономической мысли]». Например, предметом институциональной экономики авторы учебника [Аленин, Порфирьев, 2013] называют «институциональные экономические отношения, организующие взаимодействие индивидов и различных субъектов общественного производства». Однако в единой науке не может быть различного предмета у разных школ. Отличаться могут (и должны) исследовательские программы школ (методологические допущения, инструментарий исследования, найденные «движущие силы» и т.д.) – а результативность объяснения **одного и того же предмета** должна показывать перспективность того или иного из конкурирующих подходов. Даже если допустить, что термин «предмет науки» используется как метафора (а на самом деле это фокусировка той или иной исследовательской программы на различных аспектах экономической реальности), то сохраняется проблема «лоскутности» фокуса анализа школ. Они концентрируют внимание на той или иной проблематике: например, новая институциональная экономическая теория делает акцент на триаде «права собственности» – «трансакционные издержки» – «контрактные отношения»; посткейнсианство – на макроэкономических аспектах финансовой нестабильности и т.п. При этом практически ни одна из школ сегодня не предлагает комплексного ответа на законы функционирования всей экономической системы.

Отдельно следует сказать о проявлении кризиса на уровне преподавания экономики. В комплексе учебных дисциплин «экономического» блока отсутствует единый категориальный строй, а ведь корректность определений является необходимым условием ведения научных дискуссий. Возможно, одним из наиболее ярких примеров неудачного определения является термин «эффективность». Стандартный подход словарей («отношение результатов к затратам» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999]) в действительности не может сказать абсолютно ничего – попробуйте определить, является ли эффективным производство, если при затратах 90 рублей получена выручка в 100 рублей. Очевидно, что для ответа понадобится дополнительный критерий – аналогичные цифры у других фирм отрасли либо норма прибыли, удовлетворяющая собственника. Эффективность в реальной жизни является понятием относительным.

Абсолютно некорректными представляются определения инфляции. Один из словарей дает такое определение: «устойчивая тенденция повышения цен и заработной платы в денежном выражении» [Блэк, 2000]. А если ценовой индекс в целом подвер-

жен понижательной тенденции (например, на двадцатилетнем временном отрезке), но в течение двух лет внутри этого периода цены росли на 10% ежегодно, то что, инфляции не было в эти годы? Ведь устойчивая тенденция к повышению цен отсутствовала! Про категорию номинальной зарплаты можно вообще не говорить – к инфляции никакого отношения она не имеет.

В другом словаре предложено такое определение: «инфляция есть обесценение денег, проявляющееся в форме роста цен на товары и услуги, не обусловленного повышением их качества» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999]. Вряд ли кто-то из экономистов встречал исследование с корректировкой роста цен на рост качества товаров. Кроме того, проявляться обесценение денег может в форме роста товарного дефицита при фиксированных ценах (собственно, учебники по экономике и выделяют такую ситуацию как скрытую инфляцию) – и тогда предложенное выше определение негодное.

Определение же инфляции просто как «рост общего уровня цен» представляется избыточным – зачем придумывать дополнительную категорию вместо того, чтоб использовать словосочетание «рост цен»? Вплоть до второй мировой войны экономическая наука пользовалась для обозначения явления роста цен именно таким словосочетанием, а под *инфляцией* понимался необусловленный потребностями хозяйственного оборота *рост количества денег*. Например, у Кейнса встречаем: «предложение денег для расходования ... увеличилось, т.е. имела место инфляция» [Кейнс, 1993]. Кассель процесс инфляции описывает как процесс создания новых денег: «Процесс инфляции в конечном счете сводится к произвольному выпуску новых платежных средств с законодательной силой» [Кассель, 1922]. В.В.Новожилов определяет инфляцию как «избыточный выпуск денег» [Новожилов, 1924]. Произошедшее изменение в трактовке инфляции привело к сокрытию из определения причины роста общего уровня цен и возникновению множества теорий, объясняющих подобные тенденции ростом издержек производства, зарплаты, обесценением обменного курса, etc. Некорректное определение позволило и далее формулировать понятия, основываясь не на сущностных, а исключительно на количественных характеристиках – например «умеренная (или нормальная) инфляция» уровнем 2–3% в год. В чем нормальность двухпроцентного роста цен? По времени изменение подхода от сущностного к функциональному совпало с радикальным расширением государственного вмешательства в экономику и массовым призывом экономистов на государственную службу, к чему мы вернемся ниже.

Кроме проблем с категориями, наблюдается логический разрыв между теоретическими и прикладными дисциплинами. На уровне теоретической дисциплины студенты изучают издержки как концепт экономический vs. бухгалтерского, то есть с учетом субъективных, известных одному лишь предпринимателю альтернативных издержек (*opportunity costs*), включающих в себя в том числе и «нормальную» прибыль. Как только же дело доходит до курсов бухгалтерского учета и ценообразования, издержки превращаются в некую объективную данность, когда даже этимологически субъективная *«себе-стоимость»* рассматривается как предмет правительственного нормирования. Понимание конкуренции как ситуации единой цены при отсутствии дифференциации продукта просто невозможно увязать со стратегическим менеджментом, нацеленным на поиск источников конкурентного преимущества и основанным на различии фирм и продуктов. Негативное восприятие монополии в экономической теории резко контрастирует с обоснованием инновационного менеджмента как деятельности, обеспечивающей благодаря нововведениям (защищенным патентами и проч.) ситуацию временной монополии.

Отсутствие конвенционального взгляда на предмет, несовершенство категориального аппарата, разобщенность экономических дисциплин выступают первой из форм проявления кризиса науки.

Проявление кризиса–II: превалирование метода

Второй формой проявления кризиса экономической науки является превалирование метода (т.е. инструмента исследования) над сущностью исследования; фактически метод подменил предмет науки. Используемая методология превратилась в отдельную сферу исследования самой экономики. В.М.Полтерович в статье «Кризис экономической теории» подчеркивает данное обстоятельство следующим образом: «Благодаря *математизации* экономической теории в ее рамках получен ряд общих результатов, фактически указывающих на неполноту или *неадекватность* аксиоматики основополагающих *моделей*, что влечет за собой отсутствие ответов на важнейшие вопросы» (курсив мой – А.К.) [Полтерович, 1998], то есть использование математического метода показало недостаточность метода же моделирования.

Хорошей иллюстрацией превращения метода в цель / результат исследований являются формулировки комитета по присуждению премий памяти Нобеля в области экономических наук:

- «за разработку *метода* оценки производных финансовых инструментов» (Мертон, Скоулз, 1997);
- «за разработку *метода* анализа временных рядов в экономике на основе математической модели с авторегрессионной условной гетероскедастичностью» (Ингл, 2003).

Концентрация на совершенствовании формальных методов исследования привела к двойственным результатам. С одной стороны, возникло явление экономического империализма – достигнув по сравнению с иными социальными науками большей схожести с точными науками, экономика посредством распространения методов вторглась в поле исследования истории, права, социологии. С другой стороны, формализация анализа привела к упрощенческому толкованию экономического развития. Требуемая при применении математического инструментария строгость и точность неизбежно потребовала отказа от реалистичности предпосылок формулируемых теорий, и как следствие – к радикальному снижению их объяснительной способности. Ярким примером необоснованного абстрагирования является допущение об однородности капитала, которое ведет к невозможности объяснения экономических кризисов – ведь если бы капитал был однороден, то для выхода из кризиса было бы нужно всего-то переместить его из отраслей с избытком в отрасли, где его недостаточно. Ниже мы еще вернемся к последствиям превалирования метода, здесь же попытаемся представить краткий исторический экскурс произошедшего.

Нам представляется перспективным рассмотрение истории экономической науки как «дерева решений» [Лейонхуфвуд, 2006], когда в определенные моменты происходит бифуркация – и одна из линий развития получает более значительную поддержку «участников процесса», становясь основным течением, другие же линии либо предаются забвению, либо образуют альтернативные теории (научно-исследовательские программы).

Едва ли не самым значимым разветвлением экономической науки стала маржиналистская революция, следствием которой в определенном смысле явилась вся дальнейшая история экономики. Именно к ключевым идеям маржинализма относят методологические установки, долгое время формировавшие «жесткое ядро» неоклассического синтеза – рационального максимизирующего (полезность или прибыль) субъекта и принцип равновесного анализа. Однако внимательное изучение работ основоположников маржинального анализа – Менгера, Джевонса и Вальраса – позволяет увидеть, что подходы их различны, своими теориями авторы заложили разные исследовательские программы, реализовывавшиеся позже в рамках развития разных школ мысли. Хайек выразил недоумение следующим образом: «Сами работы [Менгера, Джевонса, Вальраса] по своей

природе и основаниям настолько различны, что проблема заключается в том, каким образом столь различными путями можно было прийти к схожим результатам» [Хайек, 2009]. В научной литературе проведено различие между «триумвиратом» [Ковалев, 2008б; Jaffe, 1976; Hebert, 1998; Peart, 1998], здесь мы акцентируем внимание на трактовке цели исследования.

Джевонс стремится приблизить экономику к естественнонаучному стандарту, определяя ее как набор максимизаций индивидуального удовлетворения: «Теория экономики, будучи представлена таким образом, является тесным аналогом статической механики» [Jevons, 1965].

Вальрас ставит задачу «определения цен при *гипотетическом* (курсив мой – А.К.) режиме абсолютной свободной конкуренции» – и очевидно упрощает анализ, явив научному миру Аукциониста, помогающего заранее «нащупать» равновесие, после чего нужные количества товара по нужным ценам как по мановению волшебной палочки появляются на рынке и обеспечивают устойчивость системы: «чистая политическая экономия является наукой, совершенно похожей на физико-математические науки» [Вальрас, 2000].

Менгер считает, что теоретическая экономия имеет задачей объяснить сущность «простейших элементов [человеческого хозяйства], еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов» [Менгер, 1984], закладывая тем самым эволюционно-институциональную парадигму анализа: «проблема социальных наук – объяснить, как могут возникать институты ... служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению; какова природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения» [Менгер, 1894].

Маржиналистская революция породила немалое количество загадок для историков экономической мысли. Почему при одинаковости сущностной парадигмы у трех авторов маржиналистской революции магистральным был выбран подход «общего экономического равновесия» Вальраса с Джевонсовским максимизатором полезности? Почему принятие многих теоретических концепций австрийского подхода сопровождалось отказом от идеи Менгера исследовать экономическую деятельность как сложное социальное взаимодействие в институциональной среде?

Объяснение может быть найдено на путях анализа методологии. Развитие классической школы сопровождалось возрастанием уровня абстракции. У Маркса экономические явления реального мира выступают превращенными формами сущностных категорий (цена – стоимость, прибыль – прибавочная стоимость и т.д.) Такая степень абстракции «оказалась избыточной – наука, провозглашающая все видимое и осязаемое иллюзорным и искаженным, вряд ли могла вдохновить многих экономистов-теоретиков» [Автономов, 2018]. Теоретическая система Менгера не менее абстрактна: ценность выступает в ней как «суждение о значимости благ»; отсюда – несравнимость ценности; невозможность установления и объяснения «единой» рыночной цены; возникающие в результате человеческих действий, но без человеческого замысла и общей воли к их созданию социальные институты, которые являются в то же время и условием осуществления человеческих действий...

Методологические подходы Вальраса и Джевонса более просты: полезность измеряется ютилями, цена товара четко определена и едина, процесс равновесия описывается привычными математическими формулами. Приплюсуйте к данной простоте стремление экономистов представить свою науку подобной наукам естественным – и логика выбора основной исследовательской программы становится понятной. При этом построение упрощенной модели потребовало принятия неправдоподобных допущений и совершенствования инструментария исследований (от маршаллианских графиков спроса и предложения до дифференциальных уравнений и выпуклых множеств).

В определенный момент развития превалирование метода стало необратимым, что повлекло за собой очередное упрощение терминологии (как это описано выше с термином «инфляция»). Совпали все описанные тенденции в момент, когда появилась профессия «государственного экономиста», то есть работающего непосредственно на правительственные структуры ученого, задачей которого стало обоснование эффективности того или иного варианта экономической политики (вопрос о возможной неэффективности всех ее вариантов и инструментов уже не ставился на повестку дня). Исследовательская программа обоснования государственного вмешательства в экономику стала дополнительным фактором кризиса теории. Странным является не желание как таковое почувствовать себя причастными к социальной инженерии (такое желание присуще представителям разных профессий), а логика обоснования экономистами правительственных действий. К примеру, вряд ли можно было бы оспаривать перераспределение доходов в случае, если в основу его обоснования был бы заложен этический критерий («перераспределение необходимо, потому что оно гуманно, поскольку позволяет неимущим поднять уровень жизни»). Однако экономическое обоснование перераспределения опирается на повышение суммарного общественного благосостояния, а для такого теоретизирования необходимо как минимум сравнение ценностей / предпочтений разных индивидов. Поскольку же такое сравнение невозможно [Раквиашвили, 2016] либо потребует введения в анализ неких «фиктивных субъектов» [Кузнецов, 2011], доказать эффективность государственного регулирования невозможно; при этом тупиковая исследовательская программа отвлекает значительное число интеллектуальных и временных ресурсов.

В этот момент Л. Роббинс и предпринял попытку изменения исследовательской программы: «Именно **формы** (институты? – А.К.), которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки» [Роббинс, 1993].

Проявление кризиса–III: разрыв с практикой (реальностью?)

Категориальный аппарат и законы экономики-науки должны охватывать и объяснять закономерности функционирования экономики-хозяйства. Возвышение метода оказалось не таким уж и безобидным явлением – оно привело к отрыву науки и от хозяйственной практики, и от реального мира.

Модель общего экономического равновесия была трансформирована усилиями в первую очередь К.Эрроу и Ж.Дебре. В их версии речь идет уже об оптимальном использовании ресурсов (т.е. исследователям якобы известны и объемы потребностей, и объемы ресурсов, и критерии оптимума). Очевидно, моделирование потребовало отказа от реалистичных предпосылок анализа.

Распространение Номо Economicus неоднократно обсуждено и осуждено на страницах научных изданий, потому позволим лишь один комментарий. Если бы некий всезнающий субъект с набором предпочтений и функцией максимизацией полезности использовался как упрощенная иллюстрация функционирования экономики, с этим можно бы было мириться – но по мере совершенствования инструментария разработчикам начало казаться, что субъект этот репрезентативен не для модели, а для реального мира – и на базе теорий стали выводиться нормативные решения для экономической политики (абсолютно аналогично антимонопольное законодательство построено на основе сравнения реального мира с гипотетической ситуацией совершенной конкуренции, которая никогда не может (!) существовать). Собственно, ради этого и происходила модификация модели – в представленной «математически исчислимой» форме она создавала впечатление «практически применимой». Теоремы благосостояния, отожде-

ствившие общее равновесие с Парето-оптимальным состоянием, превратили равновесие в концепцию этическую!

Формулировка присуждения Нобелевской премии Дебре звучит «за включение новых аналитических методов в экономическую теорию и за строгое переформулирование теории общего равновесия» [Дебре, 1983]. Но строгость потребовала таких допущений, что впору говорить о достижении равновесия в «некоторой абстрактной» экономике Эрроу-Дебре. И чем далее – тем более совершенные методы анализа применялись не к действительной, а к некоей теоретической реальности.

Все, кто не вписывался в «совершенные» формальные методы исследования, отодвигались на периферию экономической науки. Произошла «канонизация» [Мальцев, 2012] и «кастотизация» мейнстрима. Экономисты основного течения готовы к взаимодействию с представителями гетеродоксальных школ мысли, но не готовы менять привычные им взгляды и сформировавшие эти взгляды методы исследования. Гетеродоксы же для того, чтобы быть услышанными, должны «поступиться формой во имя своего содержания» [Баженов, Мальцев, 2018]. А как быть в ситуации, когда форма (метод) стала определять содержание исследований?

Методологическая проблема усугубляется тем, что в общественных науках экспериментальные результаты следует обобщать с большой осторожностью – такие результаты свидетельствуют только лишь о том, что в таких-то условиях в такой-то обстановке получился то-то, но повторение результата в других условиях (а они всегда другие) не гарантируется.

Отсутствие вразумительного объяснения мейнстримом экономической науки кризиса 2008 г. логично вызвало волну критицизма – и если критика со стороны гетеродоксальных школ мысли не удивительна, то развенчание состояния науки со стороны представителей самого мейнстрима оказалось небывалым как с точки зрения количества, так и с точки зрения формы высказанного недовольства. Возможно, наиболее ярко продемонстрировать такую критику можно статьей Нобелевского лауреата-2018 П. Ромера «Беда с макроэкономикой», в которой автор выявил следующую стадию отказа от реальности – вслед за реалистичностью посылок современные макроэкономические модели отказались от использования реальных данных. Автор одной из известнейших моделей эндогенного экономического роста, всегда придерживавшийся традиционного инструментария – построения модели и ее тестирования с помощью эконометрических методов на реальных данных, показывает, что совершенствование эконометрического аппарата в последние десятилетия сочеталось с отказом от данных! Модели все более и более стали включать в себя неизмеряемые переменные (воображаемые шоки) и, как следствие, все больше стали походить на басни, поскольку вообще перестали опираться на реальные данные – все экономическое развитие в рамках современных моделей объясняется воображаемыми шоками. По мнению Ромера, проблема заключается «не столько в том, что макроэкономисты говорят вещи, которые несовместимы с фактами. Настоящая проблема заключается в том, что другим экономистам все равно, что экономисты не заботятся о фактах ... а толерантность к очевидной ошибке является еще более коррозийной для науки, чем пропаганда ошибки» [Romer, 2016].

Проблема данных становится еще более отчетливой, если учесть проблему с основным макроэкономическим показателем – ВВП, который и используется как иллюстратор положительной или отрицательной динамики развития. Поставленный еще С. Кузнецом вопрос о необходимости исключения из ВВП сомнительных с точки зрения общественного богатства видов активности (например, содержание тюрем) актуализировался в результате манипуляций с системой национальных счетов в 2013 г. В состав ВВП стали включать не только этически сомнительные виды деятельности, приносящие, впрочем, вполне реальный доход (услуги проституции, продажу наркотиков в том числе в странах, где такого

рода деятельность не легализована, а значит, не может быть подвергнута достоверному статистическому учету, контрабанду), но и воображаемые виды доходов (условно начисленная жилищная рента, амортизация военных активов благодаря переводу их в статус основных фондов из госпотребления и т.п.)²! Действительно, такие данные для моделей не имеют значения – воображаемые шоки воздействуют на воображаемые переменные!

В структуре занятости по видам деятельности (а значит, и по вкладу в ВВП) среди лидеров находятся представители частной охранной деятельности. В России произошел рост численности данного сектора с 2000 по 2015 г. с 520 тыс. до 1,3 млн человек, или с 0,9 до 1,8% занятого населения [Кузнецов, 2017]. Но ведь данный сектор нужен для того, чтобы обеспечить возможность создания определенного богатства, сам он никак не создает оное! Если же дополнить список всякого рода надзорными и контролирующими органами; бизнесами, встроенными в государственные закупки благ; и прочими – то обнаружится, что даже внутри «стандартного» ВВП доля производителей, занятых неконструктивной деятельностью, зашкаливает. Без учета институциональных особенностей (данных реального мира) оказывается невозможным объяснить даже простую корреляцию ВВП и занятости.

Все более изощренная техника анализа, применяющаяся для анализа не реального мира, а некоей теоретической реальности, превратила экономические модели в упражнение для мозга...

Вместо заключения

Ф. Хайек, оценивая произошедшую в 1930-е годы «кейнсианскую революцию», отмечал: «период с 1931 ... до 1937 года отмечает зенит одного периода в истории экономической теории и начало нового. Впрочем, я не совсем уверен, что изменения в подходе ... были целиком позитивны, и что нам, вероятно, однажды придется вернуться к тому, где мы тогда остановились» [Хайек, 1999]. Представленные в статье размышления подталкивают к необходимости вернуться в более раннюю точку бифуркации экономической науки.

Представляется, что для перспективной исследовательской программы экономической теории ее предмет может быть сформулирован как «институциональное устройство экономики и его влияние на поведение Человека, действующего в процессе реализации им собственных хозяйственных интересов». В такой программе условия анализа усложнятся, но станут более реалистичными.

Идею метода сформулировала Д. Макклоски: «в настоящей науке, в исследовании мира... необходимо одновременно «теоретизировать» и «наблюдать», чтобы наблюдение не обернулось в собирание «грубых фактов», а теоретизирование не превратилось бы в бессодержательную и бесплодную схоластику» [Макклоски, 2015]. На схожих позициях стоял и Менгер: «Мы ... нигде не отстаем перед апелляцией от научных мнений к опыту, от человеческой мысли — к природе вещей» [Менгер, 1984].

Поворот к анализу реального мира должен опираться на постоянный диалог «теории» и «практики» и позволит создать широкие возможности для междисциплинарности, возвращая экономику на ведущие роли среди социальных наук.

² Автор настоящей статьи при работе в аудитории МВА (т.е. с имеющими значительный практический опыт людьми) называет первую лекцию в разделе макроэкономики «Бессмысленность макроэкономических показателей».

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2018). Влияние Маркса на экономическую науку: на предмет или на метод? // Материалы XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ.
- Аленин П.Г., Порфирьев Д.Н. (2013). Институциональная экономика: Учебное пособие. Пенза: Бибком.
- Баженов Г.А., Мальцев А.А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима // Общество и экономика. № 1. С. 5–21.
- Блэк Дж. (2000). Экономика: Толковый словарь. М.: ИНФРА-М.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф.
- Гребнев Л.С. (2007). О предмете экономической науки или с чего начинать преподавание экономики? // Вопросы экономики. № 8. С. 134–145.
- Кассель Г. (1922). Теоретические проблемы мирового денежного обращения. М: ВСНХ.
- Кейнс Дж.М. (1993). Избранные произведения. М.: Экономика.
- Ковалев А.В. (2008а). «Робинзоада» как методологический прием в экономической науке // Проблемы современной экономики. № 2. С. 54–57.
- Ковалев А.В. (2008б). Допустима ли трактовка маржинализма как единой научной школы? // Проблемы современной экономики. № 3. С. 135–140.
- Кузнецов Ю.В. (2011). «Школярская» теория издержек, с точки зрения методологического субъективизма / Экономическая мысль: разнообразие концепций и сфер применения / Под ред. А. П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Кузнецов Ю.В. (2017). Антизанятость. old.inliberty.ru/blog/2488-Antizanyatost (дата обращения: 1.10.2018).
- Лейонхуфвуд А. (2006). Макроэкономическая теория в двадцатом столетии: основные вехи развития // Вопросы экономики. № 11. С. 26–45.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мальцев А.А. (2012). О возможных истоках кризиса экономической теории // Общественные науки и современность. № 6. С. 87–99.
- Менгер К. (1992). Основания политической экономии. М.: Экономика.
- Менгер К. (1894). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб.: Цинзерлинг.
- Новожилов В.В. (1924). Пределы инфляции / Финансы и денежное обращение в современной России. Под ред. В.М.Штейна. Пг. С. 83–121.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. (1999). Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М.
- Раквиашвили А.А. (2016). Методологический индивидуализм: к апологии современного либерализма // Вопросы политической экономии. № 1. С. 115–122.
- Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки // THESIS. Вып. 1. С. 10–23.
- Хайек Ф.А. (1999). Познание, конкуренция и свобода. СПб: Пневма.
- Хайек Ф.А. (2009). Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН.
- Jaffe, W. (1976). Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 511–524.
- Jevons W.S. (1965). Theory of Political Economy. New York: Sentry Press.
- Hebert R. (1998). Jevons and Menger re-homogenized: who is real 'odd man out': A Comment of Peart // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 57 (July). Pp. 327–332.
- Peart S. (1998). Jevons and Menger re-homogenized: Jaffe after 20 years // American Journal of Economics and Sociology, Vol. 57 (July). Pp. 307–325.
- Romer P. (2016). Troubles with Macroeconomics. 26 p. Available at: paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf (accessed: 10.08.2018).

Ковалев Александр Васильевич

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Aliaksandr Kavaliou

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Department of Management, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

ECONOMIC THEORY: BACK TO THE FUTURE

Abstract. The article considers the state of modern economic science, interpreted by the author as a crisis. The crisis is detected in the fields like the subject of science, categorical apparatus, purposes of researches, research tools, and teaching. It is concluded that the cause of the crisis is the superiority of the research method over the subject of science. Improving the tools for obtaining and processing data was accompanied by the rejection of realistic links and led to the nomination as an object of analysis, not of the real economy, but of some theoretical reality. Consideration of the marginalist revolution shows that the choice of the direction of the development of economics in favor of the Walrasian general equilibrium model was due to the complexity of the Mengerian methodology. The author's vision of the subject of economic science is proposed.

Keywords: *subject of economics, methodology, crisis of economics, marginalist revolution.*

JEL classification: B41, B13, A20.

REFERENCES

- Avtonomov V.S. (2018). Vliyanie Marksa na ekonomicheskuyu nauku: na predmet ili na metod? [Marx' Influence on Economic Science: on Subject or on Method?] // *Materialy XIX Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki I obshchestva*. M.: NIU VSE.
- Alenin P.G., Porfirev D.N. (2013). *Institucional'naja ekonomika: Uchebnoje posobie* [Institutional Economics: Text]. Penza: Bibkom.
- Bazhenov G.A., Maltsev A.A. (2018). Sovremennye geterodoksal'nye napravlenija jekonomicheskoy teorii v kontekste transformacii mejnstrima [Modern Heterodox Directions of Economic Theory in the Context of Transformation of Mainstream] // *Society and Economics*. № 1. Pp. 5–21.
- Black J. (2000). *Ekonomika. Tolkovyj slovar'* [Economics. Dictionary]. M.: INFRA-M.
- Walras L. (2000). *Elementy chistoj politekonomii* [Elements of Pure Economics]. M.: Izograf.
- Grebnev L.S. (2007). O predmete ekonomicheskoy nauki ili s chego nachinat' prepodavaniye ekonomiki? [On Subject of Economics, or from Which Point Should We Start to Teach Economics?] // *Voprosy ekonomiki*, № 8. Pp. 134–145.
- Cassel G. (1922). *Teoreticheskie problemy mirovogo denezhnogo obrashhenija*. [Theoretical Problems of World Currency Circulation]. M.: VSNH.
- Keynes J.M. (1993). *Izbrannyye sochineniya*. [Selected works]. M.: Ekonomika.
- Kavaliou A.W. (2008a). 'Robinsonada' kak metodologicheskij priyom v ekonomicheskoy nauke ['Robinson' as Methodological Tool in Economics]. *Problemy Sovremennoj ekonomiki*, № 2. Pp. 54–57.
- Kavaliou A.W. (2008b). Dopustima li traktovka marzhinalizma kak edinoj nauchnoj shkoly? [Is Marginalism Considered to Be a Unified School?]. *Problemy Sovremennoj ekonomiki*. № 3. Pp. 135–140.
- Kuznetsov Yu.V. (2011). «Shkoljarskaja teorija izderzhek s tochki zrenija metodologicheskogo subektivizma [Scholar' Cost Theory from the Methodological Subjectivism Point of View] / *Ekonomicheskaja mysl': raznoobrazije koncepcij i sfer primeneniya*. Pod red. A.P. Zaostrovseva. SPb.: MSCEI «Leontieff Center».
- Kuznetsov Yu.V. (2017). Antizanyatost [Anti-employment]. old.inliberty.ru/blog/2488-Antizanyatost.
- Leijonhufvud A. (2006). Makroekonomicheskaja teorija v dvadcatom stoletii: osnovnye vehi razvitiya [Macroeconomics in XX century: key points of development] // *Voprosy ekonomiki*. № 11. Pp. 26–45.
- McCloskey, D. (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Maltsev A.A. (2012). O vozmozhnyh istokah krizisa ekonomicheskoy teorii [On Possible Sources of the Crisis of Economic Theory] // *Obshchestvennyje nauki I sovremennost'*. № 6. Pp. 87–99.
- Menger C. (1992). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Principle of Economics]. M.: Ekonomika.
- Menger C. (1894). *Issledovanije o metodah socialnyh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti* [Investigations into the Method of the Social Sciences With Special Reference to Economics]. Sankt-Petersburg: Zinserling.
- Novozhilov V.V. (1924). Predely infliacii [The Limits of inflation] / In V.M.Shtein (Ed.) *Finance and Currency Circulation in Contemporary Russia*. Petrograd. Pp. 83–121.
- Polterovich V.M. (1998). Krizis ekonomicheskoy teorii // *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. № 1. Pp. 46–66.
- Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubtseva E.B. (1999). *Sovremennij ekonomicheskij slovar'* [Modern Economic Dictionary]. M.: INFRA-M.

- Rakviashvili A.A.* (2016). Metodologičeskij individualism: k apoligii sovremennogo liberalizma [Methodological Individualism: Towards Apology of Modern Liberalism] // *Voprosy političeskoj ekonomii*. № 1. Pp. 115–122.
- Robbins L.* (1993). Predmet ekonomičeskoj nauki [The Subject of Economics]. // *THESIS*. Vol. 1. Pp. 10–23.
- Hayek F.A.* (1999). Poznanie, konkurencija i svoboda [Cognition, Competition, and Liberty]. SPb: Pnevma.
- Hayek F.A.* (2009). Sud'by liberalizma v XX veke [The Fates of Liberalism in XX century]. M.: IRISEN.
- Jaffé, W.* (1976). Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // *Economic Inquiry*. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 511–524.
- Jevons W.S.* (1965). *Theory of Political Economy*. New York: Sentry Press.
- Hebert, R.* (1998). Jevons and Menger re-homogenized: who is real 'odd man out': A Comment of Peart // *American Journal of Economics and Sociology*, Vol. 57 (July). Pp. 327–332.
- Peart S.* (1998). Jevons and Menger re-homogenized: Jaffe after 20 years // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 57 (July). Pp. 307–325.
- Romer P.* (2016). *Troubles with Macroeconomics*. 26 p. Available at: paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf (accessed: 10.08.2018).

В.С. Автономов

д.э.н., член-корр. РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт мировой экономики и международных отношений им. Примакова Российской академии наук, Москва

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДО И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ¹

Аннотация. На изменение и развитие экономической теории влияют внутренние и внешние факторы. В статье рассматривается влияние на экономическую теорию внешних факторов в виде «Великой рецессии» 2008–2009 гг. Оно распространилось, главным образом, на макроэкономику. Выделяется проблема микрооснований макроэкономической теории. Показаны три этапа их развития до Великой рецессии, и сделан вывод о том, что в результате была достигнута большая внутренняя последовательность, но меньшая пригодность для политики. После рецессии макроэкономисты разделились на сторонников и противников модели DSGE. Отмечается, что она неспособна работать в кризисных ситуациях. Дальнейшее развитие макроэкономики будет зависеть от соотношения внутренних и внешних факторов. Первые преобладают в спокойные периоды и отражают внутреннюю логику самой науки, вторые – в кризисные периоды, когда на макроэкономистов сильно давят политики и общественность.

Ключевые слова: *внутренние и внешние факторы развития экономической теории, микрооснования макроэкономики, кейнсианство и монетаризм, стадии микрооснований макроэкономики, модель DSGE, поддержка и критика модели DSGE.*

Классификация B22, E00, E10.

В развитии экономической науки (и других общественных наук тоже, но дальше мы не будем повторять эту оговорку) можно выделять воздействие внешних и внутренних факторов. К первой группе относятся события и процессы, происходящие в самой экономике, политике, обществе в целом. Грубо материалистически говоря, общество содержит экономическую науку, чтобы получать от нее определенную пользу, и когда наступают важные, в том числе угрожающие изменения, оно вправе требовать от науки ответа.

К этой же группе, в принципе, можно отнести и те случаи, когда наука выполняет социальный заказ на оправдание существующего порядка – так называемая апологетика. Этот круг проблем впервые ввел в оборот главный юбиляр этого года Карл Маркс. По тонкому замечанию Шумпетера, вторжение идеологии в научный анализ не лишает его автоматически научной ценности [Шумпетер, 1985. С. 35]. Однако в данной работе мы вряд ли сможем охватить эту подгруппу факторов.

К внешним факторам, видимо, можно отнести и воздействия со стороны философии, а также других общественных наук, но чтобы отделить эту группу факторов от внутренних, требуется достаточно тонкий анализ.

К внутренним факторам относятся, в первую очередь, те, которые действуют внутри подсистемы, называемой экономической теорией. Сюда относятся воздействия со стороны самого научного сообщества экономистов, изучаемые социологией науки: экономическое образование, механизмы профессиональной оценки и карьерного продвижения, влияние ассоциаций, журналов и т.д. Но сюда же можно отнести и логику развития самой эконо-

¹ Доклад на XVII Леонтьевских чтениях (СПб, 16–17.02.2018). Впервые опубликовано в сборнике научных трудов: Экономическая теория: триумф или кризис? / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2018. Перепечатывается с согласия издателя.

мической теории: если в ней накапливаются внутренние противоречия, они должны быть как-то разрешены. Если есть возможность создать более общую теорию, объясняющую тот же круг явлений, эту возможность следует реализовать, насколько это возможно.

Внутренние факторы, в свою очередь, испытывают влияние внешних. Но в рамках данной работы нас будет интересовать только *непосредственное* влияние на экономическую теорию внешних факторов, к которым без сомнения относится «Великая рецессия» 2008–2011 гг.

Опыт показывает, что внешние факторы действуют преимущественно на *макроэкономическую* теорию – общество реагирует на изменения в экономике, когда они становятся заметными и всеохватывающими, а это прежде всего бывает в случаях массового снижения доходов, безработицы и инфляции, которые, по мнению общества, обязана объяснить, а еще лучше предсказать, макроэкономика. Эта реакция общества настолько сильна, что может привести к изменениям в теории. Что же касается сдвигов в области микроэкономики (даже таких значительных, как маржиналистская революция, развитие поведенческой экономики), они, на наш взгляд, были вызваны преимущественно внутренними факторами².

Из истории макроэкономической теории мы знаем, что большие перемены (революции) в ней были связаны с главными проблемами, которые оказывались в центре внимания общества и экономистов. Кейнсианская революция произошла как реакция на массовую безработицу в период Великой депрессии 1930-х годов. Неоклассическая контрреволюция или революция рациональных ожиданий, поставившая макроэкономiku на микрооснования, явилась откликом на стагфляцию 1970-х годов, порожденную нефтяным кризисом. В этих двух случаях главная макроэкономическая проблема не была объяснена господствующей теорией и как-то объяснялась оппозиционерами. Вопрос, который стоит перед нами сегодня, звучит так: что происходит в макроэкономической теории в связи с Великой рецессией – финансовым кризисом, за которым последовал длительный и глубокий экономический спад?

Надо отметить, что критика, первоначально направленная на представителей макроэкономики, распространяется и за ее пределы. Она переносится на микроэкономiku, в рассмотрение вовлекаются методологические вопросы общей применимости. Приходит праздник на улице методологов и историков экономических учений.

Нельзя сказать, что методологическая критика всегда идет только против излишней степени абстракции, формализации, как иногда представляется³. Может быть и наоборот: так необходимость микрооснований была выведена из недостаточной общности и аксиоматизации макротехории.

Проблема микрооснований макроэкономики находится сегодня в центре рассмотрения, так как именно определенное ее решение привело к господству того направления в макроэкономике, которое подвергается критике в настоящий момент. Микрооснования макроэкономики возникли не в ходе революции рациональных ожиданий. Они имели место уже в «Общей теории» Кейнса, но, как и многое другое в этой великой книге, были нечетко сформулированы. Существует точка зрения, согласно которой Кейнс оставил в покое рациональность экономического субъекта, но дополнил ее неопределенностью, в которой особое значение имеют ожидания. На наш взгляд, дело обстояло следующим образом. Кейнс, как и его учитель Маршалл⁴, пытался создать полезную экономическую теорию, которую можно применить в экономической политике. Для того, чтобы теория

² Не все исследователи разделяют нашу точку зрения. См., например, работы А.А.Мальцева [Мальцев, 2017, Мальцев, 2016].

³ В том числе и автором этих строк [Автономов, 2002].

⁴ Который, напомним, считал, что анализ может начинаться на уровне функций рыночного спроса и предложения, а не на уровне индивидуального принятия решений.

была полезной, она должна исходить из многообразия мотивов и факторов человеческого поведения. С другой стороны, чтобы полезная теория оставалась теорией, она должна сокращать их число до минимума (желательно равного единице). Кейнс решал проблему так: он приводил длинный перечень объективных и субъективных факторов, влияющих на экономическое поведение потребителей, инвесторов и т.д., а затем объявлял, что в краткосрочном аспекте их действие можно принять за постоянное (а в долгосрочном аспекте, как мы помним, «мы все умрем!») за исключением одной-двух объективных переменных. Вот так и достигалась искомая «рациональность», из которой были важные исключения: непредсказуемое состояние долгосрочных предположений, порождающее циклические колебания, психологические факторы предпочтения ликвидности, а также денежная иллюзия, позволяющая бороться с безработицей с помощью небольшой управляемой инфляции.

Оппоненты Кейнса – Милтон Фридмен и монетаристы – спорили с ним, так сказать, на одном уровне абстракции, хотя и приходили к противоположным выводам. Они также оперировали макроэкономическими агрегатами с постулируемыми причинно-следственными связями между ними (от денежной массы к валовому продукту) и также опирались на микрооснования, в которые, правда, вместо денежной иллюзии у Кейнса входили адаптивные ожидания, позволяющие экономическим агентам довольно быстро распознать стимулирующую денежную политику государства.

По сути дела, революция рациональных ожиданий и новая классическая экономика ознаменовали собой не введение в макроэкономику микрооснований, а переход к микрооснованиям повышенной рациональности. Но, следуя установившейся традиции, будем называть именно ее «микрообоснованной макроэкономикой». Напомним, что она имела три основные стадии.

Стадия 1. Новая классическая макроэкономика Лукаса. Основная работа Лукаса была посвящена созданию равновесной модели экономических циклов, которая включала денежные шоки, порождаемые государственной монетарной политикой, и механизм трансмиссии этих воздействий, описываемый так называемой «островной гипотезой» Фелпса. Информационная предпосылка, положенная в основу этой гипотезы, была весьма спорна для агентов, вооруженных рациональными ожиданиями: предполагалось, что они не могут отделить номинальный рост цен от реального.

Стадия 2. Теория реальных бизнес-циклов Кюдланда и Прескотта отошла от финансовой сферы и заменила денежные шоки Лукаса реальными шоками в стохастической среде. Циклические колебания генерировались с помощью межвременной оптимизации экономических агентов, точнее репрезентативного агента, принимающего решения об оптимальном соотношении труда и отдыха (отсюда безработица), а также потребления и сбережений (отсюда инвестиции). Практическим преимуществом этих моделей стал их количественный характер в отличие от качественных моделей Лукаса.

Стадия 3. Динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE) ознаменовали возврат к разным видам шоков, не исключая и финансовые, которые исключала модель реального делового цикла. В остальном механизм оставался примерно таким, как в моделях РДЦ, но в него встраивалась кейнсианская жесткость цен. Сложность этих моделей делала невозможным их аналитическое решение и заставляла прибегать к калибровке. Модели DSGE, как и модели предыдущих стадий, могут генерировать циклические колебания, но не глубокие падения вроде Великой рецессии. Модели DSGE в настоящее время есть во всех уважающих себя Центральными банках, но на практике они используются наряду со старомодными большими макроэконометрическими моделями в кейнсианском духе.

Микрообоснованная макроэкономика (в отличие от кейнсианства и монетаризма) слишком абстрактна, чтобы из нее непосредственно вытекали политические рекомендации. Вместо «ручного управления» экономической активностью она предполагала «политику принципов»: «свобода рынков – всегда благо», «инфляция – всегда зло»,

«Центральный банк должен быть независимым от правительства» и т.д. В последнее десятилетие было сформулировано и более конкретное правило для макроэкономической политики (Правило Тейлора), которое рекомендовало Центральным банкам определенным образом реагировать на отклонения выпуска от потенциального – и инфляции – от ее целевого уровня.

Итог развития микрооснованной макроэкономики можно кратко подвести следующим образом: достигнута большая внутренняя последовательность (*internal consistency*), но меньшая пригодность для политики. Можно сказать, что путь, выбранный мейнстримовской макроэкономикой, расширил разрыв между экономической наукой и искусством экономической политики.

Наступил 2008 год, и макроэкономисты могли бы повторить бессмертную фразу В.С.Черномырдина: “никогда не было, и вот опять”! Удивительная черта экономистов – периодическое впадение в нирвану по поводу преодоления экономических кризисов! На протяжении периода после Второй мировой войны это повторялось по крайней мере два раза. Пока господствовало кейнсианство, широко распространялось мнение, что правильная активная политика государства сможет навсегда покончить с неприятными проявлениями экономической нестабильности. Когда стала доминировать микрооснованная экономика, практикующая равновесный взгляд на экономику вообще и на экономический цикл в частности, восторжествовала вера в имманентную стабильность рынка, если, конечно, не мешать ему активной государственной политикой.

Поэтому достаточно долгая фаза циклического подъема неизбежно сопровождалась здравицами в честь окончательного преодоления цикла. Не стал исключением и период *Great Moderation*, продолжавшийся с середины 1980-х годов. Роберт Лукас в 2003 году в Президентском докладе на Ежегодном Конгрессе Американской экономической ассоциации торжественно провозгласил: «Макроэкономика в этом первоначальном смысле [речь идет о теории совокупного спроса – В.А.] добилась успеха: ее центральная проблема – предотвращение депрессий – решена и фактически была решена уже несколько десятилетий назад» [Lucas, 2003. P. 1]⁵.

Не будем останавливаться на описании самой Великой рецессии, и сразу перейдем к описанию ее итогов для макроэкономической теории. Естественно, в центре внимания оказались модели DSGE как наиболее продвинутая форма макроэкономического мейнстрима. Сразу же бросается в глаза, что оценки здесь диаметрально противоположны, даже среди наиболее уважаемых представителей профессии.

Представители первой стороны озабочены тем, чтобы сохранить нынешнюю макроэкономическую теорию и политику, внося в них некоторые коррективы. Среди них выдающийся макроэкономист и недавний главный экономист Международного валютного фонда Оливье Бланшар, который считает, что “кризис не был в первую очередь вызван макроэкономической политикой и во многих аспектах общая структура политики должна остаться прежней” [Blanchard et al, 2010. P. 16], и выступает за то, чтобы модели DSGE были расширены так, чтобы более адекватно отразить роль финансовой системы [Blanchard, 2014. P. 31]. Авторитетный профессор Миннесотского университета В. Чари настаивает, что DSGE – единственная последовательная теория. Только здесь надо искать решения. “Если у вас есть интересная и последовательная история, вы можете изложить ее в виде DSGE. Если не можете – ваша история непоследовательна”. [Microfoundations Reconsidered, 2012. P. 220]. Бывший председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы Бен Бернанке предупреждает, чтобы перестройка теории не зашла слишком далеко. По его

⁵ Сравните с высказыванием того же Лукаса в 2009 году: “Экономисты никогда не создадут моделей, которые смогут предсказывать неожиданные падения ценности финансовых активов, вроде того, которое произошло после банкротства Лимэн бразерс в сентябре”. [Lucas, 2009].

мнению, недавний финансовый кризис был провалом экономической инженерии и экономического менеджмента, но не макроэкономической теории. Однако он же подчеркнул, что DSGE предназначены для бескризисного времени [Bernanke, 2010. P. 1–4].

В то же время столь же авторитетные экономисты, теоретики и практики высказывают диаметрально противоположные суждения. Резко критическую оценку господствующей теории и ее роли в возникновении «Великой депрессии» дал не только «диссидент – Нобелиат» Стиглиц, но и выдающиеся представители мейнстрима и экономисты-практики. Так экономический советник «Сити Бэнк» В. Баутер приходит к выводу, что преподавание макроэкономики в англо-американских университетах в течение последних 30 лет замедлило серьезные исследования на десятилетия [Buiter, 2009]. С ним согласен главный экономист Всемирного банка Пол Ромер, по его мнению, за 30 лет интеллектуального регресса макроэкономика превратилась в псевдонауку. Роберт Солоу, которого, вспоминая его «неоклассическую модель экономического роста», иногда называют предтечей моделей DSGE, сегодня отказывается от таких наследников. По его мнению, микрооснования этих моделей, «населенных репрезентативным агентом – рабочим-собственником-потребителем – кем угодно, который аккуратно планирует будущее и живет вечно» [Solow, 2009], можно охарактеризовать словами «тупой и еще тупее» [Solow, 2003], а добавление реалистических фрикций не делает модели DSGE более убедительными [Solow, 2008. P. 244].

Какие же альтернативы предлагают современные экономисты микрооснованной макроэкономике? Пол Кругман предлагает вернуться к хиксианской модели IS-LM [Krugman, 2009]. У. Баутер и А.Блайндер [Blinder, 2014] хотели бы обратиться к теории финансовой нестабильности Х. Мински и Д. Тобина. Некоторые экономисты вспоминают калдорвские модели роста и распределения дохода. В качестве альтернативной политики центральных банков предлагается борьба с финансовой неустойчивостью, высокой безработицей и за регулирование валютного курса.

В обстановке столь жестокой конфронтации мнений трудно подвести уроки Великой рецессии для макроэкономической теории. Ясно, что без финансов в ней обойтись не получится, что означает приговор теории реальных бизнес-циклов в чистом виде. Модели DSGE под большим вопросом, поскольку не умеют описывать отрицательную динамику. Микрооснования хорошо бы оставить, но сделать более реалистическими. Как это объединить с аппаратом DSGE, который хочется сохранить?

Эта ситуация хорошо сочетается с тем, что происходит за пределами макроэкономики. Еще до Великой рецессии наблюдалась общая гетерогенизация мейнстрима экономической теории, проявившаяся, в том числе, в прогрессе поведенческой экономики и ее входе в состав мейнстрима.

Что же будет дальше? Это зависит от соотношения внутренних и внешних факторов развития экономической теории. Внутренние факторы сильнее в спокойные периоды, когда научное сообщество может «замкнуться в себе» и применять внутренние критерии, внешние – во время и сразу после экономических потрясений, когда общество требует экономистов к ответу. Много будет обусловлено тем, какая макроэкономическая проблема признана в обществе главной: инфляция или спад/безработица. В первом случае козыри на руках микрооснованной макроэкономики, а во втором – относительное преимущество имеют альтернативные теории. Соответственно, на первый план выйдет «принципиальная» или «активистская» политика.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2002). К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М.: ИМЭМО РАН.
 Мальцев А.А. (2017). Эволюция экономической мысли в контексте развития мирового хозяйства. М.: ТЕИС.

- Мальцев А.А. (2016). Гипотеза о техницистской истории экономической мысли // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 30–48.
- Шумпетер Й.А. (1985) Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.
- Bernanke B. (2010). Implications of the Financial Crisis for Economics. . Speech at the Conference Co-sponsored by the Center for Economic Policy Studies and the Bendheim Center for Finance, Princeton University, Princeton, New Jersey. September 24, 2010.
- Blanchard O. (2014). Where Danger Lurks // *FINANCE & DEVELOPMENT*, September 2014. Vol. 51. No. 3.
- Blanchard O., Dell’Ariccia G., Mauro P. (2010). Rethinking Macroeconomic Policy // *Journal of Money, Credit and Banking*, Supplement to Vol. 42. No. 6 (September 2010).
- Blinder A.S. (2014). ‘What did we learn from the financial crisis, the Great Recession, and the pathetic recovery?’, *Griswold Center for Economic Policy Studies*, working paper # 243.
- Buiter W. (2009). The unfortunate uselessness of most ‘state of the art’ academic monetary economics // *CEPR’s Policy Portal*, 06 March 2009.
- Krugman, P. (2009). ‘How did economists get it so wrong?’ www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1&em=&pagewanted=print.
- Lucas R. jr. (2003). Macroeconomic Priorities. *American Economic Review*, 2003. No. 1. Pp. 1–14.
- Lucas R. jr. (2009). In Defence of the Dismal Science // *The Economist*. 2009. No. 6. Aug.
- Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Micro and Macroeconomics* (2012). Ed. by Pedro Garcia Duarte, Gilberto Tadeu Lima. Cheltenham: Edward Elgar 2012.
- Building a science of economics for the real world* (2010) Hearing before the Subcommittee on Investigations and Oversight Committee in Science and Technology House of Representatives. One Hundred Eleventh Congress. Second Session. July 20, 2010.
- Solow R.M. (2008). The state of macroeconomics // *Journal of Economic Literature*. 22 (1). Pp. 243–249.
- Solow R.M. (2003). Dumb and dumber in macroeconomics. Working paper for a Festschrift in honour of Joseph Stiglitz, www0.gsb.columbia.edu/faculty/jstiglitz/festschrift/Papers/Stig-Solow.pdf.

Автономов Владимир Сергеевич

vavtonomov@hse.ru

Vladimir Avtonomov

doctor habilitatus in economics, Member RAS, professor of National Research University «Higher School of Economics», the Institute of World Economy and International Relations. Primakov of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

vavtonomov@hse.ru

THE ECONOMIC THEORY BEFORE AND AFTER THE GREAT RECESSION

Abstract. The change and development of economic theory is influenced by internal and external factors. The article deal with the influence of external factors on the economic theory after the “Great Recession” of 2008–2009. It spread mainly to macroeconomics. The problem of microfoundations of macroeconomic theory is singled out. Three phases of their development are shown before the Great Recession, and a conclusion is drawn that as a result, greater internal consistency, but less suitability for politics, is achieved. After the recession, macroeconomists split into supporters and opponents of the DSGE model. It is noted that it is unable to work in crisis situations. The further development of macroeconomics will depend on the correlation of internal and external factors. The former predominate in quiet periods and reflect the inner logic of the science itself, the latter – in crisis periods, when macroeconomists are heavily pressured by politicians and public.

Keywords: *internal and external factors in the development of economic theory, microfoundations of macroeconomic, Keynesianism and monetarism, stages microfoundations of macroeconomic micro bases, DSGE model, support and criticism of the DSGE model.*

JEL classification: B22, E100, E10.

REFERENCES

- Avtonomov V.S. (2002). К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки [On the so-called “crisis” of economics]. М.: ИММО РАН.
- Bernanke B. (2010) Implications of the Financial Crisis for Economics. . Speech at the Conference Co-sponsored by the Center for Economic Policy Studies and the Bendheim Center for Finance, Princeton University, Princeton, New Jersey. September 24. 2010.
- Blanchard O. (2014) Where Danger Lurks // *FINANCE & DEVELOPMENT*, September 2014. Vol. 51. No. 3.

- Blanchard O., Dell'Ariccia G., Mauro P. (2010). Rethinking Macroeconomic Policy // Journal of Money, Credit and Banking, Supplement to Vol. 42. No. 6 (September 2010).
- Blinder, A.S. (2014). 'What did we learn from the financial crisis, the Great Recession, and the pathetic recovery?', Griswold Center for Economic Policy Studies, working paper # 243.
- Building a science of economics for the real world* (2010). HEARING BEFORE THE SUBCOMMITTEE ON INVESTIGATIONS AND OVERSIGHT COMMITTEE ON SCIENCE AND TECHNOLOGY HOUSE OF REPRESENTATIVES. ONE HUNDRED ELEVENTH CONGRESS. SECOND SESSION. JULY 20, 2010.
- Buiter W. (2009). The unfortunate uselessness of most 'state of the art' academic monetary economics // CEPR's Policy Portal, 6 March 2009.
- Krugman, P. (2009). How did economists get it so wrong? www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1&em=&pagewanted=print.
- Lucas R. jr. (2003). Macroeconomic Priorities. American Economic Review, 2003. No. 1. P. 1–14.
- Lucas R., jr. (2009). In Defence of the Dismal Science // The Economist. 2009. No. 6. Aug.
- Mal'tsev A.A. (2016). Gipoteza o tekhnistsiskoy istorii ekonomicheskoy mysli [Hypothesis of the technicalist history of economic thought] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. № 5. S. 30–48.
- Mal'tsev A.A. (2017). Evolyutsiya ekonomicheskoy mysli v kontekste razvitiya mirovogo khozyaystva [The evolution of economic thought in the context of the development of the world economy]. M.: TEIS.
- Microfoundations Reconsidered: The Relationship of Micro and Macroeconomics* (2012) Ed. by Pedro Garcia Duarte, Gilberto Tadeu Lima. Cheltenham: Edward Elgar 2012.
- Schumpeter J.A. (1985). Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, socialism and democracy]. M.: Ekonomika.
- Solow R.M. (2003). Dumb and dumber in macroeconomics. Working paper for a Festschrift in honour of Joseph Stiglitz, www0.gsb.columbia.edu/faculty/jstiglitz/festschrift/Papers/Stig-Solow.pdf.
- Solow R.M. (2008). The state of macroeconomics // Journal of Economic Literature, 22 (1). Pp. 243–249.

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт экономики РАН (Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВЕХОВСТВА МЕЖДУ ДВУМЯ КАНОНАМИ

Аннотация. В статье вводится понятие о веховстве как особом течении в русской экономической мысли и рассматриваются взгляды П. Струве как центральной фигуры этого направления. Главное внимание уделено сформулированной Струве основной антитезе «формативных мотивов» экономической аргументации: «номинализм-сингуляризм» против «реализма-универсализма». Эти мотивы соотнесены с Двумя канонами экономической науки: абстрактно-индивидуалистическим мейнстримом (классическая школа, маржинализм) и Другим канонам, отстаивающим более конкретные подходы и активное государственное вмешательство в экономику. Показана связь историко-методологических изысканий Струве с опытом самоопределения российской политэкономии между Двумя канонами.

Ключевые слова: *экономическая методология, классическая политэкономия, историческая школа, русский «легальный марксизм», маржинализм, веховство, формативные мотивы.*

Классификация JEL: A10, B11, B12, B13, B14, B15, B31, B49.

Российская политэкономия между двумя канонами

В начале эпохи раскрепощения редактор-издатель первого российского специального экономического журнала и первый российский историк экономических учений Иван Вернадский противопоставил два основных направления в мировой экономической мысли: «положительное» и «отрицательное». «Экономические воззрения древних и меркантилизм принадлежат к первому; физиократия и школа А. Смита ко второму.

Положительное направление требует известной экономической организации общества, вследствие того желает видеть вмешательство правительства в экономические действия... Отрицательное направление требует возможно большей экономической самостоятельности лиц. Основная практическая мысль первого поэтому есть признание зависимости явлений богатства от общественной власти, второго – та мысль, что в основе всех экономических явлений лежат неизменные естественные законы. Первое не заботилось о теории; второе – иногда презирало государственную практику» [Вернадский, 1858. С. 2].

Сам Вернадский, убежденный последователь классической английской политэкономии, либерал «манчестерского» толка [Гловели, 2013. С. 212], решительно примыкал ко второму направлению, которое, преобразившись к XX в. из классического в маргиналистское неоклассическое, стало мейнстримом экономической науки. Но место основателя политэкономии И.В. Вернадский отводил не Адаму Смиту, а неаполитанцу-меркантилисту А. Серра¹, чей «Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов» (1613) привлёк внимание главных ревнителей «Другого канона» в экономической науке – от автора «Национальной

¹ Аналогичную позицию занимал целый ряд западных историков политэкономии [Ингрэм, 1897. С. 65. Косса, 1900. С. 165].

системы политической экономии» Ф. Листа [List, 1856. P. 407] до современного критика либеральной догмы «сравнительных преимуществ» Э. Райнерта [Райнерт, 2011. С. 38]. «Другой канон», противостоящий методологическому индивидуализму и математизированным абстракциям мейнстримного канона [Автономов, 2013. С. 6–7, 10–11], неотделим от традиций германской исторической школы в политэкономии, в России иногда именованной «реалистическим» направлением. Оно, как известно, отвергало метафору «экономического человека» классиков и маржиналистов, «космополитизм» и «перпетуализм» категорий, вывод о невмешательстве государства как «естественном состоянии». В стремлении полнее учесть различные аспекты реальности, чтобы изменить её к лучшему, прибегая к протекционизму и социал-политике, историческая школа инициировала обширные экономико-статистические обследования («прикладное обществоведение») и выдвинула классификации форм промышленности и различные схемы последовательных стадий эволюции хозяйственного быта.

Позднее Й.А. Шумпетер отнесся со снобистским пренебрежением [Шумпетер, 2011. С. 1067] к этим историко-стадиальным схемам, но в послекрепостнической России отношение к ним было серьезным. Желая приобщиться к европейским научным стандартам, раскрепощенные поколения российских политэкономов понимали, что эти стандарты сложились в странах, далеко ушедших вперед в торгово-промышленном развитии. Историко-стадиальный подход обещал шансы на приложение достижений западной экономической мысли к опыту отсталой страны, задержавшейся в крепостническом состоянии, но способной к догоняющему развитию.

Поэтому в России снискали популярность и примитивная стадийная схема «роста национальных производительных сил» Ф. Листа [Никитский, 1893. С. 1], и противопоставление натурального и денежного хозяйства Б. Гильдебрандом [С-в, 1897. С. 687]. И даже раньше, чем в Германии (у И. Бабста и А. Корсака, а не у В. Рошера) сложилось представление о корреляции между историзмом в политэкономии и социально-реформаторской «средней линией» [Гловели, 2014. С. 476]. В эту «среднюю линию» оказалось возможным, ещё и с народнической поправкой на общинные земельные наделы и самобытные «семейные формы производства» (кустарные промыслы) [Иванюков 1891. С. 61], уложить и стадиальные элементы теории капитализма К. Маркса (резкого критика «вульгарной политэкономии» исторической школы), воспринимаемые без революционных выводов об исторической миссии рабочего класса.

Ключевой для бурных политэкономических дебатов в России конца XIX в. стала формула «развитие капитализма», впервые появившаяся в переписке К. Маркса с русскими легальными народниками и в нелегальных народнических изданиях. Первый переводчик «Капитала» Маркса на русский язык Н.Ф. Даниельсон («Николай – он») вместе с приверженцем трудовой теории стоимости (ценности) В.П. Воронцовым («В.В.»), внедрившим понятие «капитализм» в русский словесный обиход, обосновывал «особый путь» России – к общинному социализму «в обход» капиталистических «средних стадий». Эта позиция подверглась обструкции русскими неопитами марксизма 1890-х гг., с задором доказывавшими, что капитализм – единственный шанс для *роста производительных сил* в России, страдающей не столько от капитализма, сколько от его *недостаточного* развития.

Выполнения «задачи, которая везде в других странах выпадала на долю либеральной политической экономии – и притом как официальной науки» – «исторического оправдания капитализма» – ждал от русского марксизма застрельщик антинароднической полемики П. Струве [Струве, 1902. С. 188]. Но в официальной экономической науке других стран как раз в то время происходили изменения, судьбоносные для её обоих канонов. С одной стороны, историческая школа стала отходить от рекомендованного её официозным главой Г. Шмоллером сугубого эмпиризма историко-хозяйственных монографий. К. Бюхер выступил с обоснованием обобщенной трехстадийной схемы европейского экономического

развития по критерию длины пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя (замкнутое домашнее хозяйство, городское корпоративное хозяйство, народное хозяйство), и, по словам Струве, «в экономической науке давно не было такого праздника, как когда Бюхер опубликовал свои замечательные этюды» [Струве, 1902. С. 427]. Бюхер разработал также пятизвенную историческую классификацию форм промышленности по степеням связей с рынком и охвата капиталом, примененную и для современности в статистическом разрезе [Бюхер, 1897].

С другой стороны, хотя математическая форма выражения маржиналистской теории ценности ещё оставалась непривычной, стало очевидным значение теории предельной полезности как «интеллектуального оружия против Маркса и Генри Джорджа» [Блауг, 1994. С. 287]. В Англии и США началось замещение прежнего названия науки «political economy» на «economics». В континентальной Европе [Gide & Rist, 1909. P. 615–617] и особенно в России [Соболев, 1898. С. 310] маржиналистская теория ценности еще долго воспринималась лишь как перелицовка принципов классического либерализма. «Молодая» историческая школа заслоняла «психологическое и математическое направления» в политэкономии. В «споре о методах» к шмоллеровскому отрицанию дедуктивного подхода не примкнул никто из российских политэкономов (за исключением бывшего министра финансов Бунге). Но их вовсе не удовлетворяли «такие высоты отвлеченно-психологического анализа», с которых очень мало заметны реальные социальные факторы; «изоляция экономических явлений от всех других сторон народной жизни» и «представление об обществе, как механическом единстве отдельных индивидуумов»; наконец, «сложные математические формы выражения мыслей, по существу, упрощенных до последней крайности» [Железнов, 1904. С. 418, 453]. Другое дело – такие реальные проявления «ликвидации старых понятий о свободной конкуренции», как монополистические союзы предпринимателей, фабричное законодательство, профсоюзы, кооперативы и пр. [Янжул, 1895; Соболев, 1900, и др.]. К их осмыслению русские политэкономы приступили сразу вслед за западными. П. Струве начал сотрудничество с знаменитым энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона со статьи «Земледельческое государство», где, опираясь на схемы Листа и Гильдебранда, намекал на желательность в России сдвигов в структуре хозяйства, соответствующих «рассеянию промышленности по всему культурному миру» [Струве, 1894а. С. 424]. А следом написал сводку об институциональных изменениях «современного капиталистического строя», обусловленных «тенденцией промышленности к концентрации» [Струве, 1895. С. 610–616].

Наблюдая «брожение» в западной экономической науке, российские политэкономы не видели в маржиналистских подходах теоретической системы, способной заменить старые построения. Концепции исторической школы и социал-политики считались гораздо более соответствующими «грандиозному процессу нарастания общественных сил, переносящему самыми разнообразными путями центр тяжести хозяйственной жизни от индивидуального произвола предпринимателя и индивидуального приспособления и индивидуальной борьбы работника к общественному строительству и контролю» [Железнов, 1905. С. 11, 16].

Словарь Брокгауза и Ефрона, изданный в 1890-е и начале 1900-х, своеобразно отразил такое отношение к «Двум канонам». Из всех теоретиков маржинализма отдельные статьи были посвящены только Девонсу и Менгеру. Тогда как молодая историческая школа широко представлена авторами не только германскими (Брентано, Бюхер, Вагнер, Гельд, Зомбарт, Инама-Стернег, Шмоллер, Шульце-Геверниц), но также английскими (Ингрэм, Роджерс, Эшли) и американским (Эли).

А дебаты марксистов с народниками стали не просто спором о перспективах капиталистического или некапиталистического пути обобществления труда в России, но и о том, должна ли она проходить *конкретные стадии* капитализма. Крупнейшие произведения

марксистов 1890–х гг. – «Русская фабрика» приват-доцента М.И. Туган-Барановского и «Развитие капитализма в России» политэкономического В.И. Ульянова (Вл. Ильина) – были посвящены опровержению того, что кустарные промыслы, в которых народники видели основу для некапиталистического промышленного роста, – «самобытное» русское явление. «Неомарксисты» доказывали, что это не более чем *рассеянная мануфактура*, т.е. разновидность низшей исторической стадии капитализма, которую и в России неизбежно сменит (и чем скорее, тем лучше) более высокая стадия фабричного крупного машинного производства [Гловели, 2016. С. 515–520].

Марксистско-народническая полемика о «судьбах» и стадиях капитализма в России, включая Сибирь, совпала не только с поворотом в развитии германской исторической школы в политэкономии, но и с австрийской реакцией на «большое противоречие» между 1-м и опубликованным 3-м томами «Капитала», а также с разливом по европейской социал-демократии бернштейнианства и аграрного ревизионизма. Струве и его ближайшие соратники в Петербурге и Москве – М. Туган-Барановский и С. Булгаков – примкнули к ревизионистам и согласились с реформистской критикой выводов Маркса о крахе капитализма и диктатуре пролетариата, а также – более или менее – с критикой теории трудовой ценности. Не замедлили эти «легальные марксисты» и с отмежеванием и от материалистической диалектики, и от «экономического материализма», с позиций которого они сами только что критиковали народничество,

Диалектика подверглась пересмотру и с других позиций – позитивистских. Редактор нового «толстого» журнала «Научное обозрение» легендарный доктор философии М.М. Филиппов в первой в русской легальной печати специальной работе о социологии марксизма утверждал, что критика политической экономии вела Маркса от прежнего «идолопоклонства перед Гегелем» к общенаучному эволюционизму и освобождению «от балласта диалектики»; естествознание «прокрадывается в тайники исторического материализма, откуда окончательно выкуривает гегелевский дух» [Филиппов, 1897. С.122, 127]. Филиппов же предоставил страницы своего журнала для первых русских обзоров маржиналистских доктрин [Винярский, 1897; Рыкачёв, 1900]. Однако сам написал статью, в которой связал возникновение теории предельной полезности с ростом в капиталистическом обществе слоя образованных людей, живущих на те или иные формы рент и пенсий, и с расцветом биржевой игры – «области, где вовсю развернулось торгашество» [Филиппов, 1900. С. 2010].

К понятию «экономическая мысль веховства»

П. Струве, автор статьи «Маркс» для словаря Брокгауза и Ефрона и организатор нового русского перевода² 1-го тома «Капитала», составитель первого манифеста Российской социал-демократической рабочей партии (1898), еще в «Критических заметках» провозгласил, что «можно быть марксистом, не будучи социалистом» [Струве, 1894. С. 180]. К началу 1900–х сам Струве уже не был ни тем и ни другим, и в течение первого десятилетия XX в. как идеолог и политик неуклонно смещался вправо. Свой поворот от «легального» марксизма к «Проблемам идеализма» (1902) Струве заодно с С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком довел до резкой критики в сборнике «Вехи» (1909) безрелигиозности, «противогосударственного отщепенства» и классовой ангажированности русской интеллигенции. К тому времени Струве – член ЦК Конституционно-демократической партии и редактор одного из влиятельнейших «толстых» журналов «Русская мысль». Веховец

² В котором, к одобрению Туган-Барановского, понятийный ряд с немецким корнем Wert был переведен сочетаниями со словом «ценность», а не «стоимость», как в первом переводе Даниельсона-Лопатина.

Струве отвернулся от своего прежнего вывода, что «в России буржуазные классы и институты, именно в силу своеобразного исторического прошлого нашей страны и особенно условий её настоящего, способны подчас играть глубоко реакционную роль» [Струве, 1901. С. XIV]. Теперь он заседал на «ученых обедах» у московских торгово-промышленных олигархов, вознамерившихся найти русскую «национальную идею буржуазии» [Уэст, 2000. С. 312, 315].

На этих обедах присутствовал и С.Н. Булгаков, излагавший идеи своей «философии хозяйства», оформленные вскоре в его докторской диссертации по политэкономии. Напротив, отсутствовал М.И. Туган-Барановский, чей поворот «от марксизма к идеализму» был не менее решительным, чем у веховцев, но в иных, своеобразных формах. Однако с Булгаковым у Туган-Барановского осталось больше общего, чем с прежним другом Струве. Во-первых, в противоположность неизменно жесткому антинародничеству Струве (также как и ортодоксальных марксистов Ульянова-Ленина и Плеханова!), Туган-Барановский и Булгаков значительно смягчили свои позиции по отношению к народникам, признав их правоту в том, что касалось живучести русских кустарных промыслов и значения кооперации. Во-вторых, порвав с историческим марксизмом, и Туган-Барановский, и Булгаков искали идеалистического («этического», «христианского») обоснования социализма.

Иное дело – Струве и его ближайшие сотрудники по «Русской мысли» политический обозреватель А. Изгоев (один из авторов «Вех») [Белых, 2012] и экономический обозреватель А. Рыкачев [Ансберг, Ковалев, 2009], в прошлом также «легальные марксисты». Именно это трио, на наш взгляд, определяет линию *экономической мысли веховства* как категоричного и разноаспектного либерально-буржуазного пересмотра социалистических – общинно-народнических, классовых марксистских и иных – умонастроений русской интеллигенции.

А. Изгоев (Ланде) вместе с самим П. Струве активно поддерживал столыпинское разрушение общины и насаждение хуторов, приветствуя правительственное поощрение «сельской буржуазии». Изгоев стал первым биографом Столыпина, полностью одоблив землеустройство, хотя и составив длинный список того, чего не сделал покойный премьер-министр («сильный ум», но какого-то «второго сорта» [Изгоев, 2012. С. 110]) в области внутренней политики и законодательства (включая введение подоходного налога и общедоступного начального образования). Рыкачев, автор «замечательной», по оценке Струве, книги «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма»³ (1912), подвергал разносу экономические трактаты русских социалистов всех оттенков – от Туган-Барановского до «Курса политической экономии» А. Богданова и И. Степанова. Наконец, этот автор в статье «О некоторых наших предубеждениях» ставил вопрос о национально-культурной миссии русской буржуазии, призывая интеллигенцию повернуться лицом к капиталистическому предпринимательству, а детей «тех, кто шел в народ» – идти стяжать прибыль в промышленность и торговлю [Рыкачев, 1913. С. 47–48].

Стоит упомянуть и еще одного автора, приглашенного Струве к сотрудничеству в «Русской мысли», – первого русского экономиста-математика В. Дмитриева. Тот досадовал, что в России четверть века толком не замечали маржинализма – «самого крупного по своим размерам и последствиям течения европейской экономической мысли» [Дмитриев, 1908. С. 17]. Во втором десятилетии XX в. ситуация стала меняться, что отразил и Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1911–1916). В нем появились статьи о Бем-Баверке, Визере, Вальрасе, Кларке, Маршалле и их предшественниках Галиани

³ В этой книге, между прочим, содержится едва ли не единственная в русской досоветской литературе ссылка на одну из работ («Теория делового предприятия») основателя американского институционализма Т. Веблена.

и Госсене. Однако в курсе истории экономических учений С. Булгакова школе предельной полезности был посвящён лишь один последний (!) абзац [Булгаков, 1914. С. 191]; в других солидных русских курсах истории экономических учений не было и этого ([Миклашевский, 1909], [Левитский, 1914])! Самым же издаваемым в Российской империи западным экономистом стал представитель нового поколения исторической школы В. Зомбарт – несмотря на репутацию «пруссак, который ненавидит Восток и хочет обеспечить могущество Германии для борьбы с восточноевропейскими и азиатскими народами, в частности, Россией» [Миклашевский, 1904. С. 464].

Труды Зомбарта имели особое значение для Струве-экономиста, одновременно с редактированием «Русской мысли» читавшего в Санкт-Петербургском политехническом институте курсы торговой политики и (впервые в России) экономики промышленности, а в 1912 г. унаследовавшего после кончины профессора И.И. Иванюкова первую в России кафедру экономической истории (истории хозяйственного быта). Свой курс экономики промышленности Струве построил по образцу зомбартовского курса «Политическая экономия промышленности», акцентировавшего нарастание монопольной власти на отраслевых рынках. Но главным источником влияния Зомбарта был, несомненно, трактат «Современный капитализм» (1902). В нём Зомбарт отождествил «стадию народного хозяйства» Бюхера с «открытым для политической экономии Марксом» капитализмом, одновременно отвергая как марксистские революционные выводы, так и бюхеровский стадийный критерий удлинения пути продукта от производителя до потребителя. Для исследования генезиса и дальнейшего роста капитализма Зомбарт считал необходимым вернуться к аристотелю противопоставлению экономии и хрематистики. Капитализм в трактовке Зомбарта – это торжество «хрематистического», денежно-приобретательского начала; смещение хозяйственной деятельности в сторону всемерного стяжания прибыли и изощрения потребностей; безграничность энергии и эстетических переживаний, перед которой меркнет римская и восточная роскошь.

«Эстетический эпикуреизм» Зомбарта [Булгаков, 1903. С. 267] вызвал упреки в «анти-этичности» [П.Н., 1914. Стб. 811], в том числе – порицание С. Булгакова, уподобившего выводы германского политэконома циничным парадоксам Б. Мандевиля. Но характерно, что в русской литературе с положительной оценкой «Басни о пчёлах» Мандевиля выступил не кто иной как Струве, соратник Булгакова по «легальному марксизму», а затем – «новому идеализму» и веховству. Он писал, что никто так ярко, как Мандевиль, не отстаивал «положения, что рост потребностей есть основное условие и главный двигатель материальной культуры» [Струве, 1915. Стб. 592]. А отправным пунктом для главного политэкономического трактата Струве «Хозяйство и цена» стало признание несостоятельности попыток исключения «хрематистического мотива» из политэкономии.

Туган-Барановский в рецензии на 1-й том трактата «Хозяйство и цена» не без сарказма заметил, что если молодой Струве стремился преподнести себя как последователя Маркса, то потом стал щеголять знакомством с самыми разными (не только экономическими) научными школами [Туган-Барановский, 1913. С. 378]. Упрёк в целом тенденциозен: Струве черпал аргументы из весьма разных источников уже и в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России», включая трактат американца Гентона «Social Economics» (1892). Более того – и тогда Струве писал, что Маркс и националист-протекционист Фр. Лист «прекрасно дополняют друг друга» [Струве, 1894. С. 183], и лишь под давлением тогдашнего друга ортодоксального социал-демократа А.Н. Потресова исключил из текста своё одобрение «чрезвычайно искусного и мощного протекционизма», который проповедовали и претворяли в жизнь русские последователи Листа – универсальный промышленный эксперт царского правительства великий химик Менделеев и министр финансов Витте [Struve, 1934. P. 586]. «Легальный марксизм» был лишь этапом струвистского «национал-либерализма», или «национал-европеизма», кото-

рый превратил бывшего оппозиционера в госчиновника, статского советника и идеолога великорусского империализма.

Резонно было бы другое замечание. Струве как яркий антинародник начал с «марксистско-листовского» обоснования возможности развития капитализма в России с опорой на внутренний рынок. И здесь в дальнейшем он нашёл союзника в лице Зомбарта, первым обратившего внимание на такую черту развитого капитализма, как рост значения для промышленности внутреннего рынка «не только абсолютно, но и относительно» [Струве, 1908. С. 154]. Но и Зомбарта Струве уличил в «странной ошибке» отрицания значимости вовлеченности индустриальной страны в мировой рынок, а для этой вовлеченности Струве считал «естественным» и «прогрессивным» рост империализма ради завоевания внешних рынков [Струве, 1914. С. 16].

В военный 1915 г., когда веховец Струве занял пост председателя секретного Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при царском министерстве торговли и промышленности, вышло новое издание его энциклопедической статьи о Марксе с единственным дополнением: Струве оценивал (свой бывший) «марксизм» в России как «учение об основном тождестве русского экономического развития с западноевропейским» [Струве, 1915. С. 767]. Очевидно, что участие России в империалистической войне представлялось веховству закономерным следствием такой «тождественности» развития. Но заметим, что в разгар споров 1890–х гг. о судьбах русского капитализма народник В.П. Воронцов (главная «мишень» атак Струве и других марксистов) пророчески писал в своих «Очерках теоретической экономики»: «Не грозит ли Европе, одновременно с промышленным развитием, регресс нравственный и умственный, одичание нравов, понижение человеческого типа, ограничение свободы, процветание которой не может быть совместимо с превращением страны в военный лагерь?» [Воронцов, 2008. С. 499].

Два канона и формативные мотивы экономического мышления

Два тома трактата «Хозяйство и цена» (1913 и 1916 гг.) принесли Струве ученые степени по политэкономии (соответственно магистерскую и докторскую). 1-й том вышел «синхронно» известной статье Ульянова-Ленина «Три источника и три составные части марксизма», и ортодокс Ульянова-Ленина не оставил сочинение Струве без резко отрицательной рецензии. Оба автора почти одновременно выступили со статьями о Марксе для двух главных русских энциклопедий. Для лидера большевиков подготовка знаменитой статьи «Карл Маркс» для словаря «Гранат» стала импульсом к углублённому изучению гегелевской диалектики, в свою очередь, родившему вывод, что «никто из марксистов не понял Маркса полвека века спустя!!» [Ленин, 1969. С. 162]. Для веховца Струве критическая оценка всех исторических корней марксизма стала элементом методологической рефлексии по поводу основных *формативных мотивов экономического мышления*, определившей новую ретроспективу экономической мысли: противостояние «сингуляристического» и «универсалистического» подходов.

Понятие «сингуляризм» было по существу синонимом маржиналистского методологического индивидуализма, в лице австрийской школы выдвинувшего категорию «сингулярного» хозяйства (от лат. *singularis* – «единственный, особенный»), и созвучного провозглашенному веховцами этическому принципу «личной годности». Пересмотрев свое прежнее восторженное отношение к историко-хозяйственной систематике К. Бюхера, Струве решил отказаться от понятия «народное хозяйство» и руководствоваться «сингуляристическим мотивом» в отождествлении «подлинного хозяйства» – с автономным част-

ным (сингулярным) хозяйством, а образования ценности товара – с отдельными и субъективными актами оценки, объективирующимися в цене.

Понятие «универсализм» Струве возводил к спору средневековых схоластов, в котором одна сторона, называвшая себя «реализмом», настаивала на существовании универсалий – «первообразных» и первичных по отношению к вещам общих понятий; другая же отрицала существование таковых, считая их простыми «именами» (*nomina*), и называла себя «номинализмом». Впоследствии, указывая Струве, реалистический мотив выступил и в философии, и в специальных науках, как тенденция приписывать реальность общим понятиям, не подвергая анализу их генезис и значения. (Заметим, что «реализм» в этом смысле принципиально отличен от эмпирического «реализма» исторической школы в политэкономии). В политической экономии реалистический формативный мотив мышления выдвинулся сначала как поиск вещественно-осязаемого воплощения богатства и природы «ценности» (драгоценные металлы, чистый продукт), а затем, в связи с проблемой распределения этого богатства, как гипостазирование таких понятий, как «общество», «класс», ставших «универсалиями» социологического мышления [Струве, 1913. С. VI, XI].

Именно к такому «реалистическому, или универсалистическому формативному мотиву» Струве отнёс все истоки марксистской философии, политэкономии и социализма – панлогизм Г. Гегеля [Струве, 1913. С. XXVI], трудовую теорию ценности («стоимости») и «социологический реализм» А. де Сен-Симона, поставившего на место индивидуалистической идеи «естественного права» идею порядка и организации (рационализации общества коллективной волей).

Предпочтительность противоположного – «сингуляристического» – формативного мотива Струве обосновывал на заимствованном у выдающегося германского психолога-философа В. Вундта различении «автогении» и «гетерогении» целеполагания [Струве, 1913. С. 38]. «Автогения», т.е. соответствие полученных результатов поставленным целям, достижима, по мнению Струве, лишь в категориях единичного хозяйства, выражающих рациональное отношение всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру (потребности, субъективная ценность, издержки и т. д.). Но, помимо этих категорий, существуют категории межхозяйственные (основная из них – цена) и социальные, в которых выражается иррациональность системы взаимодействующих хозяйств как области господства «гетерогении» целей – столкновения индивидуальных волей. Сочетание рациональной «автогении» сингулярного хозяйства и иррациональной «гетерогении» взаимодействующих хозяйств вследствие неизбежного отличия результатов целенаправленных человеческих усилий от заданных намерений составляет, по определению Струве, «основной дуализм общественно-экономического процесса» [Струве, 1913. С. 60, 67–74].

Этот «основной дуализм», по мнению Струве, был гениально схвачен Марксом в учении о товарном фетишизме: в меновом хозяйстве одни явления (автогенические) поддаются рационализации, т.е. могут быть направлены согласно воле того или иного субъекта; другие (гетерогенические) протекают только стихийно, вне соответствия с волей какого-либо субъекта. Но Маркс приписал дуализму автогенических и гетерогенических явлений исторически преходящий характер, что Струве считал ошибочным выводом из сен-симонистской идеи рационализации, вдвинутой в поток органического стихийного развития общества. Исторический материализм Маркса вслед за социологической теорией прогресса Сен-Симона универсализировал историзм, превращая «разумное» в историческую категорию и укрепляя тем самым революционное начало социализма [Струве, 1913. С. 56]. Но в этом, по мнению Струве, была и сила, и слабость марксизма. Сила – в том, что социально-революционное действие может утверждаться лишь на «некотором построении, притязающем на абсолютное значение». Слабость – в том, что такой историзм может оправдать всякое преобразование, но историческому оправданию социализма с равной убедительностью может быть противопоставлен исторический скепсис по отношению к нему.

«Универсалистический» формативный мотив довлеет как над материалистическим пониманием истории, придающим верховное значение категории производства материальных благ, так и над политэкономическим возведением рыночной цены к «внутренней», «объективной», «трудовой» ценности товара (или «издержкам производства»). Здесь Струве сделал одно принципиальное уточнение в связи с концепцией австрийского экономиста К. Прибрама (1877–1973) в статье «Происхождение индивидуалистической социальной философии» [Pribram, 1912], выступившего с обоснованием координатных осей «реализма» и «номинализма» в экономической аргументации [Чаплыгина, 2004]. Прибрам сблизил, с одной стороны, понятия номинализма и индивидуализма, с другой стороны, реализма и коллективизма⁴. Струве согласился с таким сближением лишь отчасти, предостерегая против упрощающего смешения формативных мотивов теоретического мышления (антитезы «реализм – номинализм» и «универсализм – сингуляризм») и оценочных мотивов мышления практического (антитезы «коллективизм – индивидуализм» и «социализм – либерализм»). Меркантилисты, проповедники активного государственного вмешательства, внесли в политэкономия универсалистическое – субстанциальное – понимание богатства (избыток драгоценных металлов). Ни французские физиократы, ни английские политэкономы – классики при обосновании индивидуалистического невмешательства (*laissez faire*) не преодолели этого универсалистического («реалистического») мотива в своих учениях о «чистом продукте» и «производительном труде». Произошло это, по мнению Струве, в силу того, что либеральная английская политэкономия, выросшая из британского индивидуалистического эмпиризма, некритически оперировала понятием «естественного закона», прикрепляя идею общественной закономерности к чему-то субстанциальному. И отдала тем самым обильную дань универсалистическому мотиву в категориях «естественной», или «внутренней» цены-ценности и распределения классовых доходов. Марксистская политэкономия в учении об абстрактном труде и прибавочной ценности подытожила эту «погоню за прочным «вещным» ядром, за субстанцией эмпирического явления «цена» в тщетном стремлении «вместить мир эмпирических хозяйственных явлений в «реалистическую» концепцию трудовой ценности» [Струве, 1913. С. 83]. Но не освободился от универсалистического мотива и маржинализм, особенно в теории предельной производительности Кларка [Струве, 1916. С. 42].

Струве принял переворот в теории ценности, совершенный маржиналистами, – раскрытие ценности хозяйственных благ как производной цены, а не возведение цены к «объективной» ценности. Однако подход Струве к систематизации экономических категорий вокруг центральной категории цены принципиально отличен от «одержимости» теорией цены экономистов основного канона (мэйнстрима) [Автономов, 2013. С. 12]. Отправной пункт Струве – цена как эмпирико-статистическая данность, проходящая через историю не только как первичная вольная цена торговых сделок, но и как регулируемая («указная») цена. Этот подход соответствует не только эмпиризму исторической школы в политэкономии, но и построению политической экономии как идиографической дисциплины в соответствии с обоснованным неокантианской философией противопоставлением идио-

⁴ Много лет спустя, перебравшись в США, Прибрам ввел понятие «паттернов экономической аргументации» [Pribram, 1953], а уже после его смерти вышел его капитальный труд «История экономической аргументации» [Pribram, 1983], охватывающий и большую часть XX в., но построенный все на той же антитезе «реализм – номинализм». Позиция номиналистов была представлена как гносеологический скептицизм, согласно которому возможности человека ограничены лишь способностью строить определенные гипотезы, не претендующие на большее, чем статус удачной, практически приемлемой интерпретации реальности. Расширением «номиналистического подхода к описанию экономического поведения» Прибрам объяснял «распространение капиталистической модели производства и распределения» [Pribram, 1983. P. 589–590]. Под «реализмом», или, по-другому, «эссенциализмом» (от *лат.* *essentia* – сущность), понимается убеждение в способности разума проникать в суть вещей и «открывать» законы, если не абсолютные, по крайней мере, объективные для целых исторических периодов. Термин «эссенциализм» использовал своей критике «историцизма» К. Поппер.

графических и номотетических наук. Выдвигая задачу идиографического изучения хозяйственной жизни как методическое требование-программу [Струве, 1916. С.71], Струве отверг номотетическую методологию маржиналистов – «субтильную экономическую схоластику» утонченных робинзонад и облеченных в математическую форму равновесных конструкций [Струве, 1913. С. XXXIII]. Обратив внимание на книгу Шумпетера «Теория экономического развития», Струве признал её достоинством «ту откровенность, с которой автор очерчивает дедуктивно-математическую политическую экономию, как нечто далекое от действительности» [Струве, 1916. С. 64]. Для самого Струве, согласившегося с критикой маржинализма французским представителем исторической школы в политэкономии Ф. Симианом, зачинателем исследования длительных волнообразных колебаний цен в истории, такое отдаление от действительности было неприемлемым.

Основной вывод политической экономии Струве, построенной на теории цены: цена – гетерогеническое явление, получающееся в результате столкновения множества человеческих волей. Социальное (властное, «указное») регулирование цены сводится к стремлению превратить её в явление автогеническое – т.е. в заранее учтённое и построенное решение какого-либо надындивидуального социального субъекта хозяйствования и властвования. Но при самых различных формах политического, социального и хозяйственного строя эти попытки плохо удаются: цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно оставалась в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивлявшимся рациональному социальному построению. Расширение поля рационального построения цены хотя бы на ограниченных пространствах стало возможным благодаря железнодорожным тарифам, картельным соглашениям и регулированию заработной платы – вывод в традициях исторической школы. Но социалистическую идею полной рационализации цен и управления ими Струве признал явно фантастической [Струве, 1913. С. 312].

Однако Струве чужда и распространявшаяся в оболочке либерального оптимизма XIX в., а затем неолиберального рыночного фундаментализма XX в. «вера в прекрасное устройство спонтанных институтов» [Gide & Rist, 1909. P. 107]. Либеральное доктринёрство об оптимизации производства и распределения свободной игры стихийных рыночных сил сходится с социализмом как общая вера в полную рационализацию общественно-экономического процесса [Струве, 1913. С. 58–59].

Как теоретик торговой политики, идеолог «национал-либерализма», а затем и госчиновник Струве настаивал, что государство является определённым «автогеническим» единством, а «планомерное и организованное воздействие людей на их собственные отношения в процессе обмена» – узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития данной страны» [Струве, 1908. С. 158]. Хотя цена «упорно сопротивляется рациональному социальному построению» и остаётся в общем и целом «гетерогеническим» явлением, государство не бессильно (пусть и не всесильно) в воздействии на рыночную «гетерогению» целей и способно в некоторой степени навязать обществу рационализацию с помощью проводимой экономической политики – тарифной и денежной [Струве, 1913. С. 321].

Академик Струве между двумя канонами

В феврале 1917 г. профессор Санкт-Петербургского политехнического института П.Б. Струве был утвержден Киевским университетом им. Св. Владимира в степени доктора политической экономии. Вскоре, после падения обветшалого монархического режима, он был назначен директором Экономического департамента МИДа. Весной 1917 г. Временное правительство поддержало ходатайство Академии наук о переименовании ее из Императорской в Российскую и утвердило новую редакцию Устава академии, предусматри-

вавшую выборность президента Академии. В мае де-факто уже руководивший Академией наук именитый геолог А.П. Карпинский по решению её общего собрания стал первым демократически избранным президентом Академии. И тогда же на вакантное (после кончины осенью 1914 г. И.И. Янжула) место ординарного академика по разряду политической экономии и статистики в отделении исторических наук и филологии был избран П.Б. Струве. Он стал представителем уже третьего поколения семьи Струве в Академии наук – после деда Василия (Вильгельма) Яковлевича, уроженца Шлезвиг-Гольштейна, и дяди Отто Васильевича, двух первых директоров астрономической Пулковской обсерватории⁵. В составленной перед выборами историком академиком А.С.Лаппо-Данилевским «Записке» об ученых трудах П.Б. Струве отмечался их широкий охват, включая и отвлеченные проблемы экономической теории, и конкретные вопросы истории хозяйственного быта, и выдвигавшиеся жизнью задачи экономической политики. Особо выделялся вклад в «изучение марксизма и его исторических корней» [Лаппо-Данилевский, 2015. С. 269–270].

О Струве как «главном герое марксистских выступлений» конца XIX в. напомнила появившаяся в 1917 г. статья видного социал-демократа В.А. Базарова (Руднева) в обзорном труде «Русская литература XX века» [Базаров, 2000. С. 305]. Для современников экс-марксист и академик оставался по преимуществу политиком и философствующим публицистом, возглавив, кроме «Русской мысли», еще редакцию нового еженедельника «Русская свобода» (с апреля 1917 г.), став организатором «внепартийной» Лиги русской культуры, а в октябре 1917 г. – членом Временного Совета республики (Предпарламента).

Тем не менее осенью 1917 г. на заседаниях историко-филологического отделения АН Струве сделал два доклада: «Проблема капитала в политической экономии, построенной на понятии цены» и «Понятие и проблема торговой политики». Первый из них был дополнен докладом ученика П.Б. Струве В.М. Штейна по случаю 100-летия выхода в свет классических «Принципов политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо. А второй академический доклад Струве сделан уже после красногвардейского переворота, свергнувшего Временное правительство. Эти доклады подвели своеобразную черту не только под воззрениями самого Струве, но и под дискурсом всей российской академической политэкономии, связанным с самоопределением в противостоянии Двух канонов, – от смитианца-фритредера А.К Шторха до историка и социал-политика И.И. Янжула.

Стержень доклада Струве «Проблема капитала в политической экономии, построенной на понятии цены» придала дискуссия, проходившая в начале XX в. с участием экономистов австрийской школы (Бём-Баверк, Шумпетер) и близких к ней⁶ (а не к английским школам) американских маржиналистов (Кларк, Феттер). Струве, хотя и с оговорками, присоединился к пересмотру исходных понятий в абстрактно-индивидуалистическом каноне, становившемся неоклассическим, а именно:

- ▶ отказу от смитианского разграничения производительного и непроизводительного труда («одной из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» [Блауг, 1994. С. 48]);
- ▶ выдвиганию на первый план вместо категории «богатство» категории «благо»;
- ▶ замене традиционного трехфакторного подхода и введению категории благ длительного пользования, которая сделала возможным рассматривать землю как разновидность капитала⁷ [Fetter, 1991. P. 35];

⁵ Позже четвертое поколение этой семьи будет представлено уже в Академии наук СССР – востоковедом Василием Васильевичем Струве, сыном старшего брата Петра Струве Василия [Геглов, 2005. С. 104–106].

⁶ Ученик Струве Штейн в своем докладе «Давид Рикардо» утверждал, что на смену классической доктрине приходит «система австро-американской экономии» [Штейн, 1917. С. 1529].

⁷ А позднее – ввести категорию «человеческого капитала», найдя в ней соответствие одному из элементов основного капитала по А. Смитю [Блауг, 1994. С. 48].

- ▶ переформатированию причинно-следственных связей между производством, обменом и потреблением и определению ценности средств производства, исходя из субъективной ценности потребляемых благ [Струве, 1917а. С. 1402].

Струве принял все перечисленные пункты как элементы, как соответствующие «номиналистическому» формативному мотиву экономического мышления и позволяющие уйти от «универсалистической фикции» материалистического субстанционализма. Но маржиналистское преодоление «универсалистического» формативного мотива Струве дополнил определением хозяйственного блага как такого блага, которое (в силу присущей ему относительной редкости) «несет на себе знак или клеймо цены». На основе сингуляристического «психологического функционализма» выстраивался категориальный ряд «услуга – оцененное благо («овеществление услуги») – денежный доход – капитал («богатство, поскольку оно обращается или может быть по своей природе и по социальному положению своего собственника обращено на извлечение дохода»)). В этот ряд вписывались и определение капитала как дисконтированного дохода И. Фишером, и различие «капитала» и «капитальных благ» Дж. Б. Кларком [Струве, 1917а. С. 1401, 1407].

Новшеством академического доклада Струве было определение денег как главного представителя «отсылочных» благ, выделенных особо в классификации хозяйственных благ наряду с потребительскими и производственными. Деньги в трактовке Струве – это «вторичные» блага, служащие для осуществления непрямого обмена и выполняющие функции средства обращения и платежного средства в силу своей технической обратимости в любую непосредственную полезность (ликвидности). Деньги всегда «отсылают» к другим хозяйственным благам (натуральным), имеющим потребительское и производственное значение. Хотя Струве и не использовал понятие альтернативных издержек, его функциональные определения хозяйственных благ, денег и капитала опирались на предпосылку о возможности выбора. Обладание деньгами воплощает возможность выбора в приобретении – предметов потребления, или капитальных благ, или прав на извлечение доходов [Струве, 1917а. С. 1408, 1403].

Проведя разграничение «между натуральной и отсылочной системами», Струве подчеркнул противоречивый характер их сочетания в экономике, зависимый от вторжения «момента доверия или недоверия» в «механизме отсылки». С одной стороны, деньги и ликвидные ценные бумаги (цена которых отражает колебания в действительной или предположительной доходности промышленных предприятий) «суть блага, наиболее легко обратимые и потому экономически наиболее гибкие и в нормальное время самые прочные». С другой стороны, приходится признать «известное первенство» натуральных благ, которое с полной ясностью дает о себе знать в случаях нарушения нормального «равновесия между натуральной и отсылочной системами» в хозяйственной жизни. Струве констатировал, что стал академиком именно в такую эпоху «с прогрессирующим оскудением натуральной системы и ненормальным, прямо болезненным вздутием⁸ системы отсылочной» [Струве, 1917а. С. 1409–1410].

Первый академический доклад Струве завершается разбором концепции главного американского представителя австрийской школы Ф. Феттера о ценностной разности, обусловленной временем («time-value») и выражающейся, в частности, в феномене ссудного процента. Струве согласился с критикой Феттером концепции процента Бём-Баверка (хотя отверг концепцию «психического дохода» самого Феттера), резюмировав её так: «Широкое распространение процентных ссуд всецело определяется тем, что спрос на капитал движется энергией предпринимателей, могущих на основании опыта уверенно рассчитывать, что «будущие» блага в ценностном отношении превзойдут «настоящие» и тем самым их

⁸ Напомним, что слово «инфляция», которое в то время военного крушения системы золотомонетного стандарта только начало входить в экономическую терминологию, буквально означает именно «вздутие».

окупят, т.е. объясняется именно проспективной, всегда оптимистической оценкой будущих благ сравнительно настоящими» [Струве, 1917а. С. 1414]. Но Струве вслед за Феттером рассматривает «ценностную разность» и в более широком контексте на границе этики: в связи с проблемой благоразумия и предусмотрительности, или, напротив, расточительности, легкомысленной недооценки будущих опасностей и чрезмерного удовлетворения импульсов данного момента. Но если концепция маржиналиста Феттера ограничилась «экономикой личного поведения» [Струве, 1917а. С. 1413], то Струве в своем втором академическом докладе перенёс её на уровень общества в целом, характеризуя государство как субъекта экономической политики, призванного «перед лицом настоящих поколений с их интересами – представлять будущие поколения и их интересы» [Струве, 1918. С. 2123].

Принципиальное различие между Двумя канонами состоит в том, что рамках первого теории либо абстрагировались от государства, анализируя взаимоотношения индивидов, в том числе живущих в разных странах, либо (неолиберализм), исходили из того, что государство состоит из эгоистически ориентированных индивидов – политиков и чиновников [Автономов, 2013. С. 10]. Струве как идеолог торговой политики и национал-либерализма сохранил приверженность иной постановке вопроса, которую считал классической применительно к проблеме соотношения между интересами настоящего и будущих поколений, – Ф. Листом в его учении о национальных производительных силах и активной роли государства в переходе на более высокую ступень хозяйственного развития нации, соответствующую «выгодам будущего» [Струве, 1918. С. 2124–2126]. Примечательно, что круг имён, упоминаемых во втором докладе Струве, совсем другой, нежели в первом, – помимо Ф. Листа, это Г. Шмоллер, швейцарский меркантилист Геррешванд и др. Более того, Струве оперировал категориями явно «универсалистического» формативного мотива экономического мышления: «производительные силы», «интересы будущих поколений», «нация», «классы».

Таким образом, можно сказать, что русская академическая политэкономия так и не завершила самоопределения между Двумя канонами: Струве по существу развел их по разным докладам. Но что было обще этим докладам и характерно для отношения автора-веховца (отсылавшего при этом к своей книге 1894 г.!) к революционным событиям 1917 г. – игнорирование учения К. Маркса и социалистических доктрин.

Провозглашённая давним знакомцем П. Струве и вождём ортодоксальной марксистской партии в России В. Ульяновым-Лениным «социалистическая революция» нашла в лице Струве ожесточённого противника. На ноябрьском экстраординарном общем собрании Академии наук, выразившем протест против захвата власти большевиками и ожидание ответственного решения судеб России от Учредительного собрания, Струве не присутствовал. Но втиснул в набор последнего за 1917 г. номера «Русской мысли» злобную статью с оценкой «русского социализма... в современных условиях» как «антигосударственной и антикультурной погромной идеологии», препятствующей процессу «создания буржуазного собственнического стяжания в широких народных массах» [Струве, 1917б. С. 60]. В поисках вооруженной силы для «твёрдой» государственной власти в канун 1918 г. Струве уехал на юг, оборвав свою скоротечную академическую деятельность и посвятив последующие годы активной борьбе в рядах антибольшевистского подполья, белых армий и эмиграции.

Веховская традиция русской общественной мысли начала XX в. была подытожена книгой «Из глубины. Сборник «Русской Мысли». Инициатором книги, собранной летом 1918 г. и лишь в 1921 г. отпечатанной, но не вышедшей в тираж, был Струве. Большинство статей сборника, один экземпляр которого вывез в 1922 г. за границу Н. Бердяев, имело религиозно-философскую окраску, но статьи Изгоева [Изгоев, 1990] и самого Струве, касались злободневных политэкономических проблем, подводя тем самым итоги экономической мысли веховства. Собственную статью из этого сборника Струве напечатал в первом номере возобновленной в эмиграции «Русской мысли» [Струве, 1921].

Один из оставшихся в Советской России русских экономистов еще в начале 1920-х гг. ссылаясь на «нашего академика Струве» [*Первушин, 1922. С. 36*]. Но в конце 1920-х гг. явно «не наш» Струве и формально был исключен из Академии наук СССР. Вместе с тем подход к экономической теории, названный «статистическим сингуляризмом», развивался в эмиграции и самим Струве, и осевшими в Болгарии его бывшими учениками по Санкт-Петербургскому политехническому институту [*Nenovsky & Penchev, 2017*].

Любопытно, что Лаппо-Данилевский, представляя Струве для избрания в академии, не преминул отметить, что экономическая теория «переживает кризис, несколько напоминающий тот, который некогда привёл к одностороннему господству историко-описательного направления в экономической науке. После сравнительно недолгой поры увлечения абстрактными конструкциями на базе предельной полезности и родственных ей концепций снова начинается острая неудовлетворённость малой плодотворностью новых учений, оторванностью теоретических построений от жизни, их схоластичностью» [*Лаппо-Данилевский, 2015. С. 270*]. Век спустя, теперь уже после достаточно долгого господства маржиналистского мэйнстрима в экономической науке, звучат похожие упреки со стороны Другого канона, возвышающего столь уважаемого Струве Листа и политэкономов исторической школы.

В этой связи приобретает дополнительный интерес наследие Струве как методолога и историка экономической мысли – главы особого «веховского» направления в русской политэкономии. Представляется плодотворным дальнейшее сопоставление Двух канонов экономической мысли с анализом двух формативных мотивов экономического мышления, который проделали П. Струве и пока ещё мало известный в российской экономической литературе К. Прибрам.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С.* (2013). Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Ансберг О.Н., Ковалев В.В.* (2009). Андрей Михайлович Рыкачёв // Очерки по истории финансовой науки. Санкт-Петербургский университет. М.: Проспект. С. 329–349.
- Базаров В.А.* (2000). Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. II / Под ред. С.А. Венгерова. М.: ИЦ «XXI век – Согласие». С. 291–310.
- Белых А.А.* (2012). П.А. Столыпин и его первый биограф А.С. Изгоев // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 113–136.
- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Булгаков С.Н.* (1903). Об экономическом идеале. СПб: Товарищество «Общественная польза».
- Булгаков С.Н.* (1914). История экономических учений. Лекции, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1912/1913 акад. г. Ч. 2. М.: книж. маг. «Высшая школа».
- Бюхер К.* (1897). Историческое развитие и классификация форм промышленности // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности / под ред. С. Булгакова. СПб.: тип. и лит. В.А. Тиханова. С. 47–106.
- Вернадский И.В.* (1858). Проспект политической экономии. СПб.: тип. П.А. Кулиша.
- Винярский Л.* (1897). Математический метод в политической экономии // Научное обозрение. № 12. С. 1–24.
- Воронцов В.П.* (2008). Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель.
- Геглов Г.* (2005). Деды и внуки в большой науке // Вестник Международного института А. Богданова. № 4 (24). С. 100–112.
- Гловели Г.Д.* (2013). История экономических учений. М.: Юрайт.
- Гловели Г.Д.* (2014). Историзм и историческое направление в политической экономии // Историко-экономические исследования. Том 15. № 3. С. 468–512.
- Гловели Г.Д.* (2016). Транссиб и продолжение дискуссии о судьбах российского капитализма // Историко-экономические исследования. Том 17. № 3. С. 509–525.
- Дмитриев Вл.* (1908). Теория ценности (Обзор литературы на русском языке) // Критическое обозрение. Вып. II. С. 12–26.
- Железнов В.Е.* (1904). Главные направления в разработке теории заработной платы. Киев: товарищество И.Н. Кушнерев и К°.
- Железнов В.Е.* (1905). К реформе современной теоретической экономии. Киев: Кн. маг. С.И. Иванова и К°.

- Иванюков И.И. (1891). Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М.: Н.И. Мамонтов.
- Изгоев А. (1990). Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: МГУ. С. 151–173.
- Изгоев А. (2012). П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 80–112.
- Ингрэм Дж.К. (1897). История политической экономии. М: К.Т. Солдатенков.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев – Харьков: Южно-русское книгоиздательство.
- Лапто-Данилевский А.С. (2015). Записка об ученых трудах П.Б. Струве. Публикация А.В. Малинова // Вече. № 1 (27). С. 267–272.
- Левитский В.Ф. (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: тип. фирмы А. Дарре.
- Ленин В.И. (1969). Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Политиздат.
- Миклашевский А.Н. (1904). Обмен и экономическая политика. Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена.
- Миклашевский А.Н. (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена.
- Никитский А.И. (1893). История экономического быта Великого Новгорода. Предисл. С.А. Харизоменова. М.: Университетская тип.
- Первушин С.А. (1922). Очерки по теории массового потребления. Пг. / Приложение к журналу «Экономист».
- П.Н. (1914). Зомбарт // Новый энциклопедический словарь. Т. 18. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 810–812.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Рыкачёв А. (1900). Учение Бём-Баверка о доходе на капитал // Научное обозрение. № 4. С. 776–796.
- Рыкачев А. (1913). О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. № 10. С. 29–48.
- С-в [Соболев] М. (1897). Натуральное хозяйство // Энциклопедический словарь. Полутом 40. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С. 686–687.
- Соболев М.Н. (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь. Полутом 47. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 305–312.
- Соболев М.Н. (1900). Конкуренция как двигатель современной экономической жизни // Мир Божий. № 9. С. 1–22.
- Струве П. (1894а). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.
- Струве П. (1894б). Земледельческое государство // Энциклопедический словарь. Полутом 23. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 424–425.
- Струве П. (1895). Картели // Энциклопедический словарь. Полутом 28. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 610–616.
- Струве П. (1901). Предисловие // Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России / СПб.: Н. М. Глаголев. С. VII–XVI.
- Струве П. (1902). На разные темы. Сб. ст. (1893–1901). СПб.: тип. А.Е. Колпинского.
- Струве П. (1908). Об экономическом видении и предвидении // Русская мысль. Кн. X. Отд. 2. С. 149–159.
- Струве П. (1913). Хозяйство и цена. Тю И. М: Изд. В.П. Рябушинского.
- Струве П. (1914). Джозеф Чемберлен [некролог] // Русская мысль. Кн. VII. С. 15–16.
- Струве П. (1915а). МанDEVиль, Бернар // Новый энциклопедический словарь. Т. 25. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 591–592.
- Струве П. (1915б). Маркс, Карл // Новый энциклопедический словарь. Т. 25. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 760–769.
- Струве П. (1916). Хозяйство и цена. Т. II. М: Изд. В.П.Рябушинского.
- Струве П. (1917а). Проблема капитала в политической экономии, построенной на теории цены // Известия Российской Академии наук. // Сер. VI. № 16. С. 1401–1414.
- Струве П. (1917б). В чем революция и контрреволюция? // Русская мысль. Кн. XI–XII. С. 56–61.
- Струве П. (1918). Понятие и проблема торговой политики // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. № 18. С. 2117–2128.
- Струве П. (1921). Размышления о русской революции // Русская мысль. Кн. I и II. С. 6–37.
- Туган-Барановский М.И. (1913). Новый труд по экономической теории // Русское богатство. № 10. С.371–382.
- Уэст Дж. Л. (2000). Кружок Рябушинского : русские промышленники в поисках буржуазии [1909–1914] // Американская русистика : вехи историографии последних лет. Императорский период : антология. Самара: Самарск. ун-т. С. 299–329.
- Филиппов М.М. (1897). Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. № 4. С. 16–35.
- Филиппов М.М. (1900). Психология в политической экономии // Научное обозрение. № 11. С. 1997–2018.

- Чаплыгина И.Г. (2004). Взгляды К. Прибрама на историю экономической мысли // Историко-экономической альманах. Вып. 1. М.: Академический проект. С. 118–142.
- Штейн В.М. (1917). Давид Рикардо. К столетию выхода в свет его «Principles of Political Economy and Taxation» [1817–1917] // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. № 16. С. 1515–1529.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Fetter F. (1991). Present State of Economic Theory in the United States of America // Research in the History of Economic Thought and Methodology: Archival Supplement 2. P. 9–45.
- Gide, C. & Rist, C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- List F. (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Nenovsky, N., & Penchev, P. (2017). Between Carl Menger and Peter Struve: On the Russian liberal economics // History of Economic Ideas. Pisa · Roma, Fabrizio Serra editore. Vol. XXV. No. 3. P. 11–40.
- Pribram K. (1912). Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Hirschfeld, Leipzig.
- Pribram K. (1953). Patterns of Economic Reasoning. American Economic Review. Vol. 43. No. 2. P. 243–258.
- Pribram K. (1983). A History of Economic Reasoning, The Johns Hopkins University Press Ltd, Baltimore – London.
- Struve P. (1934). My Contacts and Conflicts with Lenin // The Slavonic and East European Review. Vol. 12. No. 36. P. 68–84.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University «Higher School of Economics», head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ggloveli@hse.ru

ECONOMIC THOUGHT OF VEKHISM BETWEEN «TWO CANONS»

Abstract. The article introduces the concept of Vekhism as a special current in Russian economic thought and deals with views of P. Struve as the central figure of this current. Struve's wording of main antithesis of formative motives for economic reasoning is investigated in details: nominalism-singularism versus realism-universalism. These motives are related with two canons of economic science: abstract individualistic main stream (classical school, marginalism) and the other canon, advocating more concrete approaches and an active state intervention in economic affairs. The connection of the historical and methodological research of Struve with the experience of self-determination of Russian political economy between the two canons is shown.

Keywords: economic methodology, classical political economy, historical school, marginalism, Russian legal marxism, vekhism, formative motives.

JEL Classification: A10, B11, B12, B13, B14, B15, B31, B49.

REFERENCES

- Ansberg O.N., Kovalev V.V. (2009). Andrey Mikhaylovich Rykachov // Ocherki po istorii finansovoy nauki. Sankt-Peterburgskiy universitet. M.: Prospekt. S. 329–349.
- Avtonomov V.S. (2013). Abstraktsiya – mat' poryadka? [Abstraction as a Mother of Order?] // Voprosy ekonomiki. № 4. S. 4–23.
- Bazarov V.A. (2000). Pionery marksizma [The Pioneers of Marxism] // Russkaya literatura XX veka (1890–1910). Kn. II. Pod red. S.A.Vengerova. M.: ITS «XXI vek – Soglasie». S. 291–310.
- Belykh A. (2012). P.A. Stolypin i yego pervyy biograf A. S. Izgoyev [P.A. Stolypin and His First Biographer A.S. Izgoyev] // Ekonomicheskaya politika. 2012. № 6. S. 113–136.
- Blaug M. (1994). Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic Theory in Retrospect]. M.: Delo.
- Bulgakov S.N. (1903). Ob ekonomicheskom ideale [On the Economic Ideal]. SPb: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za».
- Bulgakov S.N. (1914). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy. Lektsii, chitannyye v Moskovskom Kommercheskom Institute v 1912/1913 akad. g. CH. 2. [History of Economical Teachings. Lectures read at the Moscow Commercial Institute in 1912/1913 acad. y. Part 2.] M.: knizh. mag. «Vysshaya shkola».
- Byukher K. (1897). Istoricheskoye razvitiye i klassifikatsiya form promyshlennosti [Historical Development and Classification of Forms of Industry] // Istoriya truda v svyazi s istoriyey nekotorykh form promyshlennosti / pod red. S. Bulgakova. SPb. S. 47–106.

- Chaplygina I.G.* (2004). Vzglyady K. Pribrama na istoriyu ekonomicheskoy mysli [K. Pribram's Views on the history of economic thought] // *Istoriko- ekonomicheskoy al'manakh* . Vyp. 1. M.: Akademicheskiiy proyekt. S. 118–142.
- Dmitriyev Vl.* (1908). Teoriya tsennosti (Obzor literatury na russkom yazyke) [Theory of Values (Review of Literature in Russian)] // *Kriticheskoye obozreniye*. Vyp. II. S. 12–26.
- Fetter F.* (1991). Present State of Economic Theory in the United States of America // *Research in the History of Economic Thought and Methodology: Archival Supplement* 2. P. 9–45.
- Filippov M.M.* (1897). Sotsiologicheskoye ucheniye Karla Marksa [Karl Marx's Sociological Doctrine] // *Nauchnoye obozreniye*. № 4. S. 16–35.
- Filippov M.M.* (1900). Psikhologiya v politicheskoy ekonomii [Psychology in Political Economy] // *Nauchnoye obozreniye*. No. 11. S. 1997–2018.
- Geglov G.* (2005). Dedy i vnuki v bol'shoy nauke [Grandparents and Grandchildren in Large Science] // *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova*. № 4 (24). S. 100–112.
- Gide C. & Rist C.* (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Gloveli G.D.* (2013). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of Economical Teachings]. M.: Yurait.
- Gloveli G.D.* (2014). Istorizm i istoricheskoye napravleniye v politicheskoy ekonomii [Historicism and Historical Direction in Political Economy] // *Istoriko-ekonomicheskoye issledovaniya*. T. 15. No. 3. S. 468–512.
- Gloveli G.D.* (2016). Transsib i prodolzheniye diskussii o sud'bach rossiyanskogo kapitalizma [Transsib and the Continuation of the Discussion about the Fate of Russian Capitalism] // *Istoriko-ekonomicheskoye issledovaniya*. T. 17. No. 3. S. 509–525.
- Ingram Dzh.K.* (1897). Istoriya politicheskoy ekonomii [A History of Political Economy]. M: K.T. Soldatenkov.
- Ivanyukov I.I.* (1891). Politicheskaya ekonomiya kak ucheniye o protsesse razvitiya khozyaystvennykh yavleniy [Political Economy As a Doctrine of the Process of Development of Economic Phenomena]. 3-ye izd. M.: N.I. Mamontov.
- Izgojev A.* (1990). Sotsializm, kul'tura i bol'shevizm [Socialism, the Culture and Bol'shevism] // *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii*. M.: MGU. S. 151–173.
- Izgojev A.* (2012). P.A. Stolypin: ocherk zhizni i deyatelnosti [P.A. Stolypin. Essay on life and work] // *Ekonomicheskaya politika*. No. 6. P. S. 80–112.
- Kossa L.* (1900). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of Economical Teachings]. Kiyev – Khar'kov: Yuzhno-russkoye knigoizdatel'stvo.
- Lappo-Danilevskiy A.S.* (2015). Zapiska ob uchenykh trudakh P.B. Struve. Publikatsiya A.V. Malinova [A Note on the Scientific Works of P.B. Struve. The publication of A.V. Malinov] // *Veche*. No. 1 (27). S. 267–272.
- Lenin V.I.* (1969). Filosofskiy tetradi [Philosophical Notebooks] // *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.* T. 29. M.: Politizdat.
- Levitskiy V.F.* (1914). Istoriya politicheskoy ekonomii v svyazi s istoriyey khozyaystvennogo byta [A History of Political Economy in connection with the History of Economic Life]. Khar'kov: tip. firmy A. Darre.
- List F.* (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Miklashevskiy A.N.* (1904). Obmen i ekonomicheskaya politika [An Exchange and Economic Policy]. Yur'yev-Derpt. Tip. K. Matisena.
- Miklashevskiy A.N.* (1909). Istoriya politicheskoy ekonomii. Filosofskiy, istoricheskoye i teoreticheskoye nachala ekonomii XIX veka [A History of Political Economy]. Yur'yev-Derpt. Tip. K. Matisena.
- Nenovskiy N. & Penchev P.* (2017). Between Carl Menger and Peter Struve: On the Russian liberal economics // *History of Economic Ideas*. Pisa Roma, Fabrizio Serra editore. Vol. XXV. No. 3. P. 11–40.
- Nikitskiy A.I.* (1893). Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [A History of the Economic Life of Great Novgorod]. Predisl. S.A. Kharizomenova. M.: Universitetskaya tip.
- P.N.* (1914). Zombart // *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'*. [Zombart. The New Encyclopedic Dictionary] Tom 18. SPb. : F. A. Brokgauz, I. A. Yefron. Stb. 810–812.
- Pervushin S.A.* (1922). Ocherki po teorii massovogo potrebleniya [Essays on the Theory of Mass Consumption]. Pg.: Supplement to the magazine "The Economist".
- Pribram K.* (1912). Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Hirschfeld, Leipzig.
- Pribram K.* (1953). Patterns of Economic Reasoning. *American Economic Review*. Vol. 43. No. 2. P. 243–258.
- Pribram K.* (1983). A History of Economic Reasoning, The Johns Hopkins University Press Ltd, Baltimore – London.
- Raynert E.* (2011). Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. M.: ID GU-VSHE.
- Rykachov A.* (1900). Ucheniye Bom-Baverka o dokhode na kapital [Böhm-Bawerk's Teaching of on Return on Capital] // *Nauchnoye obozreniye*. No. 4. S. 776–796.
- Rykachov A.* (1913). O nekotorykh nashikh predubezhdeniyakh [About Some of Our Prejudices] // *Russkaya mysl'*. Kn X. S. 29–48.
- Shteyn V.M.* (1917). David Rikardo. K stoletiyu vykhoda v svet yego «Principles of Political Economy and Taxation» (1817–1917) [David Ricardo. By the Centenary of the Publication of His "Principles of Political Economy and Taxation" (1817–1917)] // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk*. Ser. VI. № 16. S. 1515–1529.

- Schumpeter Y.A.* (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza. Tom 3* [History of Economic Analysis. Volume 3]. SPb.: «*Ekonomicheskaya shkola*».
- S-v [Sobolev] M.* (1897) *Natural'noye khozyaystvo* [Natural Economy] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 40.* SPb.: F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. S. 686–687.
- Sobolev M.N.* (1898). *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 47.* SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. S. 305–312.
- Sobolev M.N.* (1900). *Konkurentsia kak dvigatel' sovremennoy ekonomicheskoy zhizni* [Competition as the Driver of Modern Economic Life] // *Mir Bozhiy. Kn. IX.* S. 1–22.
- Struve P.* (1894a). *Zemledel'cheskoye gosudarstvo* [The Agricultural State] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 23.* SPb. : F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. S. 424–425.
- Struve P.* (1894b). *Kriticheskiye zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitii Rossii* [The Critical Notes on a Question about Economic Development of Russia]. Vyp. 1. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova.
- Struve P.* (1895). *Karteli* [The Cartels] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 28.* SPb. : F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. S. 610–616.
- Struve P.* (1901). *Predisloviye* [Preface] // *Shul'tse-Gvernits G. Ocherki obshchestvennogo khozyaystva i ekonomicheskoy politiki Rossii / SPb. : N.M. Glagolev. S. VII–XVI.*
- Struve P.* (1902). *Na raznyye temy. Sb. st. (1893–1901)* [On Different Topics. Digest of Articles (1893–1901)]. SPb.: tip. A.Ye. Kolpinskogo.
- Struve P.* (1908). *Ob ekonomicheskom videnii i predvidenii* [On Economic Vision and Foresight] // *Russkaya mysl'. Kn. X.* S. 149–159.
- Struve P.* (1913). *Khozyaystvo i tsena. Tom I* [Economy and Price. Vol. 1]. M: Izd. V.P.Ryabushinskogo.
- Struve P.* (1914). *Dzh. Chamberlen (nekrolog)* [J. Chamberlain (obituary)] // *Russkaya mysl'. Kn. VII.* S. 15–16.
- Struve P.* (1915a). *Mandevil, Bernar* [Mandevile, Bernard] // *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. Tom 25.* SPb.: F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. Stb. 591–592.
- Struve P.* (1915b). *Marks, Karl* [Marx, Karl] // *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. Tom 25.* SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Stb. 760–769.
- Struve P.* (1916). *Khozyaystvo i tsena. Tom II* [Economy and Price. Vol. II]. M: Izd. V.P. Ryabushinskogo.
- Struve P.* (1917a). *Problema kapitala v politicheskoy ekonomii, postroyennoy na teorii tseny* [The Problem of Capital in the Political Economy, Built on the Theory of Price] // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. // Ser. VI. No. 14, 16.* S. 1401–1414.
- Struve P.* (1917b). *V chem revolyutsiya i kontrrevolyutsiya?* [What is revolution and counter-revolution?] // *Russkaya mysl'. Kn. XI–XII.* S. 56–61.
- Struve P.* (1918). *Ponyatiye i problema torgovoy politiki* [The Concept and The Problem of trade Policy] // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Ser. VI. No. 18.* S. 2117–2128.
- Struve P.* (1921). *Razmyshleniya o russkoy revolyutsii* [Reflections on the Russian revolution] // *Russkaya mysl'. Kn. I i II.* S. 6–37.
- Struve P.* (1934). *My Contacts and Conflicts with Lenin. I* // *The Slavonic and East European Review. Vol. 12. No. 36.*
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1913). *Novyy trud po ekonomicheskoy teorii* [New Work on Economic Theory] // *Russkoye bogatstvo. No. 10.* S. 371–382.
- Uest Dzh. L.* (2000). *Kruzhok Ryabushinskogo : russkiye promyshlenniki v poiskakh burzhuazii (1909–1914)* [Riabushinskii Circle: Russian Industrialists in Search of the Bourgeoisie (1909–1914)] // *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya: Samara: Samarsk. un-t.* S. 299–329.
- Vernadskiy I.V.* (1858). *Prospekt politicheskoy ekonomii* [A Prospectus of Political Economy]. SPb.: tip. P.A. Kulisha.
- Vinyarskiy L.* (1897). *Matematicheskiy metod v politicheskoy ekonomii* [Mathematical Method in Political Economy] // *Nauchnoye obozreniye. № 12.* S. 1–24.
- Vorontsov V.P.* (2008). *Ekonomika i kapitalizm. Izbrannyye sochineniya* [Economics and Capitalism. Selected works]. M.: Astrel.
- Zheleznov V.Ye.* [1904]. *Glavnyye napravleniya v razrabotke teorii zarabotnoy platy* [The Main Currencies in Working up Wages Theory]. Kiyev: tovarishchestvo I.N. Kushnerev i K°.
- Zheleznov V.Ye.* [1905]. *K reforme sovremennoy teoreticheskoy ekonomii* [Towards the Reform of Modern Theoretical Economy]. Kiyev: Kn. mag. S.I. Ivanova i K°.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.Г. Павленко

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН, Москва

ТРАДИЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируется кризисное состояние современного государства и экономики в контексте попыток демонтажа социального государства, в рамках процесса либерализации экономики. Кризисные явления в экономике вынуждают заняться поиском альтернативных путей развития как экономики, так и общества в целом. Отмечается наличие ценностного кризиса, который выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма, и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики.

Рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся исторической практики либерализма, противоречия традиционного либерализма в рамках дихотомии свободы и демократии.

Отмечается такое относительно новое явление в мировой экономике, когда снижение темпов экономического роста сопровождается ростом социального неравенства, что противоречит каноническим представлениям о соотношении данных показателей, распространенным в среде представителей экономического мейнстрима.

Анализируется такое широко распространенное явление, как бюрократизм, в качестве одного из проявлений системного кризиса. Показывается негативная роль проявлений бюрократизма в инновационном развитии и, в частности, в развитии научной сферы. Рассматриваются некоторые механизмы и методы «бюрократического продвижения» в научной сфере.

Критически анализируется доктрина минимального государства в ее противопоставлении с концепцией государства всеобщего благосостояния. В работе предлагается более сбалансированный взгляд на практику «реального социализма» и использования некоторых достижений этой модели в построении конвергентной социальной модели, использующей как достижения государства всеобщего благосостояния, так и «модели «реального социализма».

Ключевые слова: *социальное государство, конвергенция, бюрократия, либерализм, модель.*

Классификация JEL: B25, I3, O35, O38, O43, P30.

Понятие «традиционная ориентация» в данной статье не имеет отношения ни к физиологии, ни к психологии. Речь идет о направлении движения социума, траектории социально-экономического развития в рамках традиции социального государства, традиции, сформировавшейся начиная со второй половины XX в. в форме государства всеобщего благосостояния (welfare state) на Западе и в практике так называемого «реального социализма» – на Востоке. В экономическом аспекте речь идет о процессах социализации экономики, при которой экономический механизм, рынок подчиняются реализации социальных целей. Идеология и практика социального государства получила широкую поддержку у населения, что нашло свое отражение в конституциях многих стран, включая Россию.

Начиная с 70-х годов прошлого века в мире предпринимаются попытки демонтажа социального государства в рамках процесса либерализации экономики. В последние годы данный процесс все чаще сопровождается не только кризисными явлениями в экономике, но и глубоким кризисом, носящим системный характер, что вынуждает искать альтернативные пути развития как экономики, так и общества в целом. В работе делается попытка

обосновать необходимость возврата к ставшей уже традиционной социальной ориентации государства, разумеется, в новых формах, учитывающих как положительный, так и отрицательный опыт его существования на Западе и на Востоке. Такое обоснование, как нам представляется, можно начать с критики либеральной социально-экономической модели, затем представить основные черты альтернативной модернизированной модели социального государства, и, наконец, обозначить некоторые направления и механизмы перехода на траекторию социальной ориентации государства.

Следует отметить, что проблемы, стоящие перед современным государством в рамках либеральной модели экономики, обострились в ходе мирового экономического кризиса 2008-2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с Кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансовой специализации и всемерного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный, в первую очередь, обслуживать реальное производство, оторвался от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной возникла иная, виртуальная экономика, которая не только лишь частично работает на реальную экономику, но и вступает с ней в отношения конкуренции и доминирования. Описанная ситуация не могла не вызвать череды кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемом периоде. Некоторые специалисты указывают также на наличие назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связывают его со сменой глубинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы, при всей их значимости, отступают на второй план по сравнению с нематериальными [Галкин, 2010. С. 35].

Представляется, что ценностный кризис выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики. Это, во-первых, сфера идеологии, где господствует потребительство и гедонизм, архаичные формы потребления, не соответствующие современным условиям и вызовам развития; во-вторых, сфера политики, где, в рамках так называемого «общества спектакля», на первое место выступают пиар и видимость, а вместо реагирования на долгосрочные вызовы все внимание акцентируется на решении текущих, зачастую конъюнктурных задач; наконец, сфера культуры и науки, которые воспринимаются «обществом спектакля» как «не эффективные», финансируемые по остаточному принципу, а занятые в них работники не пользуются должным престижем в глазах общества [Дебор, 2000].

По мнению немецкого социолога Р. Курца, вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство сегодня, связаны с особенностями периода позднего капитализма, или, пользуясь социально-культурной терминологией, с эпохой постмодерна. Современная ситуация, по его мнению, заключается в том, что при позднем капитализме оказалась утраченной способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле с помощью индустриализации и капиталовложений как это было в предыдущий период. Капитализм сталкивается, с одной стороны, с головокружительными денежными спекуляциями, а с другой – с новыми формами «обнищания» в виде структурной безработицы и обречения большей части экономик «третьего мира» на вечную непроизводительность. Если дело обстоит именно так, то необходима другая стратегия, отличная от той, которая строилась на оптимистической оценке состояния и возможностей индустриального капитализма периода модерна [Джеймисон, 2005. С. 214]. Сегодня различные формы «обнищания»

затрагивают уже не только граждан стран третьего мира, и, соответственно, актуальность новой стратегии развития только возросла.

Политика экономической либерализации вербально в своем идеологическом обосновании и оправдании опирается на понятие «свободы». Однако со свободой в теории и практике либерализма, во всяком случае в его англо-саксонском варианте, не все так просто. В своей книге «Либерализм: контристория» (*Liberalism: A Counter-History*) итальянский историк Доменико Лосурдо, которого цитирует известный французский философ Люсьен Сэв (Lucien Sève), отмечает, что либеральная мысль никогда не была универсальной. Свободы, которых она требует для отдельных личностей, совершенно не обязательно должны быть свободами для всех, но лишь для немногих избранных. По мнению Лосурдо, речь идет о самой сути либерализма, о непосредственном антропологическом аристократизме с чертами сегрегации и дегуманизации в отношении «остальных» не избранных. Либерализм и демократия, заключает Лосурдо, никогда не были синонимами. Так известный демократ (либерал) Гюстав де Бомон (Gustave de Beaumont), сопровождавший Алексиса Токвиля в путешествии по Америке, писал об ирландцах, что «религиозные притеснения в отношении них превышали человеческое воображение». Политическая эмансипация буржуазии послужила сигналом к усилению гнета и эксплуатации не только колониальных народов, но также и английского крестьянства, а затем и городского пролетариата, третированного в работных домах и приютах [Sève, 2013. S. 10–11].

Постулат исключительности, содержащийся в идеологии либерализма, очевидно, оказывает свое влияние и на современное западное общество. Его проявлением и закономерным следствием может служить отмечаемое распространение и усиление социального неравенства даже в наиболее развитых странах. Так профессор экономики из Сорбонны Костас Вергуполос (Kostas Vergopoulos) ссылается на бывшего министра труда в администрации Б. Клинтона Роберта Рейха (Robert Reich), который указывает на обострение неравенства в США. По данным Р. Рейха, в 1978 г. средняя зарплата в год в США составляла 48 тыс. долл., а в 2013 г., в постоянных ценах, с учетом инфляции она составила 34 тыс. долл. В то же время, по словам Рейха, 400 богатейших американцев имеют столько же сколько 150 млн американцев. К. Вергуполос вполне резонно заключает, что расходы 400 человек никогда не будут равны расходам 150 млн американцев и чем больше доходы концентрируются наверху, тем больше расходы государства сокращаются в пользу сбережений и финансовой эмансипации за счет инвестиций и рабочих мест. В ситуации, когда доходы самых богатых растут не за счет роста производства, но за счет получения все большей части прибавочной стоимости, темпы экономического роста снижаются, а система «надкусывает» условия своего воспроизводства. К. Вергуполос задает риторический вопрос, требующий, как нам представляется, отдельного рассмотрения: почему игнорируется наличие причинно-следственной связи между снижением доходов большинства населения и сокращением темпов роста экономики [Vergopoulos, 2014. S. 7]?

В этой связи вспоминаются рассуждения Т. Веблена более чем столетней давности. В своей знаменитой книге, вышедшей еще в конце XIX в., Т. Веблен исследует феномен «праздного класса», слоя богатых граждан, не нуждающихся в зарабатывании на жизнь и при этом ведущих особый образ жизни. Веблен показывает, что чрезмерное неравенство в положении праздного класса и масс трудящихся парадоксальным образом служит тормозом развитию. С одной стороны, праздный класс находится в выгодном положении, не испытывая на себе давления экономических потребностей, выдвигаемых борьбой за средства существования. Следствием чего является его равнодушие к требованиям развития и реорганизации институтов, которые хоть и выдвигаются меняющейся экономической ситуацией, но не касаются представителей привилегированного класса. И потому праздный класс – это консервативный класс. С другой стороны, люди бедные, те, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, консервативны потому, что не могут

позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне [Веблен, 1984. С. 204–207]. Институт праздного класса и связанная с ним поляризация общества, как показывает Т. Веблен, сдерживают развитие последнего, способствуют консервации существующих социальных институтов. Таким образом, поляризация общества, с точки зрения распределения доходов его членов, служит мощным антистимулом развития.

Современная, так называемая либеральная модель экономики негативным образом сказывается и на инновационном развитии и, в частности, на развитии науки. Немаловажную роль здесь играет такое всем знакомое явление, как бюрократизм. Крупнейший специалист в данном вопросе, и можно сказать основоположник теории бюрократии, М. Вебер в своей работе *Wissenschaft als Beruf* (в русском переводе «Наука как призвание и профессия») подчеркивает, что капитализм и связанная с ним бюрократизация все новых сфер общества серьезно отражается на науке как социальном институте. Университеты превращаются в типичные государственно-частные предприятия. Отделение работника от средств производства, которое М. Вебер, вслед за К. Марксом, рассматривает в качестве одной из наиболее характерных черт капитализма, в научных организациях приобретает форму отделения исследователей от средств проведения исследований. Это, по мнению М. Вебера, негативно сказывается как на положении работников, так же как и на механизмах их отбора в организации. Углубляется личная зависимость ученых от вышестоящих лиц в академической иерархии, которая выступает уже не только в качестве иерархии знаний, но и в качестве административной иерархии, с правом применения соответствующих санкций. По словам М. Вебера, бюрократизация ведет к тому, что научные способности и достижения перестают иметь определяющее значение в академической карьере, а посредственные умы (*Mittelmassigkeiten*) начинают играть все более важную роль в жизни университетов и в академической науке [Kozyr-Kowalski, 1967. S. 33–34].

В своем главном труде «Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии» М. Вебер сформулировал основные черты бюрократического порядка, относящиеся к функциям чиновников. Такой порядок, по словам М. Вебера, в равной степени применим к частнокапиталистическим, благотворительным, или к любым другим частным, преследующим идеальные или материальные цели организациям, а также к политическим и иерократическим союзам. Чиновники, согласно М. Веберу:

- 1) лично свободны и подчиняются только в пределах служебных обязанностей;
- 2) состоят в отношениях жесткой служебной иерархии;
- 3) обладают четко определенными служебными компетенциями;
- 4) служат по контракту;
- 5) не избираются, а назначаются; отбор происходит (в случае максимальной рациональности процесса) по критерию профессиональной квалификации, которая должна быть подтверждена экзаменом и удостоверена дипломом;
- 6) имеют постоянное денежное содержание в большинстве случаев с правом на пенсию; однако при определенных условиях (особенно на частных предприятиях) контракт может быть расторгнут со стороны нанимателя, сами чиновники всегда могут подать в отставку; размер содержания определяется прежде всего иерархическим рангом, а также ответственностью позиции;
- 7) считают свою службу единственной или главной профессией;
- 8) усматривают для себя возможность карьеры (продвижения) в зависимости от срока службы или успехов в работе либо того и другого вместе, а также от суждения начальства;
- 9) работают на условиях полного отделения от средств управления и без апроприации служебного места;
- 10) подчиняются строгой единообразной служебной дисциплине и контролю [Вебер, 2016. С. 259].

Один их крупнейших специалистов по изучению трудов М. Вебера польский социолог С. Козыр-Ковальский предпринял интересную попытку проанализировать и сопоставить положения М. Вебера, содержащиеся в его критике современной ему академической науки с некоторыми аспектами его же теории бюрократии. С. Козыр-Ковальский отмечает высокую степень сходства между структурой бюрократической организации по М. Веберу и структурами научно-исследовательских и образовательных организаций, проецируя это сходство и на современные организации науки. Польский ученый приходит к выводу, что организационная структура научных организаций, социальное положение исследователей создают возможности для такого стиля восприятия науки и научной практики, который может быть весьма полезен в продвижении по ступенькам академической иерархии с точки зрения академической карьеры, но мало полезен и даже может быть вреден для развития самой науки и социальной практики. В своем анализе С. Козыр-Ковальский вводит термин «методы бюрократического продвижения», включающие в себя следующие выявленные им «методы»:

1) псевдо-эрудиция: практика помещения в сносках, библиографиях, работы, которые исследователь не только не читал, но часто даже не держал в руках; присвоение чужих взглядов и даже их критика на основе информации из вторых рук; 2) паразитизм: скрытое присвоение чужих результатов исследований; 3) ученость: прикрытие эрудицией отсутствием собственных идей или результатов исследований; 4) культ авторитетов: преклонение перед авторитетами как следствие собственной узкой специализации; 5) исследовательский минимализм: уклонение от проблем, требующих большого объема исследований или широкой гуманитарной культуры; 6) «арифметическая» или «демократическая» теории истины: принятие или отклонение той или иной точки зрения, теории, полагаясь на мнение большинства исследователей; 7) фетиш современности: явление, которое обнаружил П. Сорокин у молодых американских социологов, состоящее в том, что, по их мнению, за последние столетия в области социологических исследований не было сделано никаких существенных открытий [Kozyr-Kowalski, 1967. S. 35].

Анализируя поведение корпоративной бюрократии, проявления бюрократизма в «реальном» секторе экономики Дж. К. Гэлбрейт отмечал, что, как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено [Гэлбрейт, 2009. С. 40]. По его словам, необходимо признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает предпосылки для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание [Там же. С. 74].

Бюрократическая практика, отдающая предпочтение видимости вместо дела, проявляющаяся в различных сферах общества и экономики, включая научную деятельность, находит свое проявление в условиях современного государства эпохи постмодерна, которую З. Бауман определяет как «текущую современность». В условиях «текущей современности» государство, по мнению З. Баумана, отказывается от внедрения в жизнь проектов «совершенного общества», а также от некоторых других своих прежних функций в пользу хаотичных «слепых» сил свободной конкуренции [Бауман, 2008]. З. Бауман уточняет, что сначала речь шла об уступках со стороны государства в пользу рыночных механизмов, затем тенденция отказа государства от руководящих прерогатив распространилась на все стороны общественной жизни. (Bauman Z., Tester K. O pożytkach z wątpliwości. W-wa, 2003. S. 98). Следует отметить, что такая интерпретация поведения современного государства широко распространена среди представителей (назовем их так) «критического мейн-

стрима» в социологии и политэкономии. Однако ситуация представляется не такой простой. Убедительней выглядит точка зрения польского социолога Д. Столля (D. Stoll), который в отличие от своего старшего коллеги З. Баумана, полагает, что государство попросту изменило правила игры, однако не столько в пользу автономно функционирующего «свободного рынка», сколько в пользу социально-экономической системы в целом. По мнению Д. Столля, сегодня она функционирует иначе, но иначе в интересах правящих элит. Если раньше государство функционировало, опираясь на положения доктрины государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), то сегодня это доктрина «минимального государства» (*minimal state*) для граждан в целом, но при надежной и приоритетной защищенности интересов элит [Stoll, 2017. S. 114].

В рамках доктрины «минимального государства» меняется отношение государства к гражданам. С точки зрения предоставления услуг государство начинает трактовать своих граждан не как членов интегрированного сообщества, но как индивидуальных клиентов, потребителей услуг. Исчезает понятие коллективной ответственности за судьбу каждого члена сообщества. Ее замещает индивидуальная ответственность [Tasik, 2012. S. 112]. Такому подходу соответствует приватизация сферы социальных услуг и их подчиненность «правилам рынка». Такое отношение к сфере услуг, по мнению Д. Столля, мотивируется и чисто политическими соображениями. Тем самым подготавливается поле для определенной модели функционирования экономики, вписывающейся в культуру потребительства. Последняя представляется адекватной потребностям современных элит и капитала. С точки зрения тех, кто управляет обществом, ее, культуры потребительства, наиболее полезным качеством являются атомизация и индивидуализация общества [Stoll, 2017. S. 124].

В противоположность атомизации и индивидуализации общества альтернативная модель развития должна строиться на распространении в общественной и хозяйственной практике принципов солидарности, равенства и справедливости. В рамках современного, обновленного социального государства, как нам представляется, можно бы вернуться к идее конвергенции двух систем. В данном случае речь может идти об объединении наиболее эффективных, проверенных практикой элементов социал-демократической модели и модели «реального социализма». И здесь уместно будет привести некоторые оценки реалий «реального социализма», а также известных событий в России двухсотлетней давности. Для этого предлагается ознакомиться с высказываниями некоторых западных ученых-обществоведов.

Во-первых, что касается «реального социализма». Говоря о «реальном социализме», Люсьен Сэв отмечал, что глядя на способ, каким часто критикуют развитие социалистических стран и временные (текущие) их результаты, можно оценить степень упорного непонимания исторического материализма, которое привело к тому, что вынужденные первоначальные действия рассматриваются в качестве реализации принципиальных положений (исповедуемых принципов). Отсюда вытекает непонимание того чрезвычайно обременительного, неудобного обстоятельства, что реальный социализм очень далек от того, «каким он должен быть» [Sève, 1998. S. 269]. На принципиальную неоднозначность ситуации с «реальным социализмом» обращает внимание современный польский социолог Ежи Кохан (Jerzy Kochan). Описываемую Л. Сэвом ситуацию, он интерпретирует таким образом, что социалистическая революция – это не просто следствие развития производительных сил, уровня обобществления труда или развития капитализма в целом. Всякая революция, конечно, обусловлена развитием перечисленных факторов. Однако в реальности они накладываются тем или иным способом на конкретную классовую структуру, систему экономических интересов и на их отражение в реальной политике. Как показала историческая практика, «реальный социализм» не развивается по эволюционной прямой. Однако в реальной практике это происходит далеко не просто по эволюционной прямой [Kochan, 2014].

Во-вторых, о событии столетней давности. Заслуживает внимание оценка одного из современников событий тех давних лет, тоже французского философа Жоржа Сореля. Размышляя о степени «вынужденности» действий в ходе Октябрьской революции со стороны большевиков, Сорель пишет: «Когда придет время судить о современных событиях с исторической беспристрастностью станет заметно, что большевизм обязан значительной частью своей силы тому факту, что массы видят в нем бунт против олигархии, у которой главная забота – как бы не выглядеть русскими... Россия терпеливо переносит большие страдания, потому что чувствует, что ею наконец правит подлинный москвит» [Сорель, 2013. С. 275]. И последняя цитата, на сей раз немецкого экономиста и философа К. Маркса, написавшего, что Россия может «не испытывая мук капиталистического строя завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [Маркс, 1961. С. 119]. Как видим, и отношение к «реальному социализму», и отношение к событию, послужившему толчком к его созданию, скорее всего, нуждается в максимально сбалансированной оценке и признании постулата сложности и противоречивости эволюционного развития социально-экономических систем. Последнее обстоятельство направляет нас к тому, чтобы в понимании процессов, а также в формировании эффективных концепций развития избегать стереотипных и банальных представлений и решений.

Вернемся к конвергенции. Преимущество первой (социал-демократической модели) социального государства заключалось в ее способности обеспечить высокий уровень массового потребления граждан. Преимущество второй (модели «реального социализма») – в наличии эффективных механизмов мобилизации ресурсов догоняющего, а в некоторых сферах и опережающего развития. К таким механизмам можно отнести механизмы стратегического планирования и прогнозирования. В предлагаемой конвергентной модели можно было бы избежать перегибов безудержного потребительства, с одной стороны, и жесткого «мобилизаторства» и аскетизма – с другой. В основе такой модели должны лежать: во-первых, креативно – инновационная экономика, ориентированная на приоритетное развитие человеческого потенциала, в качестве экономического базиса развития; и, во-вторых, обновленное социальное государство, ориентирующее граждан не на потребление, а на творчество, солидарность и справедливость.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. Спб.: Питер.
- Вебер. М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* в 4 т. М.: ГУ ВШЭ. Т. I. Социология.
- Веблен Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Галкин А.А. (2010). Социал-демократия у развилки // *Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления»*. М.: Ключ-С.
- Гэлбрейт Дж.К. (2009). *Экономика невинного обмана*. М.: Европа.
- Дебор Г. (2000). *Общество спектакля*. М.: Логос.
- Джеймисон Ф. (2005). Реально существующий марксизм // *Логос*. М.: №3. С. 208–246.
- Маркс К. (1961). Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Сорель Ж. (2013). *Размышления о насилии*. М.: Фаланстер.
- Bauman Z., Tester K. (2003). *O użytkach z wątpliwości*. W-wa.
- Kochan J. (2014). *Co to jest realny socjalizm?* http://www.socjalizmteraz.pl/pl/Artykuly/?id=567/Co_to_jest_realny_socjalizm.
- Kozyr-Kowalski S. (1967). *Max Weber a Karol Marks*. W-wa.
- Sève L. (2013). *Liberalizm ideologią rasy panów* // *Le Monde diplomatique* (edycja polska). Nr 6 (88) czerwiec. S. 10–11.
- Sève L. (1998). *Próba wprowadzenia do filozofii marksistowskiej*. W-wa. S. 269.
- Stoll D. (2017). *Płynna nowoczesność a neoliberalizm*. W-wa.
- Tacik P. (2012). *Socjologia Zygmunta Baumana*. W-wa.
- Vergopoulos K. (2014). *Nierówności społeczne zabijają gospodarkę* // *Le Monde diplomatique* (edycja polska) No. 6 (100) czerwiec. S. 7.

Павленко Юрий Григорьевич

yupavl83@mail.ru

Yuri Pavlenko

Doctor Habilitatus in Economics, Professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

yupavl83@mail.ru

TRADITIONAL ORIENTATION OF THE STATE: POLITICAL ECONOMY ASPECT

Abstract. The article analyzes the crisis condition of the modern state and economy in the context of attempts to dismantle the welfare state, as part of the process of liberalization of the economy. Crisis condition in the economy, forced to seek alternative ways of development of both the economy and society as a whole. The existence of a value crisis, which acts as an integral part of the systemic crisis of modern capitalism, and finds its manifestation in areas outside the economy itself, is noted. Some questions are considered concerning the historical practice of liberalism, the contradictions of traditional liberalism in the framework of the dichotomy of freedom and democracy. There is such a relatively new phenomenon in the global economy, when a slowdown in economic growth is accompanied by the growth of social inequality, which contradicts the canonical ideas about the ratio of these indicators, common among representatives of the economic mainstream. Such a widespread phenomenon as bureaucracy as one of the manifestations of a systemic crisis is analyzed. The negative role of bureaucratic manifestations in innovative development and, in particular, in the development of the scientific sphere is shown. Some mechanisms and methods of “bureaucratic advancement” in the scientific sphere are being considered. The doctrine of the minimal state is critically analyzed in its opposition to the concept of the welfare state. The paper proposes a more balanced view of the practice of “real socialism” and the use of some achievements of this model in building a convergent social model that uses both the achievements of the welfare state and the model of “real socialism”.

Keywords: *welfare state, convergence, bureaucracy, liberalism, model.*

JEL Classification: B25, I3, O35, O38, O43, P30.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008). *Tekuchaya-sovremennost*. [Flowing modernity]. Spb.: Piter.
- Bauman Z., Tester K. (2003). *O pożytkach z wątpliwości*. [On the benefits of doubt]. W-wa.
- Dzhejmison. F. (2005). *Realno sushchestvuyushchij marksizm* [Actually Existing Marxism] // *Logos-M*. № 3. S. 208–246.
- Galkin A.A. (2010). *Social-demokratiya u razvilki* // *Social-demokratiya v sovremennom mire -materialy mezhdunarodno nauchno-prakticheskoy konferencii: krizis evropej skoj social-demokratii-prichiny, formy proyavleniya, puti-preodoleniya*. [Social democracy at the fork // Social-Democracy in the modern world: Materials of the international scientific-practical conference “Crisis of European Social-Democracy: causes, forms of manifestation, ways to overcome”]. M.: Klyuch-S.
- Gebor G. (2000). *Obshchestvo spektaklya*. [Performance society]. M.: Logos.
- Gehlbreit Dzh.K. (2009). *Ehkonomika nevinного obmana*. [The economy of innocent cheating]. M.: Evropa.
- Kochan J. (2014). *Co to jest realny socjalizm?* [What is real socialism?]. http://www.socjalizmteraz.pl/pl/Artykuly/?id=567/Co_to_jest_realny_socjalizm
- Kozyr-Kowalski S. (1967) *Max Weber a Karol Marks*. [Max Weber and Karl Marks]. W-wa.
- Marks K. (1961) *Pismo v redakciyu „Otechestvennyh-zapisok”*. [Letter to the editors of “Notes of the Fatherland”]. Marks K. Engels F. *Soch*. 2-e izd. T. 19.
- Sève L. (1998). *Próba wprowadzenia do filozofii marksistowskiej*. [An Attempt to Introduce to Marxist Philosophy] W-wa.
- Sève L. (2013). *Liberalizm ideologią rasy panów*. [Liberalism is the ideology of the master race] // *Le Monde diplomatique* (edycja polska). Nr 6 (88) czerwiec. S. 10–11.
- Sorel. Zh. (2013). *Razmyshleniya o nasilii*. [Reflections on Violence]. M.: Falanster.
- Stoll D. (2017). *Płynna nowoczesność a neoliberalizm*. [Liquid Modernity and Neoliberalism]. W-wa.
- Tacik P. (2012). *Socjologia Zygmunta Baumana*. [Sociology of Zygmunt Bauman]. W-wa.
- Veber M. (2016). *Hozyajstvo i obshchestvo-ocherki ponimayushchej sociologii v 4 t*. [Economy and society: essays of understanding sociology in 4 vol.]. M.: GU-VSHE. T. 1. *Sociologiya*.
- Veblen T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa*. [Theory of the leisure class]. M.: Progress.
- Vergopoulos K. (2014). *Nierówności społeczne zabijają gospodarkę*. [Social inequalities kill the economy] // *Le Monde diplomatique* (edycja polska) Nr 6 (100) czerwiec. S. 7.

А.И. Волынский

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

М.С. Круглова

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

П.В. Рожков

ст. лаборант, Институт экономики РАН, Москва

А.А. Рубинштейн

к.э.н., Институт экономики РАН, Москва

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В РФ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА: НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИЗА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ БАЗЫ LAWSTREAM.RU¹

Аннотация. В статье представлены результаты исследования механизма принятия законодательных решений как инструмента институционального дизайна. Понятие институционального дизайна, используемое во многих англоязычных экономических исследованиях, российскими экономистами, напротив, употребляется реже. В широком смысле институциональный дизайн – это целенаправленное воздействие на институциональную среду, имеющее своей целью установление планируемых институциональных комбинаций. Проблема, цели и задачи институционального дизайна могут быть рассмотрены как часть теории реформ в ее институциональном аспекте. В российской литературе обнаруживается обширный пласт работ по теории институциональных реформ. Поиск стратегий реформ в итоге выходит за рамки экономического изучения проблемы, работающие в этом направлении исследователи обращаются к некоторым заимствуемым из политологии концепциям, в частности – теории гражданской культуры и ее влияния на общественные институты. В этой связи можно утверждать, что проблема институциональных реформ лишь на этапе выбора необходимых институциональных конфигураций является экономической, а вопрос выбора реформаторских стратегий и их реализации не может быть решен без учета факторов, лежащих в плоскости осмысления политологической науки и социологии. В представленной статье мы сосредоточились на исследовании одного из таких факторов – механизма принятия законодательных решений на примере изучения количественных показателей отечественной законодательной среды. По результатам был сделан вывод, согласно которому действующие в РФ принципы и механизмы принятия законодательных решений могут быть описаны как удобный механизм для реализации выбранных на уровне президента и исполнительной власти стратегий, однако указывается, что решающим фактором в данном случае является высокая скорость принятия законопроектов, вносимых в парламент президентом и правительством. Это можно трактовать и как свидетельство отсутствия широкой общественно-политической дискуссии вокруг законопроектов, что может способствовать снижению уровня доверия к проводимым реформам.

Ключевые слова: *институциональный дизайн, институционализм, законодательство РФ, государственная дума, мезоуровень.*

Классификация JEL: B52, B59, K10.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00207).

Понятие институционального дизайна широко распространено в англоязычной научной литературе, как в работах экономистов, так и в политологических исследованиях. О широком признании термина и соответствующих ему теоретических построений косвенно может свидетельствовать получение американским политэкономом Элинором Остром, автором знаменитых восьми принципов институционального дизайна, Нобелевской премии по экономике. Одной из возможных трактовок институционального дизайна может являться представление о нем как о целенаправленном воздействии реформаторских стратегий на институциональную среду. В этом смысле проблема моделирования необходимых институциональных конфигураций может быть рассмотрена в двух аспектах: экономическом, когда речь идет о выборе эффективных институтов, стимулирующих экономический рост, и политическом, когда необходимо искать ответы на вопрос о восприятии новых институциональных норм обществом. В области политического рассмотрения находится также и проблема механизмов реализации реформ, в том числе и такого, как создание соответствующей законодательной базы. Цель представленного исследования рассмотреть российскую законодательную систему с точки зрения восприятия ее как одного из механизмов реализации программ реформ. Исследование основано на анализе количественных данных базы проекта LAWSTREAM.RU². Пополняемая на основе двух открытых источников: официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и онлайн-версии справочной системы Консультант плюс база в настоящий момент охватывает период с 1994 по 2017 гг. и содержит в себе данные о законодательной активности различных институтов власти за указанный срок как общие количественные показатели для всех субъектов центральной власти, так и более детальные для Государственной Думы. В своем исследовании мы сосредоточились на группе показателей, раскрывающих законодательную активность трех субъектов власти, обладающих правами законодательной инициативы: президента, правительства и депутатов Государственной Думы по таким параметрам, как процент принятых новых законов по инициаторам внесения, сфера законодательного регулирования по инициаторам и скорость прохождения законопроектов по инициаторам внесения через Государственную Думу. Анализ указанных групп данных позволил сделать выводы о том, насколько потенциально «удобным» инструментом является российская законодательная система с точки зрения реализации на стадии нормотворчества инициатив по реализации реформ.

В первой части исследования мы рассмотрели основные трактовки институционального дизайна в англо- и русскоязычной экономической литературе. Во второй части было обращено внимание на описание принципов институционального дизайна российской системы власти в работах российских политологов. Третья часть содержит изложение полученных в результате анализа количественных данных выводов.

1. Институциональный дизайн: к трактовке понятия

Англоязычные исследования институционального дизайна условно можно поделить на два магистральных направления. С одной стороны, это работы Элинора Острома и ее последователей, ученых из числа членов т.н. Блумингтонской школы, и ее знаменитые восемь принципов институционального дизайна, сводимые к постулату о возможной многовариантности институциональных форм и необходимости учета интересов всех вовлеченных сторон, с другой стороны, это обширный пласт работ, рассматривающих институциональный дизайн исключительно в контексте теории реформ и насаждения желаемых институтов и правил в среду реформируемого объекта.

² inecon.org/publikaczii/monitoring-zakonodatelstva-rf.html.

Концепция Элино́р Остро́м выросла из результатов проведенных ею полевых исследований в странах Африки и деревнях западного Непала. Она изучила то, как общества выработали различные институциональные механизмы для управления природными ресурсами. Сделанный ею вывод был отчасти парадоксален. Указав на возможность для сообществ выработки оптимальных механизмов распределения в условиях ограниченных ресурсов, она отвергла всякую возможность обретения универсальной институциональной панацеи, подходящей для любого типа сообществ [Ostrom, 2009]. Вместе с тем «Остром продемонстрировала, что во многих случаях обычным людям, не имеющим никакой специальной подготовки, а зачастую вовсе неграмотным, гораздо лучше удаётся справляться с различными социальными дилеммами, чем экспертам и политикам» [Капелюшников, 2010. С. 39]. Работы Остром позволили обратить внимание на ситуацию, когда вмешательство чиновников в реформируемую среду наносит прямой вред системе, в том числе и в силу игнорирования ими устоявшихся неформальных норм поведения и принципов распределения [Aligica, Boettke, 2009. P. 152]. Внимание к неформальным, но устойчивым нормам легло в основу сформулированных Остром восьми принципов институционального дизайна, ключевым моментом которых является учет интересов всех заинтересованных в процессе сторон и необходимость установления общедоступных и понятных принципов распределения и наложения санкций³.

Другим направлением является рассмотрение институционального дизайна как «преднамеренной попытки изменения свода формальных и неформальных правил» [Klijn, Korpenjan, 2006. P. 149]. Если для Остром объектом воздействия является сфера пересечения нисходящих потоков формальных правил и восходящих процессов конституирования неформальных правил, то в данном случае речь идет, скорее, о процессах имплементации формальных, спускаемых «сверху», правил в среду. Вышедшей из такого подхода теорией можно считать концепцию *second-best institutions* [Coram, 1996; Rodrik, 2008], более известную в русскоязычной литературе как теория промежуточных институтов. Предполагается, что промежуточные институты применяются тогда, когда все правила или условия, необходимые для функционирования целевых (*first-best*) институтов, отсутствуют в текущих условиях. Целевые институты в данном случае понимаются как эталонные, а промежуточные мыслятся как часть длительной стратегии институциональных преобразований, позволяющей создать со временем необходимые для целевых институтов условия.

Теория *second-best institutions* оказалась хорошо воспринята российскими экономистами, преимущественно избегающими как термина институциональный дизайн, так и отсылок к исследованиям Элино́р Остро́м. Ее распространение в российском научном и общественном дискурсах стоит связать с именем академика В.М. Полтеровича. В его описании суть стратегии промежуточных институтов – «в создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т. е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым» [Полтерович, 2007. С. 11]. Концепция открывает путь к учету культурных, социальных и политических факторов. Так, в докладе Центра стратегических разработок промежуточным институтам отводится роль «ослабления социокультурных ограничений, препятствующих внедрению целевых (стандартных) институтов» при условии, что под целевыми институтами понимаются институты открытого доступа (Центр..., 2017. С. 101). Сам В.М. Полтерович обращается к понятию гражданской культуры, понимая ее как «совокупность отношений индивида к институтам и социальным группам (пример: толерантность

³ Более подробно см. на русском языке: [Капелюшников, 2010. С. 24] или: [Ostrom, 1990; Ostrom, 2000. P. 149–153].

или интолерантность), его ожиданий и установок <...> и ценностей, а также его социально-психологических характеристик» [Полтерович, 2016. С. 227]⁴. На этом этапе значительным оказывается внимание не только к культурным аспектам политической жизни, но и рассмотрение действующих политических институтов.

2. Институциональный дизайн российской политической системы: слабость парламента

Особенности институционального дизайна российской политической системы с ее принципами разграничения властных полномочий и регулирования взаимоотношений между тремя ветвями власти закреплены на законодательном уровне Конституцией РФ, принятой и вступившей в силу в конце 1993 г. Значительное число российских авторов, исследующих проблему, сходится на том, что ключевым свойством отечественной политической системы является ее несбалансированность, выражаемая ярко выраженным приматом исполнительной власти в лице президента, по сравнению с другими органами государственной власти, прежде всего парламентом. Ключевым в этой связи становится вопрос о причинах становления системы, предполагающей дисбаланс в разграничении полномочий и сужение пространства политической конкуренции. Так, М.А. Краснов цепь событий, происходивших в период 1991–1993 гг. и предопределивших принятие Конституции 1993 г., называет «случайной» [Краснов, 2017. С. 10]. Напротив, Х.А. Гаджиев полагает, что транзит российской системы власти от установленной после распада СССР формы устройства, при которой должность президента была ограничена исключительно полномочиями исполнительной власти, к Конституции 1993 г. был определен политической культурой России, склонной к установлению авторитарных форм политического режима, олицетворяемых фигурой условного «Царя» [Гаджиев, 2016. С. 43].

Фактическим следствием норм Конституции 1993 г. является слабость российского парламента как законодательного органа: «...Конституция 1993 года намеренно создала парламент институционально слабым, чтобы доминировавшая в нем оппозиция не смогла заблокировать политические и экономические реформы времен Бориса Ельцина. Таковым он остается и при Путине только из оппозиции Дума превратилась в послушного исполнителя воли президентской власти» [Макаренко, Колесников, 2016]. Принятым в 1993 г. текстом основного закона страны «формально провозглашенный принцип разделения властей был, по сути, подменен гегемонией исполнительной власти. Парламент фактически оказался лишенным реальных рычагов власти и контрольных функций. Политические партии не получили официальных каналов влияния ни на состав правительства, ни на процесс принятия решений» [Петухов, 2016. С. 22]. Фактическая слабость парламента повлияла и на особенности российской партийной системы, носящей «витринный характер» [Шульман, 2015. С. 175].

Констатация политологами кризиса парламентской системы в России, фактически институциональной слабости законодательной ветви власти и, как следствие, незначительности политических партий как явления, важна для нашего исследования в качестве одной из гипотез, влияющих на оценку российской законодательной системы как инструмента реализации стратегий реформ. В рамках этой конструкции функционирующий в современной России механизм принятия законодательных решений может быть описан как уход из сферы публичной политики (хотя, как правило, если речь идет о различных формах демократий, зако-

⁴ Полтерович отсылает к понятию «гражданской культуры» из классической работы Алмонда и Верба «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах» (The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations) [Алмонд, Верба, 2014], в то время как политологи, работающие над вопросами институционального дизайна, зачастую используют термин «политическая культура», но так же отсылая к работе Алмонда и Верба [Завершинский, 2015; Гаджиев, 2016]

нотворчество – сфера публичной деятельности и широких общественных дискуссий) в область непубличных закрытых дискуссионных площадок [Шульман, 2015. С. 184]. Если допустить, что такое описание верно, то можно сделать вывод о том, что российский механизм законотворчества может являться удобным инструментом в руках реформаторов (а реформы, как правило, бывают инициированы исполнительной властью): гипотетический уход от публичных дискуссий позволяет проводить через парламент непопулярные в обществе реформы.

3. Российский законодательный механизм: анализ количественных данных

С нашей точки зрения, критерием «удобства» законодательного механизма с точки зрения целей реализации тех или иных реформ может являться скорость прохождения законопроектов через институты законодательной власти: быстрая скорость принятия законов гарантирует оперативность в создании необходимой для внедрения новых институциональных правил массы принятых и реализуемых законодательных актов. Анализ соответствующих количественных показателей для российской законодательной системы позволил бы, исходя из указанного критерия, подтвердить гипотезу о том, что российский парламент в силу особенностей институционального дизайна власти в РФ является удобным инструментом для реализации выработанных исполнительной властью программ реформ.

На основе базы LAWSTREAM.RU нами были составлены соответствующие графики. Для того, чтобы определить роль исполнительной власти в лице президентской власти и правительства в общем потоке принимаемых законов, мы обратились к показателю доли новых федеральных законов от общего числа принятых законов и поправок, рассчитанному по инициатору внесения (рис. 1)⁵.

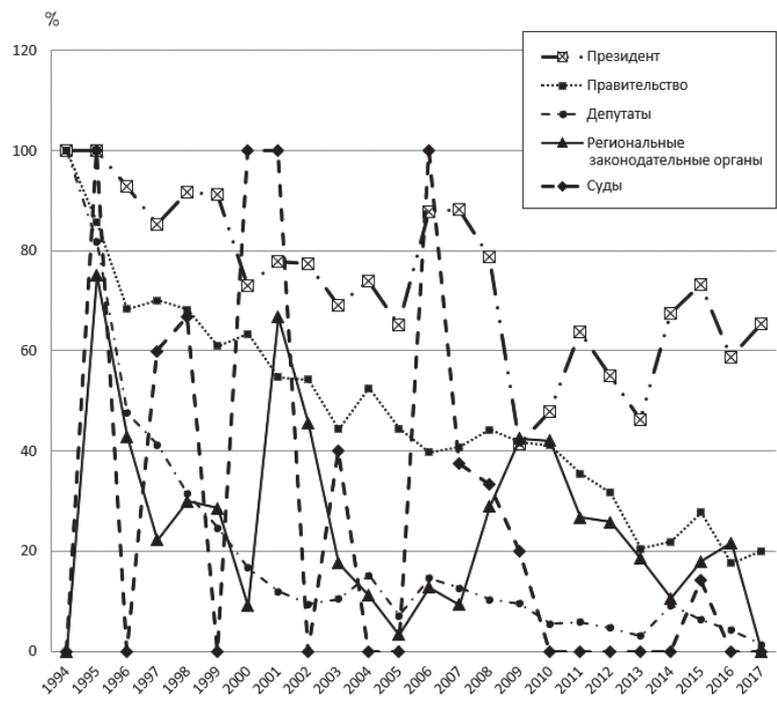

Рис. 1. Доля новых федеральных законов в общем числе принятых законов и поправок (по инициаторам внесения, %, 1994–2017 гг., по дате внесения)

⁵ Ключевым для нас является сравнение показателей для исполнительной (президент и правительство) и законодательной (депутаты) ветвей власти, однако правом законодательной инициативы обладают и судебные законодательные органы, а также местные законодательные органы. Для полноты анализа нами было принято решение сохранить показатели для последних акторов на представленных графиках.

Видно, что на протяжении практически всего периода наблюдений процентная доля новых федеральных законов от общего числа принятых законодательных актов выше для президентской власти, чем для парламентариев, чьи показатели ниже в том числе и в сравнении с показателями правительства. Если же сравнивать по соотношению исполнительной (суммарный показатель для президента и правительства) и законодательной ветвей власти, то разрыв станет существенней. Важным является также и постоянство указанного разрыва в численных показателях: разрыв виден и в годы правления Б.Н. Ельцина, когда позиции условно оппозиционных партий и фракций в Государственной Думе были сильнее, чем в годы правления последующих президентов.

Однако более интересным для нашего исследования является сравнение по такому показателю как средний срок прохождения закона от внесения в Государственную Думу до принятия Советом Федерации, рассчитанный по инициаторам внесения (рис. 2).

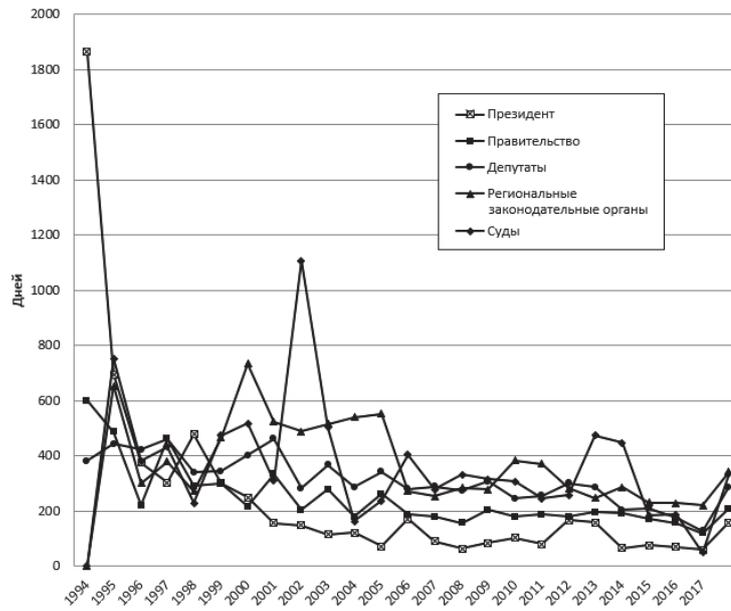

Рис. 2. Средний срок прохождения закона (от внесения в ГД до принятия СФ, по году внесения в ГД, дней)

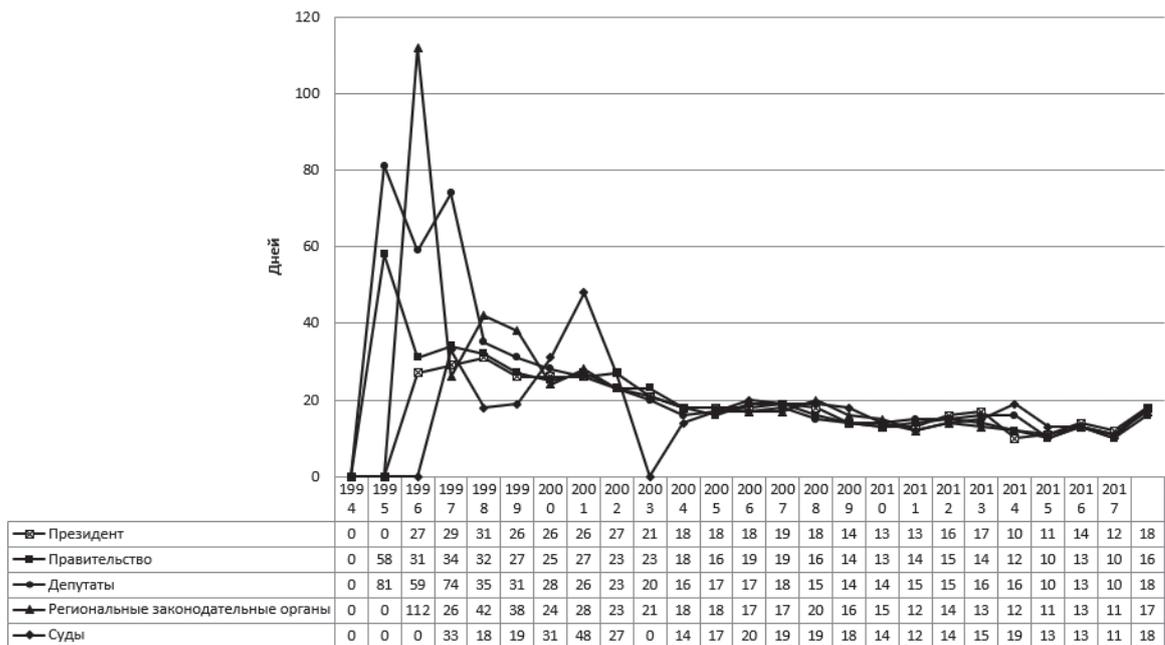

Рис. 3. Средний срок от принятия Государственной Думой до окончательного подписания законопроекта (по инициаторам, по году принятия в ГД, дней)

Мы видим, что на всем периоде наблюдений показатель для внесенных президентом законов был ниже, чем для инициированных депутатами законопроектов, аналогично и инициированные правительством законопроекты проходили через стадии принятия быстрее, чем депутатские инициативы. Вместе с тем, обратившись к графику, на котором представлен показатель среднего срока от принятия закона Государственной Думой до подписания его президентом (рис. 3), мы увидим, что сравнительно более долгие сроки для депутатских законодательных инициатив возникают на стадии прохождения законопроектов через парламент, срок прохождения последующего этапа (от принятия парламентом до подписания президентом) примерно равен для всех законопроектов.

Исходя из сделанных наблюдений, действительно можно подтвердить вывод о том, что устоявшийся механизм принятия законодательных решений может использоваться как удобный инструмент реализации любых выработанных исполнительной властью программ реформ на стадии создания необходимой для трансформации институциональных конфигураций законодательной базы.

Вместо заключения: проблема защиты от ошибок и принятия реформ обществом

Эмпирически подтвердив инструментальное достоинство российской законодательной системы, частью которой является парламент, с точки зрения реализации интересов исполнительной власти по оперативному созданию необходимой массы принятых законодательных актов, мы вместе с тем не можем уйти от качественных и отчасти ценностных оценок обнаруженной особенности. Институциональная слабость российского парламента в текущих конфигурациях системы распределения властных полномочий очевидна, указание на это можно считать общим для значительного числа исследований российских политологов, равно как и отрицание значимости российских партий как общественно-политических институтов. Текущее состояние политической системы обнаруживает тяготение «к властному моноцентризму» [Кузнецов, 2016. С. 230]. Отойдя от простой градации типов политических режимов по линии «демократия/авторитаризм», мы тем не менее вынуждены будем признать, что, как показывают исследования, наличие парламента в странах с авторитарного типа режимами повышает эффективность государственного управления и способствует ускорению экономического роста [Wright, 2008].

Институциональная слабость парламента способствует минимизации издержек времени, требующегося на согласование мнений широкого круга заинтересованных лиц. Напротив, вероятность возникновения другого рода издержек возрастает. Выбор реформаторских стратегий, осуществляемый элитами, зависит от доминирующих идеологий [Полтерович, 2017. С. 56]. Соответственным образом, этот выбор в условиях отсутствия публичных дискуссий, в том числе и на законодательном уровне, тем вероятней может оказаться ошибочным. Однако гораздо большую проблему составляет стадия принятия насаждаемых реформами новых институциональных правил обществом. Напомним, что ключевой позицией Элинор Остром в этой связи было утверждение необходимости учитывать интересы и мнения максимально широкого круга заинтересованных в процессе распределения сторон. Предполагается, что публичная на стадии парламентского обсуждения процедура обсуждения законопроектов, увеличивающая временные издержки, должна служить этой цели: согласованию интересов широкого круга сторон. Закрытость законодательного процесса и дисбаланс законодательных ролей перекрывают каналы публичности.

Изолированность от внешних участников процедуры принятия решений способствует установлению особой характеристики гражданской культуры, кристаллизации состояния общества с высокой дистанцией власти. Нормой для такого типа сообществ

является неравномерность распределения власти и богатства [Никишина, 2016. С. 113]. С одной стороны, общества с высокой дистанцией власти успешней в реализации мобилизационных проектов (возможность для мобилизации парламента для скорейшего принятия широкого числа законодательных актов может рассматриваться в этом контексте). Однако «транзакционные издержки по изменению формальной и неформальной политической организации системы будут сравнительно высокими. Кроме того, группы специальных интересов, обладающие значительными ресурсами, будут препятствовать изменениям, ухудшающим их положение [Никишина, 2016. С. 114]. Закрытый характер законодательной системы оказывает негативное воздействие на ощущение легитимности принимаемых решений и соответственно затормаживает их рецепцию обществом [Кертман, 2018. С. 152].

Негативная или позитивная оценка полученных нами результатов в значительной степени зависит как от идеологической направленности оценивающего, так и от особенностей понимания принципов институционального дизайна. Имеющийся в распоряжении реформаторов легко мобилизуемый инструмент реализации законодательных инициатив безусловно может быть оценен ими позитивно с точки зрения предполагаемых целей и задач. Если же подходить к идее институционального дизайна с точки зрения теории Элинор Остром, то, напротив, имеющийся механизм принятия законодательных решений может стать фактором, заметно снижающим качество проводимых реформ.

ЛИТЕРАТУРА

- Алмонд Габриэль, Верба Сидней (2014). Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль.
- Гаджиев Х.А. (2016). Формирование политических институтов в трансформационный период: место и роль политической культуры // PolitBook, № 2. С. 40–51.
- Завершинский К. Ф. (2015). Политическая культура в политологии институционального дизайна // Вестник Санкт-петербургского университета Сер. 6. Вып. 4. С. 4–11.
- Капелюшников Р. И. (2010). Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 // Экономический журнал ВШЭ. Т. 14. № 1. С. 12–69.
- Кертман Г.Л. (2018). Статус политики в российском массовом сознании // Политическая наука. № 2. С. 151–172.
- Краснов М.А. (2017). Некоторые гипотезы о причинах возвращения России к потестарному типу государства // ПРАВО: история и современность. № 1. С. 8–17.
- Кузнецов И.И. (2016). Институциональный дизайн российской власти: влияние внешних факторов становления формы правления // Политическая наука. №5. С. 227–244.
- Макаренко Б., Колесников А. (2016). Выборы-2016: рутинная или переменная? // Рабочие материалы. Московский центр Карнеги. carnegie.ru/2016/07/15/ru-64074/j305 (дата обращения: 07.10.2018).
- Никишина Е.Н. (2016). Воздействие социокультурных факторов на транзакционные издержки и конкурентные преимущества общества // Экономическая политика. Т. 11. № 1. С. 105–120.
- Петухов В.В. (2016). Выборы в Государственную Думу России на фоне институционального кризиса // Власть. № 7. С. 22–27.
- Полтерович В.М. (2007). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ ВШЭ.
- Полтерович В.М. (2016). Институциональные реформы и гражданская культура // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. №2/2. С. 225–238.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 55–65.
- Центр стратегических разработок (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (дата обращения 05.10.2018).
- Шульман Е.М. (2015). Фракции, комитеты, аппарат: Участие парламентских партий в законотворческом процессе // Политическая наука. № 1. С. 172–185.
- Aligica P.D., Boettke P.J. (2009). Challenging Institutional Analysis and Development: The Bloomington School London. New York, Routledge.
- Coram B.T. (1996). Second best theories and the implications for institutional design. In Goodin R. E. (ed.) (1996). The Theory of Institutional Design. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 90-125.

- Klijn Erik Hans, Koppenjan Joop* (2006). Institutional design: Changing institutional features of networks. *Public Management Review* March. Vol. 8. Issue 1. Pp. 141–160.
- Ostrom E.* (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Ostrom E.* (2000). Collective Action and the Evolution of Social Norms. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14, 13. Pp. 137–158.
- Ostrom E.* (2009). A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems. *Science*. Vol. 325. 24 July 2009. Pp. 419–422.
- Rodrik Dani* (2008). Second-best institutions. NBER Working Paper No. 14050. June 2008.
- Wright J.* (2008). Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. Issue 2. April 2008. Pp. 322–343.

Волынский Андрей Игоревич

ava3003@gmail.com

Круглова Мария Семеновна

mashakruglova999@gmail.com

Рожков Петр Валерьевич

peterrozkov@gmail.com

Рубинштейн Александр Александрович

simplicio1@yandex.ru

Andrei Volynskii

junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ava3003@gmail.com

Maria Kruglova

junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

mashakruglova999@gmail.com

Petr Rozhkov

senior assistant, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

peterrozkov@gmail.com

Alexander Rubinstein

PhD, senior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

simplicio1@yandex.ru

LEGISLATIVE MECHANISMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A TOOL OF INSTITUTIONAL DESIGN: ON THE MATERIALS OF ANALYSIS OF QUANTITATIVE DATA OF LAWSTREAM.RU BASE

Abstract. The article presents the results of a study of the mechanism of legislative decision making as an instrument of institutional design. The concept of institutional design, used in many English-speaking economic studies, by Russian economists, on the contrary, is less commonly used. In a broad sense, institutional design is a targeted impact on the institutional environment, with the goal of establishing planned institutional combinations. The problem, goals and objectives of institutional design can be considered as part of the theory of reform in its institutional aspect. In the Russian literature one can find an extensive layer of works on the theory of institutional reforms. The search for strategies for institutional reforms ultimately goes beyond the framework of economic studies, the researchers working in this direction turn to some concepts borrowed from political science the theory of civic culture and its influence on public institutions. In this regard, it can be argued that the problem of institutional reforms is only at the stage of selecting the necessary institutional configurations is economic, and the question of choosing reform strategies and their implementation cannot be resolved without considering the factors lying in the plane of political science and sociology. In the present article, we focused on the study of one of these factors - the mechanism for making legislative decisions on the example of studying the quantitative indicators of the domestic legislative environment. Based on the results, it was concluded that the existing principles and mechanisms for adopting legislative decisions can be described as a convenient mechanism for implementing strategies chosen at the level of the president and the executive branch, however, it is indicated that the decisive factor in this case is the high rate of adoption of draft laws introduced by the president and the government. This can be interpreted as evidence of the absence of a broad social and political discussion around draft laws, which may contribute to reduce the level of trust in ongoing reforms.

Keywords: *institutional design, institutionalism, legislation of the Russian Federation, state Duma, mesolevel.*

JEL classification: B52, B59, K10.

REFERENCES

- Almond Gabriel, Sydney Verba* (2014). *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah* [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations] / G. Almond; S. Verba; translation from English E. Handel. M.: Thought.
- Gadzhiev K.* (2016). *Formirovanie politicheskikh institutov v transformacionnyj period: mesto i rol' politicheskoy kul'tury* [Formation of political institutes during the transformational period: the place and role of political culture]. *PolitBook*, № 2. Pp. 40–51.
- Zavershinskiy K.F.* (2015). *Politicheskaya kul'tura» v politologii institucional'nogo dizajna* [The «political culture» in the political science studies of institutional design]. *Vestnik Sankt peterburgskogo universiteta*. S. 6. Vol. 4. Pp. 4–11.
- Kapelyushnikov R.I.* (2010). *Mnozhestvennost' institucional'nyh mirov: Nobelevskaya premiya po ehkonomie-2009* [Multiplicity of Institutional Worlds: The Nobel Prize in Economics 2009]. *Ekonomicheskij zhurnal HSE*. Vol. 14. No. 1. Pp. 12–69.
- Kertman G.L.* (2018). *Status politiki v rossijskom massovom soznanii* [Status of politics in Russian mass consciousness]. *Politicheskaya nauka*. № 2. Pp. 151–172.
- Krasnov M. A.* (2017). *Nekotorye gipotezy o prichinah vozvrashcheniya Rossii k potestarnomu tipu gosudarstva* [Some hypotheses about the reasons for Russia's return to potestarian type of state]. *PRAVO: istoriya i sovremennost*. № 1. Pp. 8–17.
- Kuznetsov I.I.* (2016). *Institucional'nyj dizajn rossijskoj vlasti: vliyanie vneshnih faktorov stanovleniya formy pravleniya* [Institutional design of the Russian authority: The influence of external factors on the formation of government]. *Politicheskaya nauka*. No. 5. Pp. 227–244.
- Makarenko B., Kolesnikov A.* (2016). *Vybory-2016: rutina ili peremeny?* [Elections 2016: routine or change]. Working papers. Moscow Carnegie Center. carnegie.ru/2016/07/15/en-64074/j305 (Access date: 10/07/2018).
- Nikishina E.N.* (2016). *Vozdeystvie sociokul'turnyh faktorov na transakcionnye izderzhki i konkurentnye preimushchestva obshchestva* [The Effects of Culture on Transaction Costs and Competitive Advantages of the Society]. *Ehkonomicheskaya politika*. Vol. 11. No. 1. Pp. 105–120.
- Petukhov V.V.* (2016). *Vybory v Gosudarstvennyu Dumu Rossii na fone institucional'nogo krizisa*. [State Duma Elections against the backdrop of an institutional crisis]. *Vlast...* № 7. Pp. 22–27.
- Polterovich V.M.* (2007). *Strategii institucional'nyh reform, ili Iskusstvo reform: Preprint WP10/2007/08*. [Institutional Reform Strategies or Art of Reforms: Working paper WP10/ 2007/08]. Moscow State University – Higher School of Economics.
- Polterovich V.M.* (2016). *Institucional'nye reformy i grazhdanskaya kul'tura* [Institutional reforms and civic culture]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 8. No. 2/2. Pp. 225–238.
- Polterovich V.M.* (2017). *Razrabotka strategij social'no-ehkonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya* [Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] / *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki*. No. 1. Pp. 55–65.
- Center for Strategic Research (2017). *Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i uspeshnoj implementacii reform*. [Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms]. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (Access date: 05.10.2018).
- Shulman E.M.* (2015). *Frakcii, komitety, apparat: Uchastie parlamentskih partij v zakonotvorcheskom processe* [Factions, committees, apparatus: Participation of parliamentary parties in the lawmaking process] / *Politicheskaya nauka*. № 1. Pp. 172–185.
- Aligica P.D., Boettke P.J.* (2009). *Challenging Institutional Analysis and Development: The Bloomington School*. London. New York, Routledge.
- Coram B.T.* (1996). *Second best theories and the implications for institutional design*. In: Goodin R.E. (ed.) (1996). *The Theory of Institutional Design*. Cambridge, Cambridge University Press. Pp. 90–125.
- Klijn Erik Hans, Koppenjan Joop* (2006). *Institutional design: Changing institutional features of networks*. *Public Management Review* March. Vol. 8. Issue 1. Pp. 141–160.
- Ostrom E.* (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Ostrom E.* (2000). *Collective Action and the Evolution of Social Norms*. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14, 13. Pp. 137–158.
- Ostrom E.* (2009). *A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems*. *Science*. Vol. 325, 24 July 2009. Pp. 419–422.
- Rodrik Dani* (2008). *Second-best institutions*. NBER Working. Paper No. 14050. June 2008.
- Wright J.* (2008). *Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment* // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. Issue 2. April 2008. Pp. 322–343.

Е.А. Хаунина

с.н.с., Институт экономики РАН, Москва

с.н.с., Государственный институт искусствознания, Москва

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНДОВ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА (ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ) В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются эндаумент-фонд как один из ресурсов финансирования культурной деятельности в России. Обозначены основные отличия российской модели целевого капитала от зарубежных моделей эндаументов. Несомненно, внедрение в российское правовое поле модели целевого капитала (эндаумента) значительно расширило возможности некоммерческого сектора экономики в деятельности на благо общества. Однако после более десятилетия после принятия закона о целевом капитале в области культуры этот институт пока так и не получил широкого распространения. В связи с этим в работе обозначены ряд аспектов, которые оказывают значимое влияние и выступают факторами, ограничивающими развитие института целевых капиталов в России, среди которых налоговые льготы, проблемы эффективности управления, доверие общества и потенциальных благотворителей. В заключении статьи предлагаются некоторые направления развития целевого капитала в области культуры, охватывающие как законодательные инициативы, так и институциональные изменения.

Ключевые слова: *целевой капитал, эндаумент-фонды, финансирование культуры, налоговые льготы, пожертвования, модели государственной поддержки.*

Классификация JEL: H24, Z11, L31, L38, L39.

Эндаумент-фонды, или фонды целевого капитала организаций культуры, зарекомендовали себя в качестве эффективного механизма управления целевыми благотворительными пожертвованиями и источника получения дополнительных, так называемых инвестиционных, доходов. Следует отметить, что эндаумент-фонды имеют достаточно продолжительную историю в зарубежной практике финансирования некоммерческих организаций, что особенно справедливо для стран с англо-саксонской моделью культурной политики, прежде всего США и Великобритании.

В широком понимании эндаумент – инструмент долгосрочного финансирования, гарантирующий устойчивость поддерживаемой организации и ее целей. В отличие от благотворительных фондов и иных НКО, расходующих привлеченные от доноров пожертвования, как правило, в текущем периоде, эндаумент направляет на заранее установленные цели не сами пожертвования, а доход, полученный от их инвестирования. Таким образом, пожертвования, которые были выделены донорами для организации, влияют на ее финансовую стабильность длительный период времени.

Правовая основа для создания эндаументов появилась в России более 10 лет назад после принятия Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее – Закон № 275-ФЗ). При этом следует отметить, что предложенная схема долгосрочного финансирования уставной деятельности на основе договора доверительного управления имуществом не является новой технологией для России. Обращение к истории российской благотворительности показывает, что сама схема эндаумента применялась в России еще с начала XIX в.

Первый закон об аналогах современных целевых капиталов был издан в Российской империи 27 декабря 1817 г. (в виде сенатского указа) и носил название «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений и об употреблении оных, согласно с волею жертвователя». Этот закон впервые установил правило, по которому приступать к учреждению богоугодных заведений следовало только в случае, «когда к содержанию их назначены будут доста-

точные средства; в противном же случае пожертвования, на сии заведения назначаемые, обращать в общую массу, и тогда уже приступить к учреждению общественных заведений, когда накопится достаточное количество суммы». Исполнение закона «О пожертвованиях в пользу богоугодных заведений» возлагалось на гражданских губернаторов и начальников ведомств, в пользу которых шли пожертвования [Ульянова, 2005; Эндаументы..., 2018].

Обозначим некоторые принципы формирования и функционирования современной российской модели целевого капитала согласно Закону № 275-ФЗ:

1. Целевой капитал формируется в рамках некоммерческой организации на заранее установленные цели (например, в сфере культуры, искусства, образования, науки, социальной поддержки и пр.).

2. Для формирования целевого капитала открывается отдельный банковский счет и отводится один фактический год на привлечение на этот счет не менее 3 млн рублей.

3. Все привлеченные средства – пожертвования или активы по завещанию, в рублях или иностранной валюте. Пожертвования не могут быть обусловлены чем-либо, включая сроки, а также не могут быть возвращены жертвователям (только в случае их обоснованного заявления о нецелевом использовании пожертвований).

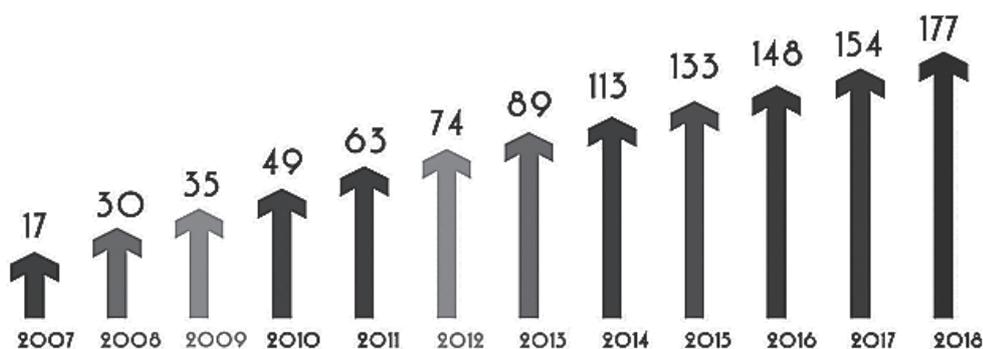
4. Сумму, превышающую 3 млн рублей, необходимо передать в доверительное управление управляющей компании (УК) не позднее двух месяцев с момента превышения такого «порога».

5. По окончании календарного года УК передает полученный инвестиционный доход (за вычетом вознаграждения и расходов) в эндаумент-фонд, который, в свою очередь, распределяет этот доход на заранее установленные цели. Налог на прибыль от целевого капитала отсутствует (подп. 14 п. 2 ст. 251 НК РФ). Оставшийся в управлении капитал продолжает инвестироваться. Минимальный срок существования эндаумента – 10 лет.

Основное преимущество эндаумента заключается в том, что инвестиционные доходы, которые он приносит, обеспечивают организациям определенную степень уверенности в наличии финансирования, что не всегда возможно при использовании ресурсов фандрайзинга и в условиях сокращения госфинансирования. Кроме того, эндаумент дает организации свободу и гибкость в выборе видов деятельности, даже если на отдельные проекты, которые организация / фонд считает целесообразными, не удастся привлечь средства целевого или государственного финансирования.

Эндаументы являются значимым социальным институтом, обеспечивающим определенную устойчивость некоммерческих организаций, что порождает доверие общества и возможность работать на долгосрочную перспективу. При этом взнос в целевой капитал имеет преимущества перед иными формами благотворительности, поскольку гарантирует целевой характер использования и строгую систему отчетности перед жертвователями.

На современном этапе в основу российской модели целевого капитала были положены механизмы, свойственные англо-саксонской системе, прежде всего характерные для эндаумент-фондов США. Российский закон, хотя и имел зарубежную основу, все-таки строился по принципам, характерным для российского законодательства, и достаточно успешно встроился в его систему [Целевые капиталы..., 2017. С. 60–61]. В странах Европы понятие эндаумента чаще всего содержится в законах, регулирующих деятельность фондов и/или организаций общественной пользы. Этим статьям соответствуют нормы налогового законодательства. Отметим также, что внедрение в российское правовое поле модели целевого капитала (эндаумента) значительно расширило возможности некоммерческого сектора экономики в деятельности на благо общества. Важное преимущество статуса целевого капитала перед «обычным» благотворительным фондом состоит в том, что доходы от управления поступивших в эндаумент средств освобождаются от уплаты налога на прибыль. На март 2018 г. в России было зарегистрировано 194 эндаумента, из них 177 являются действующими, 17 фондов целевого капитала были расформированы (рис. 1).

Источник: Французова С. (2017). Аналитический отчет о динамике развития фондов целевого капитала за 2007–2017. Подготовлен Пензенским региональным общественным благотворительным фондом «Гражданский Союз». Пенза. Данные УК «Апрель Капитал», март 2018.

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных эндаумент-фондов в РФ (по состоянию на март 2018 г.)

По статистике, представленной в рамках форума «Эндаументы – 2018», среди функционирующих в России эндаумент-фондов в различных сферах деятельности: 59% (104) – в образовании, 6,7 (12) – в искусстве и 5,6% (10) – в сфере культуры. Другими словами, при организациях культуры и искусства в настоящее время функционируют 22 фонда целевого капитала, отдельно выделяется эндаумент-фонд Общественного телевидения России.

Важно отметить также, что география распространения фондов целевого капитала, в том числе и в сфере культуры, расширяется: начинают создаваться эндаумент-фонды при организациях культуры в регионах (Омск, Томск). Фонд развития музея им. М. А. Врубеля, основанный в 2016 г. в г. Омске, стал первым в России фондом целевого капитала, созданным при региональном музее. В октябре 2017 г. Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова получил грант Благотворительного фонда В. Потанина на поддержку создания в музее фонда целевого капитала. Однако, как справедливо отмечает директор Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич, «российские регионы нуждаются в эндаументах, имеют мало возможностей для их развития, особенно учитывая сокращение ресурсной базы из-за санкций и сжатия финансовых рынков»¹.

Особенности законодательного регулирования эндаумент-фондов

Проанализировав зарубежное и российское законодательство о целевом капитале, становится очевидно, что российская нормативно-правовая база обуславливает менее широкие возможности создания и функционирования эндаумента. Согласно американскому законодательству, например, для формирования эндаумента не существует минимального срока, за который формируется фонд целевого капитала, и минимального размера «основного тела» этого фонда. В отечественной нормативно-правовой базе это обязательные условия для формирования фонда целевого капитала. При этом российская некоммерческая организация не вправе направлять собственные средства и использовать бюджетные средства на формирование и пополнение целевого капитала. Пожертвования в фонд целевого капитала могут поступать только от доноров. В зарубежном же опыте, отметим это особо, некоммерческие организации *могут* направлять *собственные средства* на формирование своего эндаумента. Государство также участвует в выделении денежных средств из бюджета на формирование и пополнение эндаумента, поощряя, таким образом, некоммерческие организации создавать эндаумент-фонды.

¹ Из выступления Н. Зубаревич на Втором международном форуме «Эндаументы – 2018», 6.04.2018 г., г. Москва.

Еще одно из важнейших отличий – возможность американских некоммерческих организаций управлять эндаументом самостоятельно. В российской практике это законодательно запрещено – управление целевым капиталом должно осуществляться только специализированной управляющей компанией. И, наконец, еще одно существенное различие и проблема одновременно – отсутствие широкого спектра налоговых льгот для юридических и физических лиц в России, которые бы активизировали процессы, связанные с формированием фондов целевого капитала при некоммерческих организациях. Остановимся подробнее на некоторых отличиях российской модели целевого капитала от зарубежных моделей (рис. 2).

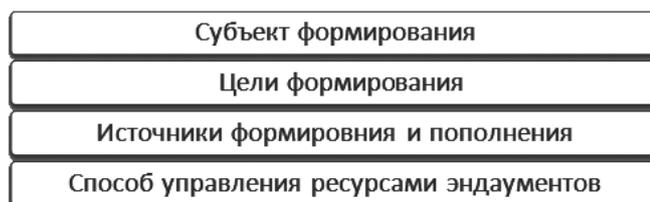

Рис. 2. Основные отличия российской модели целевого капитала от зарубежных моделей эндаументов

Первое отличие связано с субъектом формирования целевого капитала. В российском законе правом формировать целевой капитал обладают фонды, автономные некоммерческие организации (АНО), общественные и религиозные организации. Законодательство зарубежных стран дает более широкий, по сути открытый перечень организаций, которые могут формировать эндаумент. Это и фонды, и религиозные организации (в этом полное сходство с ФЗ «О ЦК»), и благотворительные организации или организации общественной пользы, получившие соответствующий статус взамен на большую прозрачность или отказ от права осуществлять деятельность, приносящую доход.

Перечень целей формирования эндаумента раскрыт в российском законе² и вариативен в законодательствах стран Америки, Европы и Азии. Законодательство зарубежных стран дает возможность использовать доход от целевого капитала на любую законную деятельность, любую благотворительную деятельность, деятельность, направленную на общественную пользу. При этом необходимо учитывать, что каждая страна имеет определенный перечень деятельности, которая преследует благотворительные цели или цели общественной пользы [Эндаументы..., 2018. С. 60–61].

Третье отличие состоит в том, что именно можно вкладывать в целевой капитал как на стадии формирования, так и при пополнении уже сформированного капитала. Изначально, согласно ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», это были только денежные средства в российской и иностранной валюте. Затем, с принятием ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 328-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», кроме налоговых льгот для жертвователей – физических лиц, были расширены сферы, для поддержки которых можно формировать целевой капитал, уставлена возможность пополнения целевого капитала не только денежными средствами, но и недвижимостью и определенными ценными бумагами.

Зарубежное законодательство предоставляет жертвователю более широкие возможности: и формировать, и пополнять эндаументы, как правило, можно любыми видами имущества: денежными средствами, недвижимым имуществом, земельными участками,

² Так в России целевой капитал можно формировать на образование, науку, здравоохранение, культуру, физкультуру и спорт (за исключением профессионального спорта), искусство, архивное дело, социальную помощь, охрану окружающей среды, бесплатную юридическую помощь и правовое просвещение граждан, функционирование общественного телевидения.

ценными бумагами. Кроме того, возможен вклад, сделанный нематериальным активом, результатом интеллектуальной деятельности. Есть, безусловно, ограничения, связанные с оценкой / переоценкой любого вклада – как материального, так и нематериального [Целевые капиталы..., 2017. С. 60–61].

Существуют отличия, связанные со способами управления привлеченными ресурсами эндаументов. Российский закон обязывает передавать сформированный целевой капитал в управляющую компанию в течение двух месяцев с момента завершения формирования и в течение 30 дней в случае пополнения такового, и несмотря на то что ответственность за выбор компании лежит на собственнике целевого капитала, в конечном счете от профессионализма компании зависит доход, который будет получен от доверительного управления.

В зарубежном законодательстве нет нормы, обязывающей передать эндаумент в управление специализирующейся на этом компании, вся ответственность возложена на управляющий совет / совет директоров, которые вправе самостоятельно выбрать способ управления эндаументом, лично или с помощью нанятых специалистов, анализируя риски и возможности. По-видимому, такой подход российского законодателя свидетельствует о сложившемся уровне доверия к организациям, формирующим эндаумент.

Развитие института целевых капиталов: проблемы и ограничения

Практика применения закона о целевых капиталах выявила ряд проблем в применимости существующих законодательных норм, в связи с чем есть необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования этой сферы в России. В течение 10 лет законодательство почти не менялось, что не отражает изменения, происходящие в обществе и благотворительности в целом. Однако, как считают некоторые эксперты, развитие института целевого капитала поступательно и осторожно формирует правоприменительную практику, основываясь на нормах закона, которые в свое время были написаны для профессионалов и отчасти «на вырост»¹ [Эндаументы..., 2018. С. 60–61].

Обозначим некоторые аспекты, которые оказывают значимое влияние и выступают факторами, ограничивающими развитие института целевых капиталов, в том числе в сфере культуры:

- ▶ ограничения по налоговым льготам для организаций, которые готовы совершать пожертвования. Сложность взаимодействия с компаниями и корпорациями в рамках фандрайзинга по формированию и пополнению фондов целевого капитала состоит в том, что пожертвования бизнеса делаются из чистой прибыли в отсутствии каких-либо налоговых льгот и вычетов;
- ▶ ряд ограничений в отношении пожертвований, поступающих из-за рубежа или от зарубежных жертвователей;
- ▶ ограничение видов имущества, направляемого жертвователями на формирование и пополнение целевого капитала. В соответствии с п. 1 ст. 4 закона № 275-ФЗ о целевом капитале действуют ограничения на форму пожертвований (только денежные средства). Таким образом, жертвователь не вправе передать на формирование целевого капитала недвижимое имущество, ценные бумаги;
- ▶ недостаточная проработка тактических механизмов реализации идеи целевого капитала, что не позволяет фондам и НКО успешно и последовательно формировать целевой капитал, наращивая свой потенциал [Французова, 2017];
- ▶ проблема эффективности управления целевым капиталом. Выбор управляющей компании и уровень финансовых компетенций организации, сформировавшей целевой капитал. Организация не застрахована от убытков, как и все субъекты, дей-

ствующие на финансовом рынке, что может привести к потере денег, переданных жертвователями. Важную роль играет угроза как потери средств от неэффективного вложения, так и недополученной прибыли [Французова, 2017];

- ▶ отложенный эффект долгосрочных пожертвований в эндаументы;
- ▶ дополнительные расходы на обслуживание новой инфраструктуры. Любой целевой капитал потребует отдельного ведения бухгалтерского учета, обязательного аудита, в нем должны работать люди, которые разбираются и в стратегии, и в финансовой стороне дела;
- ▶ доверие общества и потенциальных благотворителей к механизму целевого капитала. Кроме того, до сих пор в обществе существует некоторое недоверие к профессиональным благотворительным организациям;
- ▶ небольшое число реально работающих целевых капиталов в области культуры и, соответственно, описанных практик, которые можно проанализировать и принять решение о создании собственного эндаумент-фонда;
- ▶ конкуренция за пожертвования в эндаумент-фонды в сфере культуры с другими институциями, имеющими более актуальную для потенциальных доноров социальную направленность.

Зарубежные модели поддержки института целевых капиталов

Распространение модели целевого капитала в сфере культуры в России происходит не такими быстрыми темпами, как предполагалось при создании законодательной базы. С одной стороны, это закономерно, так как эта модель ориентирована на будущее и имеет отложенный результат, с другой – развитие можно и нужно стимулировать, и здесь существенную роль играет поддержка со стороны государства. Ведь институт эндаументов во многом зависит от факторов развития гражданского общества: уровня доверия населения, источников и моделей финансирования социально-культурного сектора, ориентации общества на благотворительность и др. В разных странах данные факторы имеют различный вес. При этом ключевым аспектом развития гражданского общества и его институтов является влияние государства, формирующего условия и инфраструктуру деятельности актора [Мерсиянова, Шашнов, Краснополянская, 2017. С. 7–11].

Опыт поддержки государством модели целевого капитала накоплен сегодня во многих странах, как в тех, где эндаументы существуют не одно столетие и где благотворительность давно стала неотъемлемой частью общественной жизни, так и в странах, где филантропия только развивается. Более того, в последние десятилетия интерес государства к распространению данной модели постоянно растет.

В странах, где государство традиционно играло существенную роль в финансировании социальной сферы (образования, науки, культуры), наличие законодательной базы для создания эндаументов рассматривалось как достаточное условие. Законодательство периодически корректировалось, чтобы отвечать меняющимся социально-экономическим условиям³.

Государство все больше начинает искать партнеров для решения социальных задач и готово поддерживать те механизмы, которые могут привести к финансовой независимости организаций образования и культуры от государственного финансирования. Признав то, что модель целевого капитала может выполнять такую роль, государство стало предлагать различные механизмы ее внедрения.

³ Недавние изменения законодательства в США произошли после очередного экономического кризиса, в то время даже крупные эндаументы, такие как Гарвард, понесли существенные потери. И тогда остро встал вопрос как о сохранении средств, так и об изменении правил использования доходов.

В своем обзоре, посвященном зарубежной практике поддержки эндаумент-фондов, Оксана Орачева, Генеральный директор Благотворительного Фонда В. Потанина, выделяет две модели (рис. 3) государственной поддержки, которые получили сегодня наибольшее распространение [Целевой капитал..., 2014. С. 70–74].

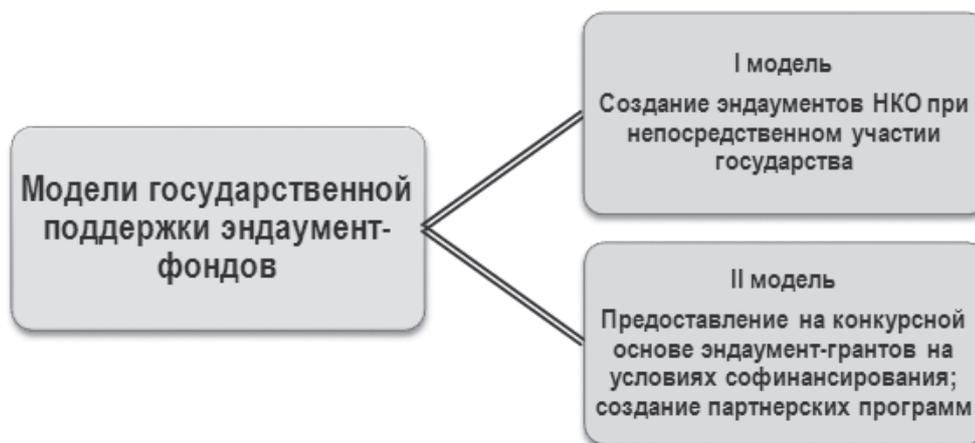

Рис. 3. Государственная поддержка эндаумент-фондов в зарубежных странах

Первая модель предполагает создание эндаумент-фондов некоммерческих организаций при непосредственном участии государства [Целевой капитал..., 2014. С. 70–74]. Данная модель была апробирована в США в 60-е гг. XX в., когда решением Конгресса были созданы фонды поддержки культуры, гуманитарных исследований и т. д. Эти фонды сегодня являются одним из основных источников финансирования учреждений культуры и образования, причем это финансирование выделяется на конкурсной основе. До 1972 г. в США законодательства, которое регулировало бы деятельность эндаумент-фондов, не было. Существовал закон «О трасте» (*The Trust Law*), посредством которого на законодательном уровне регулировалась деятельность благотворительных фондов в общем. В 1972 г. появился законодательный акт «The Uniform Management of Institutional Funds Act (UMIFA)» – «Унифицированный закон об институциональных фондах» [The Uniform Management..., 1972].

Он стал основным документом, регулирующим деятельность эндаумент-фондов некоммерческих учреждений. Его появление было связано с распространением эндаумент-фондов по всей стране. Многие успешные и обеспеченные люди хотели оставить свой след в истории, а также получить уважение со стороны общества, поэтому они становились донорами для множества фондов целевого капитала некоммерческих учреждений. Все это привело к созданию крупной системы негосударственного финансирования социальной сферы.

В Великобритании не так давно были выделены средства на создание специального эндаумента для финансирования проектов фондов местных сообществ: из бюджета выделяются средства, одновременно привлекаются ресурсы за счет различных программ софинансирования [Целевой капитал..., 2014. С. 70–74].

В последние десятилетия данную модель финансирования приоритетных для государства сфер через создание специального эндаумент-фонда использует все большее количество стран по всему миру. Особенно она привлекает страны с развивающейся филантропией. Например, на создание эндаумента Филиппинского фонда защиты окружающей среды были использованы средства от реструктуризации государственного долга страны.

Эти средства способствовали быстрому становлению некоммерческой организации, которая смогла сразу приступить к реализации своих экологических программ. Правительство Сингапура также решило выделить значительные средства (в общей слож-

ности 1,5 млрд долл.) в эндаумент специально созданного фонда ComCare на реализацию программ поддержки социально незащищенных групп населения, внедрив тем самым другой механизм финансирования социальной сферы⁴.

Вторая модель основывается на предоставлении на конкурсной основе эндаумент-грантов, когда грантовые средства направляются в эндаумент некоммерческой организации, а доходы от эндаумента должны быть израсходованы на определенные жертвователем цели. Средства выделяются на конкурсной основе, в том числе на условиях софинансирования, а также создания партнерских программ. В основном такие эндаумент-гранты предоставляются на поддержку университетов (кафедр, исследовательских центров, профессорских позиций и др.), организаций культуры (музеев, театров, галерей, музыкальных школ и школ искусств), фондов местных сообществ [Целевой капитал..., 2014. С. 72–73].

Правительство Канады содействует развитию эндаументов, полагая, что именно этот механизм поддержки сможет обеспечить организации культуры в долгосрочной перспективе, сделать искусство и культуру более независимыми от источников финансирования. Например, начиная с 2001 г. Канадский Инвестиционный фонд в сфере культуры в рамках своей специальной программы по стимулированию создания эндаументов предоставил 170 организациям, работающим в сфере культуры, средства в эндаументы на условиях, что они привлекут пожертвования со стороны частных и корпоративных доноров. Цель данной программы – содействовать созданию в стране определенной среды, которая бы стимулировала доноров как частных, так и корпоративных, делать пожертвования в эндаумент-фонды организаций культуры.

Например, Театральный фестиваль в Чемейнусе (*Cheminus Theatre Festival*) ежегодно проводится некоммерческой организацией в Ванкувере. В 2015 г. при фестивале был основан эндаумент-фонд, который управляется благотворительным фондом Ванкувера, который, в свою очередь, управляет различными фондами целевого капитала на сумму более чем 1 млн долл. Индивидуальные пожертвования в эндаумент-фонд фестиваля поддерживаются Канадским Инвестиционным фондом в сфере культуры. Денежные средства в форме гранта, который представляет собой систему «доллар за доллар»: грант выделяется на сумму всех собранных пожертвований эндаумент-фондом театра, таким образом удваивая размер эндаумента.

Другим примером эндаумент-грантов является совместная программа Министерства культуры, средств массовой информации и спорта Великобритании, Совета по культуре и благотворительного фонда Heritage Lottery Fund (фонд, сформированный на основе поступлений от проведения национальной лотереи). Программа была объявлена в 2012 г. частью новой стратегии Правительства Великобритании по расширению источников финансирования организаций культуры и привлечения в эту сферу частных средств. Оператором программы стал благотворительный фонд, у которого есть значительный опыт распределения средств на конкурсной основе.

Программа «Катализатор: эндаументы» направлена на привлечение существенных средств для развития и сохранения культурного наследия Великобритании, чтобы помочь организациям культуры стать более устойчивыми и независимыми. Программа предполагает не только финансовую поддержку эндаументов, но и стимулирование развития фандрайзинговых технологий (*matching grants*), привлечение частных доноров к финансированию в сфере культуры, способствует продвижению модели эндаумента, дает импульс к их дальнейшему развитию [Целевой капитал..., 2014. С. 73].

Эндаумент-гранты позволяют объединить усилия и ресурсы государства, благотворительных фондов и других доноров, что, в свою очередь, стимулирует создание партнерств. Такие совместные программы очень важны для развития некоммерческого

⁴ Подробнее см.: *Cheminus Theatre Festival*, 2018.

сектора, они способствуют более эффективному расходованию ресурсов как со стороны фондов, так и со стороны государства.

Обе представленные модели предполагают прямую поддержку эндаументов со стороны государства. К косвенной поддержке можно отнести изменение законодательства, создание специальных фондов или проведение партнерских программ – привлечение внимания общества к данной теме. Государство может содействовать популяризации данной темы, демонстрировать и продвигать лучшие практики работы эндаумент-фондов разного масштаба. Кроме того, поддерживая партнерские программы и программы софинансирования, государство способствует развитию культуры благотворительности, содействует широкому распространению пожертвований, в том числе массовых и небольших.

Накопленный зарубежный опыт, несомненно, требует детального изучения точки зрения его возможного использования для дальнейшего развития модели целевых капиталов в России.

Направления развития института целевого капитала в России

Возможности функционирования эндаумент-фондов в сфере культуры за рубежом отличаются от возможностей практического применения данного института в российских условиях. Фонды целевого капитала в России сталкиваются с некоторыми ограничениями, но при этом имеют определенный потенциал для развития. Несмотря на общее положительное развитие института эндаумент-фондов, данный механизм в условиях российской специфики сталкивается с рядом ограничений.

Прежде всего, здесь важен формат взаимодействия с бизнесом, частными компаниями и, конечно же, с государством. У государства, в свою очередь, должно возникнуть другое отношение к данному институту, а не только юридическая поддержка в виде законодательной базы. Оно должно воспринимать фонды целевого капитала как важнейшую составляющую финансовой стабильности некоммерческих организаций. Важно понять, что фонды целевого капитала не просто финансовые инструменты, зависящие от экономических условий. Это важнейший индикатор социального самочувствия граждан, общества, государства [Швыдкой, 2017].

В заключение следует отметить несколько принципиально важных моментов, которые должны способствовать выстраиванию эффективной институциональной среды эндаумент-фондов в России:

1. Разрешение юридическому лицу выбирать, что относить на затраты при определении базы по налогу на прибыль (в рамках 1% выручки от реализации) – виды рекламной деятельности, для которых уже установлена такая возможность (участие в выставках, проведение розыгрышей и изготовление для них призов и т. д.), или пожертвования в НКО, которые приведут к решению социальных проблем. В области образования уже подготовлена подобная мера: Минэкономразвития разместило для общественного обсуждения проект поправок Правительства ко второму чтению законопроекта об изменениях в Налоговый кодекс РФ для мотивации организаций к участию в подготовке высококвалифицированных рабочих кадров (принят Госдумой в первом чтении в декабре 2016 г.). Поправки обещают налоговые льготы бизнесу, участвующему в обновлении материальной и учебно-лабораторной базы вузов и профессиональных образовательных организаций, а также в формировании их фондов целевого капитала. Такие затраты предлагается включить в состав расходов организаций, сократив тем самым налог на прибыль. Под льготу подпадет не более 1,5% от общего дохода от

реализации – по замыслу авторов, это убережет региональные бюджеты от значительной потери поступлений. Как полагают эксперты, данные изменения помогут увеличить стагнирующий в последние два-три года сегмент эндаумент-фондов. Бизнес-сообщество также поддерживает предложенную инициативу. В случае принятия поправок компании станут охотнее вкладывать деньги в эндаументы на долгосрочные программы развития образования и науки в российских вузах.

2. Предоставление налогоплательщику – физическому лицу права получать социальный налоговый вычет в связи с совершенным пожертвованием не напрямую, что требует больших временных затрат, а через НКО, что повысит экономическую устойчивость организаций через увеличение объема пожертвований.
3. Снятие законодательных ограничений на формирование благотворительными организациями целевых капиталов, доход от которых они будут получать ежегодно, что обеспечит долгосрочную устойчивость этих организаций. Частным благотворительным фондам при соответствующем решении их попечителей дополнительно разрешить делать взносы в целевые капиталы других НКО [Перспективные меры..., 2017. С. 15–17].
4. Расширение возможностей инвестирования средств целевого капитала в различные активы. Министерство экономического развития РФ и Центральный Банк обсуждают возможность предоставить фондам целевого капитала право самостоятельного размещения средств, без управляющей компании в случае, если фонд целевого капитала инвестирует в консервативные инструменты (банковские депозиты и пенсионные фонды).
5. Создание общего эндаумент-фонда на федеральном и региональном уровнях. Целесообразно создать систему отраслевых эндаументов «в форме независимых некоммерческих организаций на региональном и федеральном уровнях для культурной, научной и образовательной деятельности»⁵.
6. Популяризация в обществе пожертвований в эндаументы как среди граждан, которые могут стать жертвователями, так и среди профессиональных благотворителей и доноров. Большую роль здесь играют некоммерческие организации, которые взяли на себя миссию продвижения института эндаументов. В качестве конкретных практических шагов по поддержке института целевого капитала в нашей стране можно назвать деятельность Благотворительного фонда В. Потанина, одного из первых частных фондов в современной России, созданного в 1999 г. для реализации программ в сфере образования и культуры. Работа Фонда направлена на продвижение лучших практик стратегической благотворительности и меценатства, в том числе создания фондов целевого капитала. В рамках этого направления деятельности запущены программы «Эффективная филантропия» и «Развитие целевых капиталов в России», ориентированные на развитие фондов целевого капитала некоммерческих организаций как эффективного инструмента финансирования их деятельности.
7. Активизация деятельности профильных министерств по разработке и продвижению механизмов более широкого распространения фондов целевого капитала. Так, Министерство экономического развития РФ поддерживает развитие института целевого капитала, содействуя выстраиванию эффективной системы право-

⁵ Данная идея была предложена и при разработке проекта закона о культуре 2014 г., где предполагалось формирование системы эндаумент-фондов для разных видов культурной деятельности: театр, кино, музеи, художественное образование и т. д. Помимо этого, предполагалось направлять финансовые средства, полученные от института индивидуальных бюджетных назначений и маркированных налогов в эти фонды, где они будут сохраняться и накапливаться. Затем эти средства будут распределяться на конкурсной основе в виде грантов. Такой подход помог бы небольшим учреждениям культуры, которые не могут привлечь крупных жертвователей на формирование целевого капитала, использовать инвестиционный доход от общего эндаумент-фонда в качестве долгосрочной и стабильной поддержки.

вого регулирования их деятельности, формированию и распространению лучших практик деятельности эндаументов в стране.

8. Самоорганизация как самих фондов целевых капиталов, так и донорских организаций, которые могут способствовать широкому распространению эндаументов в России. Разработка и реализация партнерских программ, которые бы демонстрировали приоритетность развития данного механизма среди организаций социально-культурной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

- Киктенко Е. (2008). Цена профессионализма. Можно ли зарабатывать в благотворительности // Деньги и благотворительность. № 2 (67). С. 78–79.
- Мерсиянова И., Шашнов С., Краснопольская И. (2017). Как определить перспективы развития гражданского общества: возможности и ограничения // Информационный бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. Ноябрь. № 2 (13). С. 7–11.
- Миттра Б. (2008). Управление эндаументами и фондами // Деньги и благотворительность. № 2 (67). С. 34–40.
- Перспективные меры для развития сектора НКО (2017). // Информационный бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. Ноябрь. № 2 (13). С. 15–17.
- Ульянова Г.Н. (2005). Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука.
- Французова С. (2017). Аналитический отчет о динамике развития фондов целевого капитала за 2007–2017. Подготовлен Пензенским региональным общественным благотворительным фондом «Гражданский Союз». Пенза.
- Французова С.В., Шарипков О.В. (2017). Эндаументы. Начало: как создать целевой капитал в регионе. М.: Благотворительный фонд В. Потанина.
- Целевой капитал: как его создать и что нужно знать о функционировании данной модели: Сборник практических рекомендаций (2014) / Под общ. ред. А.А. Барковец. М.: Форум Доноров.
- Целевые капиталы: как собрать свой пазл. Неклассическое пособие для некоммерческих организаций. (2017) М.: Благотворительный фонд В. Потанина.
- Швидкой М.Е. (2017). О прекраснотушии и прагматизме // Российская газета. № 7243 (77). 14 апр.
- Эндаументы в России: вызовы времени. (2018) М.: Благотворительный фонд В. Потанина.
- The Uniform Management of Institutional Funds Act (1972). <http://www.uniformlaws.org/Act.aspx?title=Prudent%20Management%20of%20Institutional%20Funds%20Act> (дата обращения: ноябрь 2017 г.).
- Chemainus Theatre Festival (2018). Сайт театрального фестиваля в Чемеинусе. <https://chemainustheatrefestival.ca/support-us/endowment/> (дата обращения: май 2017 г.).

Хаунина Екатерина Андреевна
haunina@mail.ru

Ekaterina Khaunina
senior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences,
senior researcher fellow of the State Institute for Arts Research
haunina@mail.ru

THE ESTABLISHMENT AND OPERATION OF ENDOWMENT-FUNDS IN THE SPHERE OF CULTURE IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the institution of endowment as one of resources of financing of cultural activity in Russia. The main differences of the Russian model of endowment-funds from foreign models are designated. Undoubtedly, the implementation of the endowment model in the Russian legal framework considerably expanded opportunities of the non-profit sector of economy in its activity for public benefit. However, after more than 10 years after adoption of the law in the field of culture this institution has not been widely disseminated yet. In this regard a number of presented aspects have significant impact and act as the factors limiting development of institution of the endowment-fund in Russia, among them: tax incentives, management efficiency problems, social trust and potential philanthropists. The article concludes with some directions of development of the endowment-funds in the area of culture covering both legislative initiatives and institutional changes.

Keywords: *endowment fund, reserve funds, financing culture, tax exemptions, donations, models of state support.*
JEL Classification: H24, Z11, L31, L38, L39.

REFERENCES

- Celevoj kapital: kak ego sozdat' i chto nuzhno znat' o funkcionirovanii dannoj modeli: Sbornik prakticheskikh rekomendacij* (2014) [Endowment-fund: how to set up and what is necessary to know about functioning of given model: The handbook of practical guidance]. / Pod obshch. red. A.A. Barkovec. M.: Forum Donorov.
- Celevye kapitaly: kak sobrat' svoj pazl. Neklassicheskoe posobie dlya nekommercheskih organizacij (2017) [Endowment-funds: how to collect the puzzle. A nonclassical handbook for non-profit organizations]. M.: Blagotvoritel'nyj fond V. Potanina.
- Chemainus Theatre Festival* (2018). Available at: <https://chemainustheatrefestival.ca/support-us/endowment/> (accessed: May 2017).
- Enndaumenty v Rossii: vyzovy vremeni.* (2018). [Endowment-funds in Russia: current challenges]. M.: Blagotvoritel'nyj fond V. Potanina.
- Francuzova S.* (2017). Analiticheskij otchet o dinamike razvitiya fondov celevogo kapitala za 2007–2017. [The analytical report on dynamics of the development of endowment-funds for 2007–2017.]. Podgotovlen Penzenskim regional'nym obshchestvennym blagotvoritel'-nym fondom «Grazhdanskij Soyuz». Penza.
- Francuzova S.V., Sharipkov O.V.* (2017). Endaumenty. Nachalo: kak sozdat' celevoj kapital v regione [Endowment-funds. The Beginning: how to create endowments in the region]. – Moskva: Blagotvoritel'nyj fond V. Potanina.
- Kiktenko E.* (2008). Cena professionalizma. Mozhno li zarabatyvat' v blagotvoritel'nosti. [The value of professionalism. Whether it is possible to earn in charity]. // Den'gi i blagotvoritel'nost'. № 2 (67). S. 78–79.
- Mersiyanova I., Shashnov S., Krasnopol'skaya I.* (2017). Kak opredelit' perspektivy razvitiya grazhdanskogo obshchestva: vozmozhnosti i ogranicheniya [How to define the prospects of development of civil society: opportunity and restrictions] // Informacionnyj byulleten' o razvitii grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v RF. Noyabr'. № 2 (13). S. 7–11.
- Mitra B.* (2008). Upravlenie ehndaumentami i fondami. [Management of endowments and funds]. // Den'gi i blagotvoritel'nost'. № 2 (67). S. 34–40.
- Perspektivnye mery dlya razvitiya sektora NKO* (2017). [Perspective measures for development of the sector of NPO]. // Informacionnyj byulleten' o razvitii grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v RF. Noyabr'. № 2 (13). S. 15–17.
- Shvydkoj M.E.* (2017). O prekrasnodushii i pragmatizme [About starry-eyed idealism and pragmatism] // Rossijskaya gazeta. № 7243 (77). 14 apr.
- The Uniform Management of Institutional Funds Act* (1972). Available at: www.uniformlaws.org/Act.aspx?title=Prudent%20Management%20of%20Institutional%20Funds%20Act (accessed: July 2017).
- Ul'yanova G.N.* (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii, XIX – nachalo XX veka. [Charity in the Russian Empire, XIX – the beginning of the 20th century]. M.: Nauka.

К.А. Фурсов

к.и.н., Институт экономики РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва

БРИТАНСКАЯ ОСТ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ: ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МУТАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема двойственной, политико-экономической, природы одного из ключевых предприятий раннего капитализма – британской Ост-Индской компании (1600–1874). В центре исследования – ее трансформация в Индии из купеческой корпорации в территориальную державу в XVIII в. Подчеркнута исходная гибридность компании и прослежено раскрытие заложенного в ней властного потенциала. Оно вывело торговую фирму в конкуренты сразу двух типов политических структур – индийских патримоний и британского государства. У компании выделены черты сходства с обоими этими типами. На их основе объяснены причины победы компании над патримониями и ее проигрыш государству в XIX в. Сделан вывод о неадекватности Ост-Индской компании как монопольной торговой организации промышленному капиталу и персонификатору его функции – государству. Случай институциональной мутации Ост-Индской компании подчеркивает взаимозависимость и взаимопереход политической и экономической сфер жизни, что стало особенно очевидным в эпоху глобализации. .

Ключевые слова: *Ост-Индская компания, капитализм, полития, государство, патримония.*

Классификация JEL: F54, N43, N45, N73, N75.

В 1600 г. королева Англии (1558–1603) Елизавета I даровала группе лондонских купцов хартию, по которой была инкорпорирована английская (позднее британская) Ост-Индская компания (1600–1874). Эта удивительная организация сыграла выдающуюся роль в подъеме британского капитализма. Она внесла весомый вклад в эволюцию организации бизнеса (одно из первых акционерных обществ в истории), процесс накопления капитала (до 15% капиталов в Британии), становление государственной кредитной системы (регулярные займы правительству в XVIII в.) и даже в производство через стимулирование импортзамещения, что содействовало британской промышленной революции (подробнее см.: [Фурсов К., 2016]).

Роль британской Ост-Индской компании этим далеко не исчерпывается. Внесла она и решающий вклад в подъем Второй Британской империи – владений Британии в афроазиатском мире, которыми та обросла после потери в 1783 г. североамериканских колоний. Компания выступила завоевателем и администратором имперских территорий – сначала по собственной инициативе, затем при поддержке своего государства.

В этом и состоит необычность Ост-Индской компании – в ее двойственной природе. С одной стороны, компания была купеческой корпорацией, целью которой было ввозить с Востока различные виды товаров. Она сразу получила от короны право монопольной торговли с Востоком, а позднее подкрепила его торговыми льготами от правителей азиатских политий¹, прежде всего Могольской империи в Индии. С другой стороны, исходно

¹ Полития – принятый в современной отечественной и западной науке термин, обозначающий любую властную структуру в мировой истории. Разновидностями политии выступают мегаобщина (в том числе древнегреческий полис), патримония, государство (*state*). В анализе форм властной организации термин «полития» позволяет соблюсти принцип историзма, прежде всего отграничить форму власти в капиталистической системе (государство) от всех иных.

компания обладала такими качествами, которые среди экономических организаций ставят ее (вместе с голландским и французским аналогами) особняком и позволяют говорить о ней как о структуре политической.

Понимание властной ипостаси Ост-Индской компании – задача не только политической, но и экономической истории. Оно позволяет адекватнее понимать специфику функционирования этого политико-экономического агента Британии, который в значительной степени сформировал современный мир. Актуальность теме добавляет сходство Ост-Индских компаний XVII–XIX вв. с современными транснациональными корпорациями, которые тоже ведут деловые операции в разных частях света и сочетают экономические формы деятельности с политическими, а подчас и военными.

Цель настоящей статьи – проследить механизм превращения купеческой организации во властную структуру и взглянуть на Ост-Индскую компанию как на конкурента современных ей политий.

1. Накопление политических черт

Уже по хартии 1600 г. корона делегировала Ост-Индской компании законодательную, исполнительную и судебную власть над ее служащими и право на самостоятельную внешнюю политику. Делегирование таких широких прав было неслучайным, его требовала сама природа деятельности компании. Ведь это была монопольная организация, ведущая торговые операции в другой части света, где Англия как государство еще никак не присутствовала. Для Англии Ост-Индская компания стала не только торговым, но и дипломатическим и военным инструментом проникновения в Азию. Для успешного функционирования компания должна была сама выступить для своего персонала в роли государства.

Помимо прочего, это требовало от компании готовности применять вооруженную силу – как к своим служащим (отправление полицейских функций), так и к другим властным организациям, какими были афро-азиатские политии разного масштаба. Уже первые «ост-индцы», как называли корабли Ост-Индской компании, отправлялись в дальний путь, щедро оснащенные пушками. Обычным опорным пунктом компании была фактория – торговое подворье, где селились ее служащие, складировались и реализовывались товары. По получаемым от индийских правителей грамотам компания пользовалась в факториях правом экстерриториальности (самоуправления). Так, ее служащие подлежали судебной власти комиссаров, наделенных королем правом судить военным судом, и президента и совета фактории, обладавших гражданской юрисдикцией. Первым известным случаем применения упомянутого права в фактории в гуджаратском порту Сураат был расстрел в 1616 г. одного англичанина за убийство другого [Kaue, 1966. P. 66]. Несмотря на экстерриториальность, компания, видя уязвимость бизнеса восточных купцов, стремилась лишиться власти физической возможности арестовывать ее людей и товары и диктовать свои условия. Наместники Могольской империи сплошь и рядом игнорировали шахский *фирман* (указ) о торговых льготах компании и облагали ее поборами [The English Factories..., 1906. P. 151; 1908. P. 246; Letters..., 1901. P. 77].

Поэтому уже в первой половине XVII в. компания стала искать способы вывести очаги своей деятельности из-под контроля азиатских правителей. Уже в 1639 г. она арендовала у одного из *наяков* (мелких правителей) Коромандельского берега Индии рыбацкую деревню Мадрас и вскоре возвела там крепость (форт св. Георга). В 1668 г. она получила от собственного короля (1660–1685) Карла II остров Бомбей с замком (король получил его от португальцев, но не хотел обустраивать сам). В 1696 г. компания начала строить крепость (форт Уильям) вокруг своей фактории в Калькутте. Фактории, обнесенные стенами с пушками, позволили компании чувствовать себя в относительной безопасности. Теперь в слу-

чае ее конфликтов с индийскими властями те могли арестовать товары и сопровождавших их лиц в глуби страны, но брать фактории-крепости было накладно (тогда рычагом выступала блокада).

При поздних Стюартах компания обрела ряд привилегий, которые расширили ее политический потенциал. Так, в 1676 г. Карл II разрешил ей чеканить индийские деньги в Бомбее. По хартии 1683 г. компания получила право объявлять войну нехристианским народам, назначать морских офицеров с полномочиями набирать и обучать моряков и солдат, а также судить военным судом; по хартии 1686 г. короля (1685–1688) Якова II – вводить военное положение на судах и в факториях и т.д. По той же хартии компания получила право самой издать хартию с целью основать в Мадрасе муниципалитет. Право создавать хартией муниципальные корпорации было одной из важнейших прерогатив короны [Ilbert, 1898. P. 23], а значит, Яков делегировал компании еще одно важное государственное качество.

Перечисленные полномочия позволили лидеру компании сэру Джозае Чайлду (формально или неформально возглавлял ее в 1680–90-е годы) заявить в 1687 г., что она превратилась в «суверенное государство в Индии» [Hunter, 1919. P. 303–304]. Безусловно, это было преувеличение: большинство торговых пунктов компании оставались факториями в подконтрольных Моголам городах, да и форты были «островками» в «море» имперских владений. Однако, уверившись в своей военной силе и переоценив значение своей торговли для индийской экономики, директора компании в 1686 г. объявили шаху (1658–1707) Аурангзебу войну. Причиной были неумеренные поборы наместника Бенгалии (1664–78) Шаиста-хана.

Однако компания опередила свое время. Это в XVIII–XIX вв. она будет в состоянии воевать с индийскими политиями и громить их. В XVII в. еще существовала общеиндийская держава – Могольская империя, которая, несмотря на начавшиеся центробежные тенденции, могла нанести ответный удар. Англичане разграбили восточноиндийские города Хугли и Балешвар, а в Аравийском море захватили несколько десятков торговых судов. Тогда имперские войска выгнали англичан из Бенгалии, а флот зависимых от Моголов выходцев из Эфиопии осадил Бомбей. В 1690 г. компания униженно просила мира, обязалась выплатить 150 тыс. рупий и «не вести себя в будущем так постыдно» [Keay, 1991. P. 144–146, 164].

Несмотря на поражение в войне 1686–90 гг., сам факт ее ведения говорил о переходе Ост-Индской компании в новое качество. Конечно, к вооруженному насилию она прибегала и раньше – например, в 1612 г. с целью заставить Моголов открыть для ее судов их крупнейший торговый порт Сураат. Однако теперь компания обладала не только военно-морским флотом, но и укрепленными поселениями на индийской территории.

Таким образом, уже к концу XVII в. Ост-Индская компания была больше, чем компанией. Социально-экономические и социально-политические процессы как в Южной Азии, так и на родине благоприятствовали ее дальнейшему продвижению по пути превращения в политику.

В XVIII в. компания приобрела в Индии небывалый экономический вес. Так, в торговле Сураата к 1740 г. на ее долю приходилось около половины [Das Gupta, 2001. P. 157]. Пропорционально экономической мощи британцев росли города – центры президентств, т.е. трех главных факторий: Мадраса, Бомбея и Калькутты. Укрепленные анклав сулили индийцам безопасность и более прочные права собственности. Поэтому в них переселялись купцы – агенты, посредники и партнеры компании, а также ремесленники, работодателем которых она являлась. По словам хрониста XVIII в. Гулама Хусейна, Калькутта росла обратно пропорционально населению могольского порта Бенгалии Хугли, – благодаря тому, что британцы оказывали жителям покровительство и обеспечивали им защиту [Ghulam Husain, 1898. P. 33]. Города под управлением компании становились сопоставимыми с круп-

нейшими городами Индии. Население Мадраса к 1746 г. достигло примерно 150 тыс. человек [Lawford, 1978. Р. 69], Калькутты к 1735 г. – 100 тыс., Бомбея к 1744 г. – 70 тыс. [Roberts, 1952. Р. 70–71], тогда как население имперских городов Лахора, Дели и Агры сократилось за XVIII в. с 400 тыс. до 100 тыс. человек [Bayly, 1983. Р. 112]. Рост городов влек расширение британцами фортов и увеличение гарнизонов. Например, к середине XVIII в. численность войск в Бомбее достигла 1600 солдат [Lawford, 1978. Р. 58].

Так появление у Компании фортов запустило процесс их превращения в новые центры политической силы – хотя до поры европейское присутствие оставалось «точечной оккупацией» [Braudel, 1979. Р. 621]. Соответственно, если формально компания обладала в Индии суверенитетом только в Бомбее, теперь она была склонна трактовать как суверенитет и свою экстерриториальность в фортах на континенте. Например, в 1740–1750-е годы британцы несколько раз давали понять бенгальскому *навабу* (мусульманскому правителю, формально наместнику Моголов), что не признают его власти над индийским населением Калькутты [Gupta, 1962. Р. 38–39]. Это при том, что юридически компания территорию города у *наваба* арендовала. А в 1739 г. она заключила договор о добрососедстве с первым министром (1720–40) Маратхской державы Баджи Рао I [A Collection..., 1812. Р. 477–482]. Несмотря на ряд уступок со стороны компании (таких, как отказ от права выдачи пропусков индийским судам), этот договор стал первым договором британской торговой фирмы на равных с крупной индийской политией.

Объективно рост центров президентств постепенно превращал их не только в экономических и демографических, но и в политических конкурентов индийских властных структур. Этому способствовал распад Могольской империи в первой половине XVIII в. С фактическим уходом имперского правительства центры президентств компании медленно, но неуклонно приближались к уровню влияния политий – преемниц султаната, таких как *навабства* Бенгалия (на северо-востоке) и Карнатик (на юго-востоке).

Данные процессы были бы невозможны без параллельного усиления позиций Ост-Индской компании в Англии (с 1707 г. Великобритания). На родине компания пользовалась постоянной поддержкой кабинета и парламента ввиду своего веса во внешней торговле страны, а еще более – своей роли в государственной кредитной системе. Это стало возможным благодаря «славной революции» 1688 г. и появлению у Англии национального долга, который превратил ее в «фискально-военное государство», способное изыскивать на военные нужды крупные суммы денег, главным образом путем долгосрочных займов [Crouzet, 2002. Р. 68]. Вместе с Английским банком (и какое-то время с Компанией южных морей) Ост-Индская компания стала одним из столпов этой системы и на протяжении большей части XVIII в. ссужала правительство крупными суммами. Уже при реорганизации компании в 1709 г. она предоставила ему весь свой капитал (3,2 млн ф. ст.) в виде консолидированного займа [Chaudhuri, 1978. Р. 20]. Соответственно, парламент несколько раз продлевал монопольную хартию компании, а в годы войн за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней (1756–1763) оказывал ей помощь королевскими войсками и флотом.

2. Прорыв торговой корпорации во власть

Именно масштабный конфликт Британии с европейским военно-экономическим соперником – Францией – середины XVIII в. стал катализатором превращения Ост-Индской компании в территориальную державу. В Индии названные войны велись как войны двух компаний – британской Ост-Индской и французской Компании Индий. Обе торговые фирмы набрали крупные армии *сипаев* (индийских солдат) и развернули боевые действия на территории южноиндийских княжеств Карнатик и Хайдарабад. При

этом выяснилось, что в военном отношении европейские купцы уже на порядок сильнее индийских властителей. Показательным стало сражение под оккупированным французами Мадрасом 1746 г. Когда наваб Карнатика не без основания счел войну компаний на его территории самоуправством и послал войско навести порядок, французы отогнали его, ошеломив мушкетным и пушечным огнем.

Если не считать победу посланного Петром I князя А. Бековича над войском хивинского хана в 1717 г., победа французов под Мадрасом впервые продемонстрировала многократное превосходство европейской военной дисциплины и вооружения. Выйти из-за стен своих фортов, где европейцы укрывались от индийских властей, их заставила война друг с другом – и тут оказалось, что укрываться надо властям. Поэтому князья Южной Индии стали искать союза с европейцами, чтобы использовать их армии в междоусобных войнах. Европейские компании отреагировали на этот спрос на рынке военных услуг и стали, по сути, сдавать войска в аренду. В ходе войны на юге британцы в начале 1760-х годов не только одолели французов, но и поставили под контроль своего работодателя – наваба Карнатика (1751–95) Мухаммада Али. Купеческая корпорация диктовала свою волю правителю обширной области. Правда, до аннексии Карнатика в 1801 г. «державность» компании выражалась здесь лишь в наличии крупной сухопутной армии и косвенном сборе налогов через получаемую от наваба субсидию.

Беспрецедентный прорыв во власть компания в третьей четверти XVIII в. осуществила в другой стране Индии – Бенгалии.

В 1756 г. у руководства фактории в Калькутте возник конфликт с навабом (1756–1757) Сираджем-уд-даула. Видя, как европейцы на юге Индии ставят правителей в военную зависимость, он потребовал от британцев скрыть новые укрепления, перестать злоупотреблять *дастаком* (документ, освобождавший товары от пошлины) и выдать бежавшего под их защиту сторонника враждебной навабу придворной группировки. Однако калькуттский совет повел себя вызывающе, по сути бросив вызов власти Сираджа. Тот подступил к форту Уильям, и британцы в панике бежали вниз по реке.

Наваб не собирался изгонять британцев из Бенгалии вовсе, а хотел лишь вернуть в «начало игры», к положению простых купцов. На деле он спровоцировал их пойти ва-банк. На юге Индии компания выковала в боях с французами сильную армию, поэтому вернуться собиралась только на своих условиях. Переброшенная в Бенгалию, эта армия под командованием подполковника Р. Клайва разбила Сираджа в 1757 г. в сражении при Палаше. Исход боя решил не только военное превосходство европейцев, но и подкуп $\frac{3}{4}$ бенгальского войска бенгальским же купечеством. К этому времени на Ост-Индскую компанию оказался завязан слишком большой сегмент экономики страны, и местные купцы не могли позволить себе лишиться ключевого торгового партнера. Им было легче поменять наваба. Так экономическая сила компании плавно перетекала в политическую.

Посадив на трон нового наваба (1757–1760, 1764–1765) Мир Джафара, Клайв заверил его, что компания не собирается вмешиваться в управление и ее забота в Бенгалии – лишь торговля, ее «надлежащая область деятельности и единственная цель» [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 2]. Подполковник не лицемерил, но процесс превращения компании в правителя Бенгалии уже запущен, какие бы скромные цели ни ставили сами британцы. В Калькутте поняли: получив небывалые экономические выгоды силовым путем, только так же компания сможет их удержать.

Эти выгоды сводились в конечном счете к доступу к бенгальской казне. Новый наваб продолжал нуждаться в военной защите компании, поэтому стал ежемесячно платить ей 1,1 лакха² рупий [Marshall, 1987. P. 83]. Если раньше компании приходилось погашать военные расходы из торговых прибылей, теперь это делали за нее индийские налого-

² Лакх – число 100 тыс. в индийской традиционной математической системе.

плательщики. Более того, компания смогла переливать средства в обратном направлении – из внекоммерческой сферы в коммерческую, на торговые операции. Получение внеэкономического источника доходов позволило ей резко сократить импорт в Индию серебра, а его импорт в Бенгалию прекратить вовсе: на покупку товаров страны компания стала тратить ее же деньги. В 1757–1785 гг. она вывезла намного больше серебра в свою факторию в Бенкулу на Суматре, чем во всю Индию [Bowen, 2006. P. 224].

Кроме того, доступ к власти позволил компании широко злоупотреблять дастакком, причем теперь никто ей и слова не мог сказать. В довершение всего на участии компании в перевороте и ее последующих действиях в сфере власти ее служащие хорошо нажились лично: получали богатые подарки от навабов и знати. В 1757–1772 гг. их общая стоимость составила около 2,5 млн ф. ст. [Marshall, 1976. P. 179].

Переворот Палаши обернулся революцией: власть бенгальских навабов стала переходить в руки европейской торговой корпорации. К 1757 г. компании недоставало в Бенгалии только политической власти, соразмерной ее экономическому влиянию и военной мощи. Поэтому, когда бенгальские заговорщики использовали ее в своих интересах, компания взяла намного больше власти, чем они рассчитывали.

Опираясь на свое военное превосходство, компания налагала на Мир Джафара все новые финансовые обязательства. Когда он перестал уступать, она сменила его на Мир Касима (1760–1764), который передал ей на откуп три доходных округа и погасил долг перед нею. Однако поскольку терпение Мир Касима оказалось тоже не безграничным, британцы в короткой войне разбили его и выдворили из Бенгалии, вернув Мир Джафара. По договору 1765 г. с сыном последнего компания по сути отправила наваба на пенсию: заставила передать управление своему ставленнику (пока это был еще индеец – Реза-хан), которого, в свою очередь, контролировал британский резидент (формально посол). Кроме того, компания установила контроль над внешней обороной Бенгалии и над ее налоговой системой: назначение и смещение окружных *мутасадди* (налоговых чиновников) подлежало одобрению губернатора и совета Калькутты. Рупии калькуттской чеканки получили право свободно ходить по стране наравне с теми, что чеканились на монетном дворе наваба в его столице Муршидабаде [A Collection..., 1812. P. 40–42]. Компания становилась альтернативным правительству страны эмиссионным центром.

Так британская купеческая корпорация начала превращаться в индийскую территориальную державу³. Этому способствовало соединение двух логик: логики развития самой компании, готовой использовать любые источники дохода ради увеличения прибыли, и логики внутрииндийского хода событий. Дело в том, что с конца XVII в. в Южной Азии набирал силу процесс «коммерциализации власти» (термин кембриджского индолога К. Бэйли), благодаря которому торговля, власть, военное дело и откуп налогов оказались тесно переплетены, и крупному предпринимателю стало необходимо действовать во всех этих сферах сразу [Bayly, 1988. P. 46]. Ост-Индская компания вписалась в этот процесс, пожалуй, лучше самих индийских акторов (правителей и купеческих домов) – благодаря своей гибридной природе. Залогом ее успешной конкуренции с ними были ее военная сила (включая морской флот), масштабный импорт в Индию серебра и экспорт тканей, эффективные методы сбора налогов и наличие доходов далеко за пределами Индии вследствие включенности в многостороннюю систему торговли.

³ С этого же времени под воздействием успешных войн с Францией аналогичным образом начал меняться характер Британской империи в целом: ее торговый характер стал уступать место политическому. В 1762 г. при обсуждении условий мирного договора с Францией в Британии высказывались мнения, что предпочтительнее забрать у французов не Канаду, а их ценные в коммерческом отношении колонии в Вест-Индии. Однако возобладала точка зрения военного министра У. Питта-старшего, стоявшего за экспансию в Северной Америке. «Эта близорукая расчетливость потерпела поражение от мощной новой империалистической тенденции, одержавшей убедительную победу над идеей простой торговой и налоговой эксплуатации колоний. Возникло понятие мировой морской империи» [Dehio, 1962. P. 120].

Кстати, эта включенность стала важным фактором, толкнувшим компанию к диверсификации источников доходов. После 1760 г. резко упала добыча золота в Бразилии (с 15 до 5 т в год), а рост добычи серебра в альтернативном источнике драгоценных металлов – Мексике – возобновился лишь с 1775 г. Именно в этом контексте флуктуаций в мировой экономике следует рассматривать британскую экспансию в Индии второй половины XVIII в. [Frank, 1978. P. 116, 150]. Поскольку Ост-Индская компания была экономическим феноменом мирового уровня, неудивительно, что к захвату власти в отдельно взятой стране ее подтолкнули экономические колебания в противоположной части земного шара.

В 1765 г. компания подкрепила свои политические позиции в Индии, заставив могольского императора (1759–1806) Шаха Алама II назначить ее саму на должность *дивани* (сборщика налогов) Бенгалии. Это стало возможным после того, как британцы разбили напавшего на Бенгалию наваба (1754–1775) соседнего Авадха Шуджу-уд-даула, в свите которого и находился император. В ту пору могольские шахи окончательно стали марионетками группировок знати, но юридически по-прежнему были источником всех пожалований. Захватив Могола в плен, британцы не упустили случая легитимизировать свой прорыв во власть. Получив право *дивани*, европейская коммерческая фирма официально стала налоговым чиновником (что необычно – коллективным) и заняла место в имперской административной иерархии. В Могольской империи каждую провинцию возглавляли два теоретически независимых друг от друга чиновника: наваб (*назим*) осуществлял военную власть и уголовную юрисдикцию, а дивани – сбор налогов и юрисдикцию гражданскую. Обретение дивани избавило компанию от необходимости каждый раз давить на наваба с целью вырвать нужную сумму. Компания стала законным образом получать с каждой поступающей в казну рупии 10 *ана*⁴, а наваб – остальные 6 [Ghulam Husein, 1898. P. 386]. Не упустила она и разбитого наваба Авадха: заставила его (пусть пока и от имени бенгальского наваба) заключить военный союз, т.е. вступила в отношения с соседней политией как полития же.

Став диваном, компания была вправе посадить своих людей на сбор налогов. Однако вместо этого она ввела систему «двойного управления»: семь лет (1765–1772) просто получала налоги Бенгалии, которые собирал для нее старый административный аппарат. Во-первых, тот же Клайв отдавал себе отчет в том, что прямое превращение компании в правителя одной из стран Индии вызовет протесты европейских держав [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 9]. Несмотря на победу в Семилетней войне (которая была переломом в англо-французской «Второй Столетней войне» 1689–1815 гг.), Британия еще не обладала в Европе бесспорным перевесом сил. Во-вторых, указанное семилетие стало для компании испытательным сроком.

Это был переходный период от купца к державе-купцу. В 1760-е годы у компании еще не было в Бенгалии достаточного числа служащих, чтобы заполнить административный аппарат, а у служащих – соответствующей квалификации. Одно дело – торговать или даже стоять за тронem, другое – управлять и нести за это ответственность. Ко второй ипостаси требовалось привыкнуть и подготовиться. Экономическим выражением этой турбулентной ситуации стал конфликт двух компонентов деятельности компании – ее интересов как (становящегося) правителя Бенгалии и как торгового монополиста в этой стране. Наиболее дальновидные представители компании предупреждали, что противоположность друг другу этих интересов чревата разорением и компании, и страны [Indian Constitutional Documents, 1948. P. 10–12].

Примирение этих интересов требовало от компании подойти к экономике, по сути, собственного владения более ответственно. Для этого следовало окончательно отодвинуть наваба. В 1772 г. совет директоров велел упразднить систему «двойного управления». По

⁴ Монета в $1/16$ часть рупии.

приказу губернатора Калькутты (1772–1774) У. Хейстингса Реза-хан и два его заместителя были арестованы по обвинению в хищениях и судимы, но оправданы: обвинение послужило британцам лишь предлогом для коренной реформы управления [*Видьявачаспати*, 1956. С. 47]. Сбором налогов и отправлением гражданского правосудия занялись чиновники-британцы. Губернатор Калькутты и его совет стали высшей судебной инстанцией и для уголовных судов. Показательно, что в том же году Хейстингс отменил дастак.

Переориентация компанией на себя всех ветвей власти в Бенгалии в целом завершила ее становление как индийской державы. Важно, что к этому времени компания набрала необходимое для этого количество служащих (а те – необходимый опыт). Если в 1750-е годы в Бенгалии насчитывалось около 70 служащих компании, к 1773 г. их численность достигла 250 человек [*Marshall*, 1976. Р. 15]. Еще важнее то, что британский купец свыкся с ролью бенгальского правителя.

Чтобы запустить процесс трансформации Ост-Индской компании в политику, британцам было достаточно установить контроль над какой-то одной страной Индии – главное было начать. Говоря языком американского экономиста У.У. Ростоу, конец 1750-х – начало 1770-х годов в Бенгалии стали для компании периодом взлета (*take-off*) к сущности политики. Это был качественный скачок, после которого процесс стал самоподдерживающимся.

Дальнейшая история Ост-Индской компании как политики – история детализации административной системы в ее владениях и история территориальной экспансии с целью перевести в разряд этих владений максимально возможную часть Южной Азии.

Основные реформы управления были проведены в конце XVIII – начале XIX в. Согласно земельно-налоговой реформе 1793 г. генерал-губернатора (1786–1793) маркиза Корнуоллиса, в Бенгалии и Южной Индии были введены две разные системы землеустройства. Согласно его же административной реформе в духе английского философа Дж. Локка (1632–1704) с его идеей разделения властей, сбор налогов был отделен от суда.

Собирателем земли индийской компания выступала на протяжении более долгого периода, с середины XVIII по середину XIX в. В результате четырех войн с южноиндийским княжеством Майсур, трех – с союзом маратхских политий и двух – с империей сикхов в Панджабе, а также череды аннексий, в том числе вполне лояльных ей княжеств (Карнатик, Авадх и др.), она стала ведущей державой субконтинента. Из торгово-территориальных единиц ее президентства превратились в административно-территориальные, осуществляя политическую власть над всем населением соответствующих регионов. Со своими контрагентами-политиями компания вела себя всецело как еще одна полития Индии, со своими территориальными интересами, заботами об обороне границ и т.д. (подр. см.: [*Фурсов К.*, 2006. С. 184–266]). Когда в 1803 г. британцы отняли у маратхов Дели и Шах Алам II перешел под их контроль окончательно, компания добилась от него нового назначения: заставила передать ей имперский титул *вакиль-уль-мутлак* (полномочного регента). Так компания поднялась еще на одну, предпоследнюю, ступень в иерархии Могольской империи (выше стоял только шах). Это было сделано, чтобы узаконить завоевания британцев во второй англо-маратхской войне 1803–05 гг. Для внедрения в сферу власти в Индии компания продолжала использовать индийские же институты.

Уже к 1830 г. британская Ост-Индская компания правила страной с населением 101 млн человек и площадью 513 тыс. кв. миль [*Maddison*, 2001. Р. 112, table 2–29]. Законодательный совет генерал-губернатора в Калькутте издавал для Индии законы, Исполнительный совет эти законы исполнял, а судебные органы компании и короны отправляли правосудие. Британская Индия делилась на *дистрикты* (округа) во главе с *коллекторами* (сборщиками налогов) и *магистратами* (уголовными судьями). Вкраплениями в Британской Индии существовали зависимые от нее княжества под надзором резидентов.

3. Реакция британского государства

Сущность Ост-Индской компании как политики отражалась не только в том, что она накопила некоммерческие черты и в середине XVIII в. пустила их в ход ради рывка во власть в Индии. Отражалась она и в том, что британское государство остро почувствовало в компании властного конкурента. Став правителем Бенгалии, компания, по сути, трансформировала дарованное ей короной и парламентом самоуправление (уже имеющуюся власть над собственными служащими) в политическую власть над населением целой азиатской страны. Население Англии и Уэльса в 1771 г. составляло 7 млн человек [Deane, Cole, 1962. P. 6, table 2], Бенгалии значительно больше – около 30 млн. Армия Британии в 1764 г. насчитывала 45 тыс. человек [Mallinson, 2011. P. 158], «туземная» часть бенгальской армии Ост-Индской компании к 1768 г. сопоставимо – 25 тыс. сипаев [Marshall, 1987. P. 94]. В середине XVIII в. Ост-Индская компания – британский подданный – стала неподвластной собственному государству в своем индийском качестве. У Британии имелся механизм контроля компании как корпорации лондонских купцов (продление хартии на торговую монополию), но не было механизма контроля ее же как индийского правителя.

На аномалию, при которой торговая фирма безраздельно правит целой азиатской страной (Бенгалией), британские правящие круги обратили внимание довольно быстро. К тому же выходцы из компании стали угрожать политическим позициям земельной аристократии в самой Британии. В 1760-е годы сказочно разбогатевшие в Индии служащие компании стали возвращаться на родину; в британском обществе их издевательски величали «набомами» (искаж. от «наваб»). Многие из них перекупали места в палате общин, оттесняя представителей знати и вызывая у них раздражение. В 1784–90 гг. таких депутатов-нуборишей набралось уже 45 человек (при общей численности палаты в 558 членов) [James, 1997. P. 48]. Более того, в британском обществе стали опасаться, что такие люди и вообще Ост-Индская компания могут «заразить» страну восточными методами управления и попортить ее свободы. К тому же политические партии Британии стремились сами получить доступ к индийским ресурсам. Ко всем этим противоречиям добавлялось геополитическое: став бенгальским правителем, компания выступила как континентальная держава внутри Британской морской империи.

Предлогом для начала вмешательства парламенту послужили экономические злоупотребления компании. Весть о приобретении ею дивани Бенгалии вызвала скачок стоимости акций со 164 пунктов в 1766 г. до 273 в 1767 г., и акционеры проголосовали за повышение дивиденда с 6 до 10, а вскоре и до 12,5%. Это безответственное, выгодное спекулянтам решение ударило по репутации компании в финансовых кругах [Sutherland, 1952. P. 141, 146].

Сначала, в 1767 г., парламент по акту канцлера казначейства (1766–1767) Ч. Тауншенда обязал компанию ежегодно платить 400 тыс. ф. ст. Эти выплаты были четко увязаны с ее правом на Бенгалию, т.е. государство, по сути, обложило компанию данью. Казначейство намеревалось за ее счет поправить свои дела после Семилетней войны, которая ввергла Британию в самую длительную в XVIII в. экономическую депрессию 1765–69 гг. [Ashton, 1959. P. 173, table].

Затем, в 1773 г., правительство провело Акт о регулировании премьер-министра (1770–1782) Ф. Нортона, по которому государство создало рычаги воздействия на компанию: директора должны были выбираться не на один, а на четыре года, был вдвое повышен избирательный ценз акционеров, а Бомбейское и Мадрасское президентства были подчинены генерал-губернатору в Калькутте. Им становился действующий губернатор Бенгалии Хейстингс, но и он, и четыре его советника были назначены не директорами, а короной [Documents / Marshall, 1968. P. 111–115]. Высший судебный орган Британской Индии был выведен из-под юрисдикции компании вовсе: вместо муниципального суда в Калькутте учреждался королевский «Верховный суд правосудия в форте Уильям». Кроме того, госу-

дарство приступило к разъединению торговых и административных функций компании: ее налоговым и судебным чиновникам и их агентам запрещалась купля-продажа товаров.

Акт о регулировании был половинчатой мерой. Его следствием стала борьба в Калькутте сторонников компании (генерал-губернатор У. Хейстингс и один из его советников) и государства (Ф. Фрэнсис и два других советника). Хейстингс победил, но против компании работало время. Смирившись в 1783 г. с потерей североамериканских колоний, Британия уже в следующем году компенсировала ее себе контролем над азиатской империей своей Ост-Индской компании. В 1784 г. парламент принял Индийский акт премьер-министра (1784–1801) У. Питта-младшего. Над советом директоров компании был надстроен правительственный орган – Контрольный совет, задачей которого было надзирать за всей некоммерческой деятельностью компании на Востоке: налоговой, административной, военной, дипломатической. Совет директоров обязывался «следовать тем приказам и предписаниям, которые он будет время от времени получать от упомянутого совета относительно гражданского или военного управления и налогообложения территориями и владениями упомянутой Объединенной компании в Ост-Индии» [*Hansard's Parliamentary History...*, XXIV. P. 415–416]. Король получил право смещать генерал-губернатора, губернаторов Бомбея и Мадраса и их советников, а собрание акционеров не могло отменять или изменять приказы совета директоров после их одобрения королем (на практике – Контрольным советом). У директоров сохранялись торговля и патронаж – право назначать всех служащих компании (это служило директорам источником основного дохода).

Так, в 1784 г. в управлении Британской Индией установилась система диархии (двоевластия): государство и Ост-Индская компания стали партнерами в управлении Индией, причем неравноправными. Следует оговориться, что смотреть на акт Питта как на попытку Уайтхолла контролировать компанию в интересах государства будет несколько упрощением, осовремениванием ситуации. Политика XVIII в. не знала таких вещей, как беспристрастный контроль со стороны гражданской службы или четкое разделение государственных и частных интересов. И в компании, и в палате общин существовало много групп интересов, боровшихся за должности и патронаж [*Nightingale*, 1970. P. 8]. И все же, особенно в ретроспективе, акт Питта утвердил верховенство государства над компанией. Он определил принципы управления Индией до его перехода непосредственно к короне в 1858 г. В истории капитализма британская Ост-Индская компания стала первым частным предприятием с государственным регулированием.

Поставив компанию как политику под государственный контроль, парламент «подсластил пилюлю», приняв еще один закон для нее уже как торговой организации. Это был Акт о замене (*Commutation Act*) 1784 г., который вдeсятеро (со 119 до 12,5%) сократил пошлину на ввозимый компанией китайский чай⁵.

Конец XVIII – первая половина XIX в. ознаменовались в истории компании одновременно ее неуклонным наступлением в Индии и отступлением в Британии. В Индии происходило качественное (через реформы управления) и количественное (через территориальную экспансию) усиление контроля компании над местными обществами. В Британии же государство посредством регулярных актов парламента поэтапно присваивало административные полномочия компании. Получалось, что империю в Индии компания объективно строила не для себя. (Правда, юридически она выступала правителем индийских

⁵ Этот закон имел всемирно-экономическое значение. В торговле Британии с Азией он привел к резкому росту британского импорта чая. Поскольку Ост-Индская компания закупала чай на средства от сбыта в том же Китае бенгальского опиума и гуджаратского хлопка-сырца, получило импульс и их производство. Это, в свою очередь, толкнуло развитие Бомбея и военную экспансию компании в Индии. Потребность в перевалочном пункте на пути в Китай заставила компанию арендовать у султанов Малайи острова Пинанг в 1786 г. и Сингапур в 1819 г. В довершение всего, увеличив предложение чая, Акт о замене вызвал рост спроса на сахар: стимулировал его производство в Вест-Индии, а значит и вывоз рабов из Африки.

территорий вовсе не по милости британского парламента, а согласно пожалованиям могольских шахов, пусть и вырванным под ее давлением.) Так, по Акту о хартии компании 1813 г. назначение директорами генерал-губернатора, губернаторов и главнокомандующих войсками президентств стало подлежать одобрению короной, а Контрольный совет получил право надзирать за учебными заведениями компании. По акту 1833 г. парламент наделил себя правом издавать законы для Индии и отменять акты генерал-губернатора. В 1853 г. число директоров компании было сокращено вдвое (до 12), зато к нему добавили шесть директоров, которые назначались и смещались короной [*Hansard's ... Third Series*, СХХVII. Р. 1156]. Также у директоров забрали гражданский патронаж: замещение постов в индийской администрации должно было происходить на основе неограниченной конкуренции выпускников университетов, а не назначений среди выпускников колледжа компании в Хейлибери. Споры по вопросам управления Индией при генерал-губернаторе (1848–1856) маркизе Далхузи фактически были уже спорами между правительством и его служащими в Индии через голову директоров.

Параллельно парламент под влиянием крепнущей промышленной буржуазии вел наступление на экономические привилегии компании: в 1793 г. обязал ее выделять часть тоннажа своих судов для перевозки на Восток британской фабричной продукции (что вредило интересам компании, так как опиралась она, напротив, на сбыт в Европе индийских тканей); в 1813 г. в условиях тяжелой континентальной блокады Наполеона отменил монополию компании на торговлю с Индией; в 1833 г. сделал то же с ее монополией на торговлю с Китаем, а в Индии вообще запретил компании торговать, т.е. заниматься исконным делом. В Индии компания осталась исключительно административной структурой.

Сделочную позицию компании ослабляли ее ухудшавшиеся финансы. Развитие промышленной революции в Британии и вытеснение продуктов индийского ремесла с европейских рынков, высокие расходы на управление и войны в Индии, трудности перевода индийского долга компании в Европу – все это било по торговой составляющей ее деятельности. Если до 1770-х годов компания была кредитором правительства, то с конца XVIII в. ей самой пришлось брать у него займы. Так, в 1810 и 1812 гг. они составили 1,5 млн и 2,5 млн ф. ст. соответственно [*Bowen*, 2006. Р. 36].

Власть Ост-Индской компании над Индией парламент отменил в 1858 г. Предлогом послужило мощное антибританское восстание в Хиндустане (Северной и Центральной Индии) 1857–59 гг., ударную силу которого составили сипайские части армии компании. В реальности компанию сделали в Британии козлом отпущения, так как индийскую политику она давно уже не определяла. Функции совета директоров и Контрольного совета были переданы министерству по делам Индии (*India Office*). Реверансом в сторону компании было учреждение при министре совета в составе 15 пожизненных советников, семь из которых должны были выбрать директора (в дальнейшем – сам совет).

Ост-Индская компания просуществовала до 1874 г. как обычное акционерное общество, но дивиденды ей выплачивались государством, причем из доходов некогда подвластной ей страны (это было предусмотрено еще актом 1833 г.).

4. Ост-Индская компания как квазигосударство?

Итак, на протяжении своей более чем 250-летней истории Ост-Индская компания была не только торговой корпорацией, которая весьма содействовала развитию капитализма у себя на родине, но и властной структурой, которая сто лет правила огромной страной Азии. Недаром генерал-губернатор (1844–1848) виконт Хардинг в 1845 г. гордо писал, что он и его сосед, император Поднебесной, вместе правят примерно половиной народов мира [*Hardinge*, 1986. Р. 105].

Сущностью державы-купца двойственность Ост-Индской компании не исчерпывалась. Она была не просто полупромышленником-полуправителем. В рамках своей ипостаси правителя компания имела черты принципиально разных категорий политики. С одной стороны, это были черты патримонии, патримониального княжества. К ним следует отнести авторитарный характер власти генерал-губернатора и губернаторов (период британского правления в Индии до реформ Монтегю – Челмсфорда 1919 г. и вошел в историю как период автократии), ориентацию князей и крупных землевладельцев на генерал-губернатора как на конкретный источник милостей (что поощряли сами британцы) и т.д. Неслучайно, по свидетельству английского путешественника виконта Валенсия (1770–1844), побывавшего в Индии в самом начале XIX в., индийцы считали Ост-Индскую компанию знатной пожилой дамой, а всех генерал-губернаторов – ее сыновьями [Суворова, 1995. С. 228]. Одной из главных черт патримонии называют именно фокусирование лояльности подданных на личности правителя. Свои патримониальные черты компания усиливала, добываясь от могольских шахов и навабов Карнатика и Бенгалии традиционных видов пожалований – титулов, должностей, *джагиров* (земельных держаний за службу). Вращение *Компани Бахадур* («Почтенная компания» на языке урду) в индийскую политическую систему делало ее в глазах индийцев таким же центром силы, какими были в Индии остальные центры. Во многом заимствованные компанией у Моголов методы управления и восприятие ее индийцами как персонализированной патримонии позволяют говорить о некоей однотипности политики компании другим индийским политическим системам.

С другой стороны, западное происхождение компании гарантировало ей наличие черт государства. Как подчеркнул голландско-израильский политолог М. ван Кревелд, на протяжении большей части мировой истории существовало управление (*government*), но не государства (*states*). Государство – понятие абстрактное. Оно есть корпорация, которая не тождественна ни правителю, ни подданным и институционально отделена от всех прочих сфер общества [Crevelde, 1999. Р. 1]. Будучи «всего лишь одной из многих форм постпервобытной социально-политической организации» [Бондаренко и др., 2006. С. 17], возникло государство в Западной Европе в середине XVII в. как раз с рождением капитализма, т.е. с вычлениением эксплуатации экономического типа [Фурсов А., 1998. С. 41–42], и с четким отделением понятия власти от ее носителя. Ост-Индскую компанию с государством роднят такие черты, как абстрактность понятия (недаром правителя Могольской империи первой половины XVII в. Шаха Джахана озадачивал термин «Ост-Индская компания») и наличие безличных правил функционирования бюрократической (в духе немецкого социолога М. Вебера) машины.

В отношениях компании с индийцами эта двойственность внутри властной «половинки» природы компании, эта гибридность внутри гибридности обернулась плюсом. Патримониальные черты компании, маскировка под индийские политические системы сделали ее конкурентоспособной в борьбе за власть с ними и позволили в конечном счете подчинить все другие княжества. Государственные черты компании, такие как упор на верховенство закона (институционально-юридический фактор), привлекли к ней ключевые социальные группы индийского общества – часть князей, крупных землевладельцев, чиновничества и купечества. (В советской историографии их клеймили как национальных предателей, но это подход примитивен). Эти группы, например, в ходе конфликта компании с Майсуром, поняли, что она может предложить им более эффективную защиту их торговых и налоговых привилегий, чем их собственные правители [Stein, 1998. Р. 210–211]. Так компания «взорвала» многие вражеские княжества (Майсур, Вадодару, Пуне, Панджаб) изнутри, выиграв у их правителей конкуренцию за лояльность названных групп.

Другой аспект «государственной» природы Ост-Индской компании – ее упомянутая абстрактность и безличность. Поэтому компания была неуязвима для обычного механизма образования патримониальных политик, который в исламском мире обозначали арабским словом *фитна* («мятеж»). Поскольку в отсутствие государства-нации суверенитет – лишь

вопрос лояльностей, патримониальная политика, как правило, была структурой открытой, с размытыми, принципиально подвижными и меняющимися границами [Wink, 1986. P. 22–28]. Специалист по теории систем противопоставил бы патримониальную политику национальному государству как объединение – системе (см.: [Петрушенко, 1971]). Неслучайно для маратхов в ходе их войн с компанией большую проблему представляло то, что они не могли расколоть ряды британских командиров и резидентов так же, как в свое время – чиновников Могольской империи (играя на их противоречиях) [Bayly, 1988. P. 101]. Если индийские политики можно уподобить сложносоставным молекулам, которые относительно легко перетягивали друг у друга образующие их атомы (меняя свою конфигурацию подобно калейдоскопу), то компания представляла собой молекулу-монолит. Пытаться расколоть ее было бессмысленно.

Однако в отношениях с государством (политией на родине) расщепленность властных черт компании на патримониальные и государственные оказалась минусом. Патримониальность привела в третьей четверти XVIII в. к неприятию в британском обществе (особенно правящем слое) «набобов» и давала аргументы тем, кто обвинял компанию в привнесении в британскую политическую жизнь пагубного восточного влияния. Что касается государственных черт компании (самоуправление, законодательная, исполнительная и судебная власть над своими служащими, право учреждать муниципалитеты и т.д.), то они сами исходили от английского / британского государства. В этом компания была лишь его эманацией, дочерним образованием, поэтому она была открыта для регулирования. Неслучайно веским аргументом сторонников реформ служил тот, что в 1773 г. озвучил член палаты общин Дж. Сент-Джон: есть существенное различие между правами, полученными компанией по хартии, и изначальными конституционными правами (которыми компания не обладает) [Hansard's Parliamentary History..., XVII. P. 899]. Иными словами, парламент дал – парламент и взял. Правда, защитники компании – тоже резонно – настаивали, что все полученные от парламента хартии были по сути ей проданы (за крупные займы казначейству). Так, в 1730 г. парламент продлил ее торговую монополию на 36 лет, по сути, в обмен на разовую выплату 400 тыс. ф. ст. [Cobbett's Parliamentary History..., 1811. P. 801].

Противоречия между компанией и государством не следует абсолютизировать. Два эти «организма» не были друг для друга непроницаемыми. Группы интересов нередко проходили сквозь их «границы». Так, фракции директоров и акционеров компании заключали неформальные союзы с той или другой из основных политических партий Британии – тори и вигов. Политические деятели покровительствовали деятелям компании, а те в обмен оказывали им разные услуги, в том числе голосовали как надо в парламенте и пристраивали их клиентов на доходные места в компании. А в 1785 г. даже такой поборник самостоятельности компании, как Хейстингс, назвал Британию «государством-родителем» ее бенгальских владений [Hastings, 1978. P. 21]. Конечно, несмотря ни на какое давление со стороны правительства, чиновники компании в Индии не помышляли о сецессии наподобие североамериканских колоний. Когда Хейстингс в 1785 г. огорченно подал в отставку и у французского посла в Лондоне родился проект предложить ему стать независимым правителем Индии при поддержке Франции, этот проект был заведомо обречен на неудачу. Впрочем, французское правительство и не решилось его предлагать.

Но все же в целом политическая конкуренция компании с государством – объективный факт. Неслучайно при любых предложениях правительства с целью ограничить самостоятельность компании совет директоров активно мобилизовывал «ост-индское лобби» в парламенте, особенно в моменты продления им ее хартии в 1793, 1813, 1833 и 1853 гг. Термин «продление хартии», что любопытно, применяли в то время уже больше к продлению власти компании в Индии, чем ее торговой монополии (которая в 1813 и 1833 гг. была демонтирована). Это лишний раз показывает переплетение коммерческих и властных аспектов деятельности компании.

Факт конкуренции государства и Ост-Индской компании очевиден и «с другой стороны» – в натиске государства с целью ограничить ее самостоятельность. На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. государство постепенно «заполняло» компанию собой, подминало ее, «выхолащивало» ее собственное политическое содержание. К середине XIX в., накануне лишения компании власти, от нее осталась «пустая скорлупа». (В такую же «скорлупу» сама она превращала индийские княжества, одновременно «залезая» внутрь них и поглощая.) Экономической подоплекой этого процесса была сдача компанией позиций в восточной торговле в связи с потерей индийскими тканями рынков в Европе. Так, в 1800–1809 гг. вывоз компанией тканей из Бенгалии упал с 1,4 млн ф. ст. до 0,3 млн. [Kulke, Rothermund, 2018. S. 307]. Уже при председателе Контрольного совета (1793–1801) Генри Дандасе правительство фактически отняло у компании право выдвигать кандидатуры на высшие посты в президентствах. Генерал-губернаторами с этих пор становились, как правило, государственные деятели, а не служащие компании. За всю ее историю кроме Хейстингса на этот пост попали лишь трое ее служащих, да и их назначение было бы невозможным без согласия правительства. Более того, и воспринимали генерал-губернаторы себя назначенцами правительства, а не директоров. Так, Корнуоллис в письме *низаму* (мусульманскому правителю) Хайдарабада в 1789 г. писал, что властью его наделили король и парламент Англии [A Collection..., 1812. P. 125].

Когда британское государство в третьей четверти XVIII в. спохватилось, что купеческая корпорация занимается не своим делом, и в несколько этапов «навел порядок», конечный исход конкуренции был предрешен. Наиболее воинственные в отношении компании политики были убеждены, что истинное занятие компании – торговля, и старались ставить ее директоров «на место». Так, принципом четырежды председателя Контрольного совета (между 1828 и 1858 гг.) графа Элленборо было: «Я никогда не дам этим людям считать себя стоящими во главе государства!» [Imlah, 1939. P. 49]. Правда, когда он поехал в Калькутту в качестве генерал-губернатора (1842–44) и оказался их подчиненным, такое его поведение заставило директоров единственный раз применить свое право отзывать генерал-губернатора.

Конечно, вступив во властную конкуренцию на родине, компания не имела перспектив стать полноценным государством. Она могла выступать лишь минигосударством для собственных служащих и патримониальной державой для своих индийских подданных. Это сближает Ост-Индскую компанию с другой организацией, которую называют в числе альтернативных государству структур, – Тевтонским орденом. Он тоже был корпорацией с жесткой иерархией и дисциплиной, которая «оседлала» большой регион (Восточную Пруссию и Прибалтику) и долго им правила. Однако и Ост-Индской компании, и Тевтонскому ордену конкуренция с государством или сильной патримонией (соответственно с Британией и объединенными после Кревской унии 1385 г. Польшей и Литвой) оказалась не по зубам.

* * *

Британская Ост-Индская компания исходно обладала политическим потенциалом, так как для успешного ведения бизнеса английское государство делегировало ей часть суверенитета над своими подданными – ее служащими. Однако в течение первых полутора веков существования компании этот потенциал пребывал в «спящем состоянии». В середине XVIII в. благодаря сложившимся благоприятным условиям – распаду Могольской империи и англо-французским войнам – потенциал раскрылся. Случай помог реализации подготовленных планов, и ради максимизации прибыли компания распространила власть над собственными служащими-британцами на население крупной азиатской страны (Бенгалии). В результате она стала почти государством в государстве в Британии и элементом системы патримониальных княжеств в постмогольской Индии. Данное обстоятельство объективно вывело компанию в конкуренты обоих типов политий – и в Европе, и в Азии.

Конкуренция протекала довольно остро и завершилась по-разному. К середине XIX в. в отношении индийских патримоний компания убедительно взяла верх, а вот конкуренцию британскому государству, напротив, проиграла полностью. И то и другое в конечном счете было обусловлено промышленной революцией как завершением процесса, который в современной историографии называют «великим расхождением» Запада и Востока (см., напр.: [Pomeranz, 2000]). В Индии существовали несколько сильных политий, которые войны с компанией вели поначалу на равных, так как в духе Петра I создали «полки нового строя» и казенные военные мастерские (Майсур, некоторые княжества маратхов, Пенджаб). Однако тягаться со страной – «мастерской мира» – они не смогли.

Не смог с ней тягаться и их покоритель – Ост-Индская компания. Экономической основой ее благополучия был импорт в Европу продукции индийского ткачества. Подъем британской фабрики поставил на этом процессе крест, и хотя компания с конца XVIII в. переориентировалась на китайский чай, через несколько десятилетий британские частные купцы потеснили ее и в этой сфере. Если в XVII–XVIII вв. компания находилась «на гребне» развития капитализма в своей стране, то в долгосрочную его (развития) логику она не вписывалась. Говоря языком представителя мир-системного подхода, итальянско-американского историка Дж. Арриги [Arrighi, 1994], британская Ост-Индская компания типологически принадлежала к ведущим организациям голландского системного цикла накопления капитала (конец XVI – третья четверть XVIII в.). Поэтому когда началась первая (материальная) фаза следующего, британского, цикла (его относят к середине XVIII – началу XX в.), компании в нем делать было нечего.

Будучи формой организации торгового капитализма, Ост-Индская компания оказалась неадекватна капитализму промышленному. Неслучайно к эпохе фритрейдерства она лишилась последних торговых привилегий. А будучи носителем административных функций, которые в зрелом капиталистическом обществе суть монополия государства, компания стала параллельной ему бюрократической структурой. Показательно, что к обсуждению вопроса компании в парламенте в 1853 г. петицию с жалобой на ее плохое управление (невыполнение кодификации законов, дискриминация местных жителей на службе и т.д.) впервые подали сами индийцы – жители Мадраса и Бомбея [Hansard's ... Third Series, CXXV. P. 41–42]. Показательно и то, что факт конкуренции государства со структурами типа Ост-Индской компании зафиксировал его первый теоретик Т. Гоббс (1588–1679) еще в середине XVII в., как только национальное государство начало формироваться в огне английской революции. Он назвал недугом «большое число корпораций, которые являются как бы множеством меньших государств (*Commonwealths*) в недрах одного большого» и даже сравнил их с «червями во внутренностях живого человека» [Hobbes, 1929. P. 256–257].

«Выполняя завет» Гоббса, государство по мере своего развития неуклонно сокращало число таких корпораций. Ост-Индская компания (вместе с Компанией Гудзонова залива, 1670–1870) оказалась среди них одной из наиболее живучих. Демонтирована она была, говоря языком другого представителя мир-системного подхода, американского историка И. Валлерстайна, лишь на пике британской гегемонии (1815–1873). В эту эпоху Британия больше не нуждалась в административных посредниках и могла руководить зависимыми территориями напрямую, разведя управление страной и управление бизнесом, что известно в социологии как «закон Лэйна» (см.: [Lane, 1979. P. 82–90]). Недаром, выступая в парламенте в 1833 г., английский историк Т.Б. Маколей (1800–59) назвал компанию «политическим чудовищем двойственной природы», «подданным в одном полушарии и сувереном в другом» [Hansard's ... Third Series, XIX. P. 509].

В изучении мировой экономической истории случай британской Ост-Индской компании важен как любопытный пример институциональной мутации. Он подчеркивает взаимозависимость и взаимопереход политической и экономической сфер жизни, что стало особенно очевидным в эпоху глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2006). Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель. С. 15–36.
- Петрушенко Л.Н. (1971). Самодвижение материи в свете кибернетики. Ч. I. М.: Наука.
- Суворова А.А. (1995). Ностальгия по Лакхнау. М.: Тадем.
- Фурсов А.И. (1998). Коммунизм как понятие и реальность // Русский исторический журнал. Т. I. № 2. С. 13–63.
- Фурсов К.А. (2006). Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Фурсов К.А. (2016). Ост-Индские компании: двигатель и тормоз капитализма // Финансы и бизнес. № 2. С. 119–130.
- Arrighi G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.; N.Y.: Verso.
- Ashton T.S. (1959). *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayly C.A. (1983). *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. (1988). *Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India*. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bowen H.V. (2006). *The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. 3 t. P.: Armand Colin. T. III.
- Chaudhuri K.N. (1978). *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Cobbett's Parliamentary History of England. L.: T.C. Hansard, 1811. Vol. VIII (A.D. 1722–33).
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan (1812). L.: Cox and Son, 1812.
- Creveld M. van (1999). *The Rise and Decline of the State*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Crouzet F. (2002). Mercantilism, War and the Rise of British Power // *Two Hegemonies: Britain 1846–1914 and the United States 1941–2001* / Ed. by P.K. O'Brien and A. Clesse. Aldershot: Ashgate. P. 67–85.
- Documents / Marshall P.J. (1968.) *Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813*. L.: Allen and Unwin.
- Das Gupta A. (2001). Trade and Politics in Eighteenth-century India // *Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays* / Ed. by U. Das Gupta. Oxford etc.: Oxford University Press. P. 141–179.
- Deane P., Cole W.A. (1962). *British Economic Growth, 1688–1959*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dehio L. (1962). *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office. 13 vols. (1618–69) / Ed. by W. Foster. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1906–08.
- Frank A.G. (1978). *World Accumulation, 1492–1789*. N.Y.; L.: Monthly Review Press.
- Gupta B.K. (1962). *Sirajuddaulah and the East India Company, 1756–57*. Leiden: Brill.
- Hansard's Parliamentary Debates / Third Series (1833, 1853). L.: T.C. Hansard, 1833–53. Vol. XIX, CXXV, CXXVII (A.D. 1833, 1853).
- Hansard's Parliamentary History of England. L.: T.C. Hansard, 1813–15. Vol. XVII (1771–1774), XXIV (1783–1785).
- Hardinge H. (1986). *The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847* / Ed. by B.S. Singh. L.: Office of the Royal Historical Society, University College.
- Hastings W. (1978). *Memoirs Relative to the State of India*. Calcutta: M.L. Ghosh.
- Hobbes' Leviathan (1929). Reprinted from the edition of 1651. With an essay by the late W.G. Pogson Smith. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter W.W. (1919). *A History of British India*. 2 vols. L. etc.: Longmans, Green and Co. Vol. II.
- Ilbert C.P. (1898). *The Government of India: Being a Digest of the Statute Law Relating Thereto*. Oxford: Clarendon Press.
- Imlah A.H. (1939). *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Indian Constitutional Documents 1757–1939* (1948) / Ed. by A.C. Banerjee. 3 vols. 1948. Calcutta: A. Mukherjee. Vol. I. 1757–1858.
- James L. (1997). *Raj: The Making and Unmaking of British India*. L.: Little, Brown and Co.
- Kaye J.W. (1966). *The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress*. Allahabad: Kitab Mahal.
- Keay J. (1991). *The Honourable Company: A History of the English East India Company*. L.: Harper Collins.
- Keith A.B. (1937). *A Constitutional History of India, 1600–1935*. L.: Methuen.

- Kulke H., Rothermund D. (2018). *Geschichte Indiens: Von der Induskultur bis heute*. München: C.H. Beck.
- Lane F.C. (1979). *Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprise*. Albany: State University of New York Press.
- Lawford J.P. (1978). *Britain's Army in India: From Its Origins to the Conquest of Bengal*. L. etc.: Allen and Unwin.
- Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East* (1901) / Ed. by W. Foster. 6 vols. L.: Sampson Low, Marston and Co., 1901. Vol. V. 1617 (January to June).
- Maddison A. (2001). *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Mallinson A. (2011). *The Making of the British Army: From the English Civil War to the War on Terror*. L. etc.: Bantam Books.
- Marshall P.J. (1976). *East Indian Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- Marshall P.J. (1987). *Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828* / *The New Cambridge History of India* II.2. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Nightingale P. (1970). *Trade and Empire in Western India, 1784–1806*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pomeranz K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Roberts P.E. (1952). *History of British India under the Company and the Crown*. L.: Oxford University Press.
- Stein B. (1998). *A History of India*. Malden (MA): Blackwell.
- Sutherland L.S. (1952). *The East India Company in Eighteenth Century Politics*. Oxford: Clarendon Press.
- Wallerstein I. (2002). *Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846–1914 and the United States, 1941–2001* / Ed. by P.K. O'Brien and A. Klesse. Aldershot: Ashgate. P. 357–361.
- Wink A. (1986). *Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarajya*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Видьявачаспати И. (1956). Бхарат мэ британш самраджья ка удай аур аст (Взлет и падение Британской империи в Индии). Дели: Атмарам энд санс. Т. I (хинди).
- Ghulam Husain, Salim (1898). *The Riyazu-s-Salatin (Сады султанов)*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (фарси).

Фурсов Кирилл Андреевич

kfursov@iaas.msu.ru

Kirill Fursov

Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow
kfursov@iaas.msu.ru

BRITISH EAST INDIA COMPANY: THE HISTORY OF AN INSTITUTIONAL MUTATION

Abstract. The article analyses the problem of dual, politico-economic, nature of one of the crucial enterprises of early capitalism – the British East India Company (1600–1874). The study focuses on its transformation in India from a merchant corporation into a territorial power in the eighteenth century. The author underlines the Company's initial hybridism and traces the fulfilling of its hidden power potential. This fulfilling turned the trading firm into a simultaneous competitor of two types of political structures, i.e. Indian patrimonies and British state. Treats of similarity of the Company with both these types are distinguished. On their basis the article explains the causes for the Company's victory over patrimonies and its loss to the state in the nineteenth century. The author concludes that the East India Company as a monopolistic trading organization was inadequate to industrial capital and the personifier of its function, i.e. the state. The case of the East India Company's institutional mutation stresses mutual dependence and mutual transition of the political and economic spheres of life which have become especially evident in the epoch of globalization.

Keywords: *East India Company, capitalism, polity, state, patrimony.*

JEL Classification: F54, N43, N45, N73, N75.

REFERENCES

- Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotaev A.V. (2006). *Аl'ternativy sotsial'noi evolyutsii [The alternatives of social evolution] // Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi: Sb. st. [Early state, its alternatives and analogues: collection of articles] / pod red. L.E. Grinina, D.M. Bondarenko, N.N. Kradina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel'. S. 15–36.*
- Petrushenko L.N. (1971). *Samodvizhenie materii v svete kibernetiki. Ch. I. [Self-motion of substance in the light of cybernetics. Part I]. M.: Nauka.*

- Suvorova A.A. (1995). *Nostal'giya po Lakkhnau [Nostalgia for Lucknow]*. M.: Tadem.
- Fursov A.I. (1998). *Kommunizm kak ponyatie i real'nost' [Communism as a concept and reality]* // *Russkii istoricheskii zhurnal*. T. I. № 2. S. 13–63.
- Fursov K.A. (2006). *Derzhava-kupets: otnosheniya angliiskoi Ost-Indskoi Kompanii s angliiskim gosudarstvom i indiiskimi patrimoniyami [Power-merchant: the relations of the English East India Company with the English state and Indian patrimonies]*. M.: *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK*.
- Fursov K.A. (2016). *Ost-Indskie kompanii: dvigatel' i tormoz kapitalizma [East India Companies: engine and brake of capitalism]* // *Finansy i biznes*. SPb. № 2. S. 119–130.
- Arrighi G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.; N.Y.: Verso.
- Ashton T.S. (1959). *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayly C.A. (1983). *Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. (1988). *Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India*. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bowen H.V. (2006). *The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. 3 t. P.: Armand Colin. T. III.
- Chaudhuri K.N. (1978). *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Cobbett's Parliamentary History of England*. L.: T.C. Hansard, 1811. Vol. VIII (A.D. 1722–33).
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on Behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan*. L.: Cox and Son, 1812.
- Crevelde M. van (1999). *The Rise and Decline of the State*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Crouzet F. (2002). *Mercantilism, War and the Rise of British Power // Two Hegemonies: Britain 1846–1914 and the United States 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien and A. Clesse*. Aldershot: Ashgate. P. 67–85.
- Documents / Marshall P.J.* (1968.) *Problems of Empire: Britain and India, 1757–1813*. L.: Allen and Unwin.
- Das Gupta A. (2001). *Trade and Politics in Eighteenth-century India // Das Gupta A. The World of the Indian Ocean Merchant, 1500–1800. Collected Essays / Ed. by U. Das Gupta*. Oxford etc.: Oxford University Press. P. 141–179.
- Deane P., Cole W.A. (1962). *British Economic Growth, 1688–1959*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dehio L. (1962). *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office*. 13 vols. (1618–69) / Ed. by W. Foster. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1906–08.
- Frank A.G. (1978). *World Accumulation, 1492–1789*. N.Y.; L.: Monthly Review Press.
- Gupta B.K. (1962). *Sirajuddaullah and the East India Company, 1756–57*. Leiden: Brill.
- Hansard's Parliamentary Debates / Third Series*. L.: T.C. Hansard, 1833–53. Vol. XIX, CXXV, CXXVII (A.D. 1833, 1853).
- Hansard's Parliamentary History of England*. L.: T.C. Hansard, 1813–15. Vol. XVII (1771–1774), XXIV (1783–1785).
- Hardinge H. (1986). *The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847 / Ed. by B.S. Singh*. L.: Office of the Royal Historical Society, University College.
- Hastings W. (1978). *Memoirs Relative to the State of India*. Calcutta: M.L. Ghosh.
- Hobbes' Leviathan* (1929). Reprinted from the edition of 1651. With an essay by the late W.G. Pogson Smith. Oxford: Clarendon Press.
- Hunter W.W. (1919). *A History of British India*. 2 vols. L. etc.: Longmans, Green and Co. Vol. II.
- Ilbert C.P. (1898). *The Government of India: Being a Digest of the Statute Law Relating Thereto*. Oxford: Clarendon Press.
- Imlah A.H. (1939). *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Indian Constitutional Documents 1757–1939 / Ed. by A.C. Banerjee*. 3 vols. 1948. Calcutta: A. Mukherjee. Vol. I. 1757–1858.
- James L. (1997). *Raj: The Making and Unmaking of British India*. L.: Little, Brown and Co.
- Kaye J.W. (1966). *The Administration of the East India Company: A History of Indian Progress*. Allahabad: Kitab Mahal.
- Keay J. (1991). *The Honourable Company: A History of the English East India Company*. L.: Harper Collins.
- Keith A.B. (1937). *A Constitutional History of India, 1600–1935*. L.: Methuen.
- Kulke H., Rothermund D. (2018). *Geschichte Indiens: Von der Induskultur bis heute*. München: C.H. Beck.
- Lane F.C. (1979). *Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprise*. Albany: State University of New York Press.

- Lawford J.P.* (1978). Britain's Army in India: From Its Origins to the Conquest of Bengal. L. etc.: Allen and Unwin.
- Letters Received by the East India Company from Its Servants in the East / Ed. by W. Foster. 6 vols. L.: Sampson Low, Marston and Co., 1901. Vol. V. 1617 (January to June).
- Maddison A.* (2001). The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD.
- Mallinson A.* (2011). The Making of the British Army: From the English Civil War to the War on Terror. L. etc.: Bantam Books.
- Marshall P.J.* (1976). East Indian Fortunes: The British in Bengal in the Eighteenth Century. Oxford: Clarendon Press.
- Marshall P.J.* (1987). Bengal: The British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828 / The New Cambridge History of India II.2. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Nightingale P.* (1970). Trade and Empire in Western India, 1784–1806. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pomeranz K.* (2000). The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Roberts P.E.* (1952). History of British India under the Company and the Crown. L.: Oxford University Press.
- Stein B.* (1998). A History of India. Malden (MA): Blackwell.
- Sutherland L.S.* (1952). The East India Company in Eighteenth Century Politics. Oxford: Clarendon Press.
- Wallerstein I.* (2002). Three Hegemonies // Two Hegemonies: Britain, 1846-1914 and the United States, 1941–2001 / Ed. by P.K. O'Brien and A. Klesse. Aldershot: Ashgate. P. 357–361.
- Wink A.* (1986). Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarajya. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Видьявачаспати И.* (1956). Bhārat me British samrājya kā uday aur ast (The rise and fall of the British empire in India). Delhi: Atmaram and sons. Vol. I (in Hindi).
- Ghulam Husain, Salim* (1898). The Riyazu-s-Salatin (The gardens of the sultans). Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in Persian).

Ю.П. Бокарев

д.и.н., проф., Институт экономики РАН, Москва

ДИСКУССИИ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ О СОЦИАЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. На рубеже XIX и XX вв. в России обострился вопрос о социальном страховании. Однако его решение тормозилось спорами между государством и предпринимателями. Если государство стремилось возложить все финансовые вопросы на индивидуальных предпринимателей, то последние стремились разделить это бремя с государством или, во всяком случае, ввести коллективную ответственность предпринимателей. Нерешенность социальных проблем обострило борьбу рабочих с предпринимателями и государством.

Ключевые слова: *обязательное социальное страхование, кассы страхования, больничные кассы, страховые выплаты, социальное призрение.*

Классификация JEL: N33, N43.

Быстрая индустриализация России породила так называемый «рабочий вопрос». Он включал большое число нерешенных социальных проблем, вызывавших волну стачек и волнений рабочих. По примеру западных стран в России стали создаваться нелегальные социалистические партии, стремившиеся возглавить борьбу рабочих и направить ее против самодержавия. Чтобы предотвратить надвигающуюся революцию, требовалось развитие рабочего законодательства и не в последнюю очередь принятие законов о социальном страховании рабочих.

Еще в 1881 г. Общество для содействия русской промышленности и торговле представило министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву проекты создания государственных касс страхования от несчастных случаев и выплаты пенсий рабочим [Труды Общества для содействия... (1892) Ч. 21. Отд. 1. С. 1–8; (1895). Ч. 23. Отд. 1. С. 6–9]. Но правительство считало необходимым ввести индивидуальную ответственность предпринимателей при несчастных случаях с рабочими. Оно не сознавало, что в случае банкротства или кризисного положения предприятия рабочие могут остаться без выплат. Тем не менее соответствующий проект был разработан Советом торговли и мануфактур Министерства финансов в 1893 г.

На проходившем в Нижнем Новгороде с 4 по 17 августа 1896 г. III Всероссийском торгово-промышленном съезде были рассмотрены вопросы страхования от несчастных случаев и болезней, врачебной помощи, продолжительности рабочего дня, применения детского и женского труда, воскресного и праздничного отдыха и т.д. Съезд высказался за государственное страхование рабочих как наилучшую форму обеспечения рабочих и их семей при несчастных случаях. [Труды Высочайше разрешенного... С. 68–80; 201–226; 315–328].

Однако возглавлявший Министерство финансов С. Ю. Витте упорно проводил курс на введение закона об индивидуальной ответственности предпринимателей. Им была создана специальная комиссия для переработки законопроекта 1893 г. Ее работу возглавил товарищ министра В.И. Ковалевский. Над новым законопроектом комиссия работала почти три года (1899–1901 гг.).

2 июня 1903 г. закон «О награждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев» был утвержден царем, а с 1 января 1904 г. вступил в силу. В нем устанавливались размеры «награждения»: при полной потере трудоспособности выплачивалась постоянная пенсия

в размере $\frac{2}{3}$ заработка; в таком же размере выплачивалась пенсия семье в случае смерти рабочего. Закон не предусматривал страхования от профессиональных заболеваний, старости и безработицы [Полное собрание законов... Собр. Ш. Т. XXIII № 23060]. Поэтому закон 1903 г. не оправдал надежд на ослабление напряженности в отношениях предпринимателей с рабочими.

Необходимость введения более широкого государственного страхования стала очевидной в условиях нарастания революционных настроений. Поэтому общество для содействия русской промышленности и торговле в 1904 г. подготовило и направило в Министерство финансов «Положение о страховании от болезней», проект о больничных кассах, а в начале 1905 г. — проект страхования от несчастных случаев. По вопросам страхования рабочих на случай инвалидности и старости Обществом были представлены только общие предложения. Кроме того, в 1905 г. Общество для содействия русской промышленности и торговле разработало проект положения о Главном управлении по страхованию от несчастных случаев, на которое возлагалось все дело страхования, и о местных страховых обществах [Труды общества для содействия... (1906). Ч. 28. Отд. 1. С. 2–15; Отд. 2. С. 1–6].

В указе от 12 декабря 1904 г. констатировалась необходимость мер по государственному страхованию рабочих и провозглашалось твердое обещание его реализации. Однако время было упущено. События 9 января 1905 г. ознаменовали начало первой российской революции.

Стачки и уличные бои активизировали работу Министерства финансов. Сущность представленного им первоначального проекта государственного страхования рабочих и служащих на фабриках и заводах сводилась к следующему: больничные кассы функционируют на средства от обязательных взносов рабочих и предпринимателей; расходы по страхованию от несчастных случаев возлагаются на промышленников; страховые взносы на случай инвалидности и старости вносятся рабочими, промышленниками и государством совместно. Это соответствовало немецким законам, но были и различия. Так, при создании больничных касс взносы с промышленников составляли половину платежей, а в Германии $\frac{2}{3}$ вносили рабочие, а $\frac{1}{3}$ — предприниматели. Обязательные взносы по страхованию от инвалидности и старости были в два раза выше в сравнении с германскими нормами. Право на пенсию устанавливалось с 55-летнего возраста вместо 70 лет в Германии [Рабочий вопрос в комиссии... . С. 13, 22, 29–30]. Все это было расценено промышленниками как попытка царизма выйти из революции за счет предпринимателей.

В условиях спада революции (1906–1907 гг.) правительство, не предвидя нового обострения социальной борьбы, отложило введение обязательного социального страхования на неопределенный срок. Только в 1912 г. Третья Государственная Дума приняла законы «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев на производстве», «Об утверждении Совета по делам страхования рабочих», «Об утверждении Присутствий по делам страхования рабочих» [Полное собрание законов... Собр. III. Т. XXXII. Отд. 1. № 37444–37447]. Финансирование осуществлялось за счет взносов предпринимателей и работников. Рабочими органами страхования на местах были больничные страховые кассы и страховые товарищества, которые существовали на предприятиях с числом рабочих не менее 200. В Петербурге был создан Совет по делам страхования рабочих, а в губерниях – страховые присутствия. Система социального страхования охватила не более 20% рабочих. На предприятия с числом рабочих до 20 человек она не распространялась. А таковых в стране была треть. Поэтому попытки сделать пенсионное страхование всеобщим в дореволюционной России ни к чему не привели, а страховые выплаты были ничтожными по размеру.

В 1905 г., в связи с высокой опасностью выполнения служебных обязанностей, право на пенсию получили все чины полиции, оставившие службу вследствие ран и других повреждений здоровья, полученных при указанных условиях. Размер пенсий мог достигать

годового оклада. Вдовы и дети убитых полицейских получали пенсию в том же размере. При этом стаж службы погибших не учитывался [Кульчицкий, 2008. С. 199–204]. Это привело к значительному сокращению увольнений из рядов полиции. Если в начале 1900-х гг. ежемесячно увольнялось до 35 российских полицейских, а в 1905 г. – уже до 70 лиц, то на 1910 г. число увольняющихся сократилось до 9 человек, поскольку их служба стала социально защищенной. 18 марта 1909 г. был утвержден закон о пенсиях лицам, пострадавшим от преступных деяний [Булатов, Пальгунов, 1910. С. 162].

Тяжелое материальное положение большинства населения России, экономическая разруха и политический хаос вынудили Временное Правительство образовать 5 (18) мая 1917 г. Министерство государственного призрения. Его задачи заключались в налаживании государственного финансирования социального призрения; разработке проектов необходимых социальных законов; осуществлении надзора за деятельностью волостных, уездных и губернских земств, а также городов при оказании социальной помощи нуждавшимся; подготовке кадров для государственных, земских и городских учреждений призрения [ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 118. Л. 1].

Справиться с этими задачами было довольно трудно. Прежде всего, мешала министерская чехарда. За полгода сменилось четыре министра государственного призрения. Почти все они были кадетами и разделяли утопическую идею децентрализации социального страхования, передачи его в ведение органов местного самоуправления и общественных организаций. Государству они отводили только роль координатора и контролера действий местного управления. Даже в развитых европейских странах создать такую систему было трудно. В России же с ее гигантской концентрацией кадров и финансовых средств в столицах, с одной стороны, и нищетой, неразвитостью, склонностью к воровству местного самоуправления, с другой стороны, об этом нельзя было даже мечтать.

Таким образом, продолжавшиеся около 30 лет дискуссии о социальном страховании лишь частично увенчались успехом. Интересы государства и предпринимателей во многом не совпадали. Если государство стремилось возложить все финансовые вопросы на индивидуальных предпринимателей, то последние стремились разделить это бремя с государством или, во всяком случае, ввести коллективную ответственность предпринимателей. Отсутствие устраивавшего всех социального законодательства нагнетало напряженность в отношении рабочих к предпринимателям и государству накануне революции.

ЛИТЕРАТУРА

- Булатов П.Н., Пальгунов К.А. (1910). Сборник законоположений о пенсионных правах лиц гражданского медицинского ведомства. Пенсионные права врачей, ветеринарных врачей, фармацевтов, фельдшеров, фельдшерниц, повивальных бабок, сестер милосердия и пр. СПб.: Изд. К.Л. Риккера. С. 162. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.
- Кульчицкий А.В. (2008). История пенсионного обеспечения россиян: 1827–1917 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 35 (76) Ч. 1. СПб.: Книжный дом. С. 199–204.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXXII. Отд. 1. № 37444–37447.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIII. № 23060.
- Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г.: Сборник документов. М., 1926. С. 13, 22, 29–30.
- Труды Высочайше разрешенного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. III. Вып. V. СПб., 1897. С. 68–80; 201–226; 315–328.
- Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 21. Отд. 1. СПб., 1892. С. 1–8; Ч. 23. Отд. 1. СПб., 1895. С. 6–9.
- Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1906. Ч. 28. Отд. 1. С. 2–15; Отд. 2. С. 1–6.

Бокарев Юрий Павлович

yurij-bokarev@yandex.ru

Yury Bokarev

doctor habilitatus in history, professor, chief researcher of the Institute of Economics, the Russian Academy.

yurij-bokarev@yandex.ru

DISCUSSIONS BETWEEN THE STATE AND ENTREPRENEURS IN RUSSIA ON SOCIAL INSURANCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. At the turn of XIX and XX century in Russia has escalated the issue of social insurance. However, its decision was hampered by disputes between the state and entrepreneurs. If the state sought to place all financial issues on individual entrepreneurs, the latter sought to share this burden with the state or, in any case, to introduce collective responsibility of entrepreneurs. Many unresolved social problems aggravated the struggle of the workers against the employers and the state.

Keywords: *Mandatory social insurance, insurance offices, health insurance, insurance benefits, social welfare.*

JEL Classification: N33, N43.

REFERENCES

- Bulatov P.N., Palgunov K.A.* (1910). *Sbornik zakonopolozheniy o pensionnykh pravakh lits grazhdanskogo meditsinskogo vedomstva. Pensionnyye prava vrachey, veterinarnykh vrachey, farmatsevtov, feldshero, feldsherits, povival'nykh babok, sester miloserdiya i pr.* [Collection of legal provisions on the pension rights of persons in the civil medical department. Pension rights of doctors, veterinarians, pharmacists, medical assistants, paramedics, midwives, nurses, etc]. St. Petersburg: Ed. K.L. Ricker, 1910.
- GARF. F. 6787. Op. 1. D. 118. L. 1.
- Kulchitsky A.V.* (2008). *Istoriya pensionnogo obespecheniya rossiyan: 1827–1917 gg.* [History of Russian Pension Insurance: 1827–1917] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena.* № 35 (76) CH. 1. SPb.: Knizhnyy dom, 2008.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. III. T. KHKHKHII. Otd. 1. № 37444–37447* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collected III. T. XXXII. Separate 1. No. 37444–37447].
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. SH. T, XXIII. № 23060* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collected Sh. T, XXIII. No. 23060].
- Rabochiy vopros v komissii V. N. Kokovtsova v 1905 g.:* *Sbornik dokumentov* [The question of the working class in the commission of V.N. Kokovtsov in 1905: Collection of documents]. M., 1926.
- Trudy Vysochayshe razreshennogo Vserossiyskogo torgovo-promyshlennogo s'yezda 1896 g. v Nizhnem Novgorode.* [Proceedings of the Highest permitted All-Russian Commercial and Industrial Congress in 1896 in Nizhny Novgorod] T. III. Vyp. V. SPb., 1897.
- Trudy Obshchestva dlya sodeystviya russkoy promyshlennosti i torgovle.* [Proceedings of the Society for the promotion of Russian industry and commerce]. SPb., 1892; SPb., 1895.
- Trudy Obshchestva dlya sodeystviya russkoy promyshlennosti i torgovle* [Proceedings of the Society for the promotion of Russian industry and commerce]. SPb., 1906.

В.Л. Степанов

д.и.н., Институт экономики РАН, Москва

НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА С.Ю. ВИТТЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ (1892–1903 гг.)¹

Аннотация. Статья посвящена характеристике нефтяной политики министра финансов С.Ю. Витте (1892–1903 гг.) в Бакинском районе, где добывалась подавляющая часть «черного золота» в России. В своей деятельности выдающийся реформатор стремился решить две взаимосвязанные задачи: 1) обеспечить потребности экономики страны и 2) превратить нефтяную промышленность в источник государственных доходов. Министерство финансов всемерно поощряло развитие промыслов Апшеронского полуострова путем широкого привлечения иностранных капиталов, сдачи в аренду казенных нефтеносных земель частным предпринимателям, установления высоких таможенных барьеров на ввоз конкурирующего американского керосина, предоставления льготных ссуд Государственного банка, совершенствования в регионе транспортной инфраструктуры, введения пониженных железнодорожных тарифов для стимулирования вывоза нефтепродуктов за границу. С.Ю. Витте стремился к укрупнению нефтяных компаний, оказывал первоочередное содействие фирмам, имевшим возможность модернизировать свои предприятия и осуществлять широкомасштабные экспортные операции. Политика финансового ведомства во многом способствовала значительным успехам в развитии нефтяной промышленности к началу XX века. В 1898–1901 гг. Россия по добыче нефти обгоняла США и занимала первое место в мире. Государственный бюджет ежегодно пополнялся за счет солидных поступлений акциза с керосина, арендных доходов и платы за железнодорожные перевозки нефтяных грузов. Однако под воздействием мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. снизились основные показатели нефтяной промышленности, замедлились темпы ее роста. Предпринятые С.Ю. Витте меры (сокращение платы за аренду нефтеносных участков, выдача льготных кредитов и др.) не смогли кардинально изменить ситуацию. Нефтяная промышленность вступила в полосу затяжной депрессии и в дальнейшем уже не смогла достичь докризисного уровня.

Ключевые слова: *экономическая политика, нефтяная промышленность, монополии, иностранные капиталы, экспорт, государственные доходы.*

Классификация JEL: N63, N53, N63, N73.

Поощрение нефтяной промышленности стало одним из основных направлений политики министра финансов С.Ю. Витте (1892–1903 гг.). Его главное внимание было сосредоточено на промыслах Бакинского района, где добывалась основная часть «черного золота» в России. Отмена в 1877 г. акциза с керосина дала импульс бурному развитию нефтедобычи и нефтепереработки. Действенными факторами роста стали также приток новых капиталов, расширение площади разрабатываемых нефтеносных земель, увеличение числа буровых скважин и совершенствование техники добычи, улучшение энерговооруженности предприятий, создание новой системы хранения нефти и др. Со второй половины 1880-х гг. развитие нефтяной промышленности в значительной мере стимулировалось возрастающим спросом на жидкое топливо. Бакинская нефть была богата тяжелыми фракциями, и при ее перегонке получалось много остатков (мазута), которые стали восполнять нехватку угля и широко использоваться в качестве энергоносителя в промышленности и на транспорте. Если в 1880 г. потребление нефтяного топлива составляло 7 млн пудов, то в 1892 г. – 116,8 млн пудов. К этому времени выпуск мазута в полтора-два раза стал превышать изготовление керосина [Самедов, 1988. С. 14, 42; Дьяконова, 1999. С. 4, 5, 53–58].

Нефтяная промышленность Апшеронского полуострова отличалась высокой степенью концентрации производства. Ведущие компании (Э. Нобеля, А. Ротшильда, А.И. Манташева, С.Г. Лианозова, Г.З. Тагиева и др.), активно внедрявшие новые технологии, уве-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

ренно оставляли позади средние и мелкие предприятия с примитивной организацией труда. В 1890 г. доля 8 крупнейших фирм в нефтедобыче составила 65,4%. Восстановление акциза с керосина в 1887 г. не отразилось на показателях состояния нефтяной промышленности. В 1888–1892 гг. число скважин на Апшеронском полуострове увеличилось с 239 до 448, добыча нефти – с 192,6 млн до 298 млн пудов, вывоз керосина в российские губернии – с 24,6 млн до 30,9 млн пудов. Следствием этого стало полное вытеснение американского керосина с российского рынка. В 1877 г. он составлял 26,5% всего керосина, потребляемого в России, в 1880 г. – 12%, а в 1885 г. его привоз почти прекратился. Бакинские нефтепродукты через черноморский порт Батум устремились за границу, где стали конкурировать с мировым монополистом — крупнейшей американской корпорацией «Стандарт Ойл» Дж. Рокфеллера. В 1888–1892 гг. российский экспорт возрос с 22,8 млн до 46,1 млн пудов [Першке, 1913. С. 32, 36; Нардова, 1974. С. 8–18].

В своей нефтяной политике Витте пользовался содействием сановников, разделявших его взгляды – министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова (1894–1905 гг.) и главноначальствующего Кавказской администрацией кн. Г.С. Голицына (1896–1905 гг.). Поддерживая эту отрасль, министр финансов стремился решить две взаимосвязанные задачи: 1) обеспечить потребности экономики страны и 2) превратить нефтяную промышленность в постоянный источник государственных доходов. Особое значение имело решение земельно-нефтяного вопроса в Бакинском районе, поскольку от этого зависело развитие частного предпринимательства. После отмены откупной системы и провозглашения свободы нефтяного промысла (1 февраля 1872 г.) вся казенная нефтеносная площадь Апшеронского полуострова была разделена на участки по 10 десятин. Правительство всячески стремилось расширять масштабы нефтедобычи и проводило в Бакинском районе политику изъятия земель у государственных крестьян и переселения их на другие территории. Казенные участки сдавались в аренду частным предпринимателям за подесятинную плату. Кроме того, часть нефтеносных земель выделялась по особым «высочайшим пожалованиям» представителям гражданской и военной элиты. В 1880-х гг. массовый характер приобрел захват казенной земли кавказской знатью и нефтепромышленниками с помощью самых различных ухищрений — подкупа чиновников, подлогов документов, использования лжесвидетелей и т.п. Возникавшие при этом конфликты с казной обычно заканчивались уступками со стороны местной администрации, и «спорные» участки оформлялись, как сданные в аренду. В течение двух десятилетий на Апшероне образовался значительный фонд нефтеносных земель, которые или не входили в число государственных, или фактически перестали быть владением казны [Гейфтер, 1961. С. 380–388; Нардова, 1974. С. 112–130].

Дополнительная законодательная регламентация земельно-нефтяных отношений была крайне необходима в условиях быстрого роста арендных цен и острой борьбы между промышленниками за участки с месторождениями нефти. 3 июня 1892 г. были утверждены «Правила о нефтяном промысле», которые стали составной частью горного Устава [ПСЗ-II, 1895. № 8659]. В обсуждении этих правил принял активное участие С.Ю. Витте, который в тот момент фактически замещал внезапно заболевшего министра финансов И.А. Вышнеградского. Новый закон подтвердил разрешение заниматься нефтяным промыслом лицам всех состояний, которые обладали гражданской правоспособностью. Все казенные земли Апшерона объявлялись «заведомо нефтеносными». Участки могли сдаваться впредь только в аренду на условиях уплаты единовременного взноса или за определенную денежную плату с каждого пуда добытой нефти (попудную плату), размер которой устанавливался в результате соревнования на торгах. При подобной практике сумма годовых платежей не зависела от колеблющейся рыночной цены нефти, оставаясь неизменной в течение всего срока аренды. В том случае, когда годовая добыча нефти была меньше установленного для участка минимума, предприниматель был обязан уплатить казне недостающую сумму.

Такие условия аренды отвечали интересам казны и вместе с тем ограничивали конкуренцию в нефтяном деле. Отводы земельных площадей для евреев вне черты оседлости, иностранцев и заграничных компаний, а также для российских акционерных обществ предоставлялись только с особого разрешения министра государственных имуществ при согласовании с министрами внутренних дел и финансов. Разведка и добыча нефти частными лицами на землях частновладельческих имений должна была проводиться на условиях, установленных собственниками участков.

Торги, состоявшиеся в 1896–1900 гг., сопровождались ажиотажем, стремительным ростом арендной платы и цен на землю, что, в свою очередь, вызывало скачок цен на нефть, керосин и мазут. Однако многие фирмы не приступали к эксплуатации выторгованных участков и, соответственно, не вносили попудной платы, добиваясь облегчения условий аренды. Под влиянием этих обстоятельств в «верхах» состоялся пересмотр прежнего порядка отвода земель. Изданные 12 июня 1900 г. новые правила о нефтяном промысле заменили постоянную попудную плату отчислением в пользу казны части добытого количества нефти (долевое отчисление), которое должно было взиматься либо натурой, либо деньгами. Устанавливалась шкала арендных платежей казне, которая целиком зависела от рыночной стоимости нефти, так как размер доли начислялся по средней биржевой цене за каждое полугодие [*ПСЗ-III*, 1902. № 18866]. Эта система была особенно выгодна старым нефтяным фирмам, которые владели землями на условиях уплаты наиболее низкой ренты. Последнее обстоятельство позволяло этим компаниям предлагать на торгах чрезвычайно высокий процент долевого отчисления нефти (до 60–70%) и тем самым препятствовать появлению конкурентов. Еще ранее, 14 мая 1900 г. были утверждены правила, касающиеся относительно малоисследованных нефтеносных земель, на которых разрешались разведка и добыча нефти. Желающий получить отвод вносил определенную сумму денег и в случае обнаружения «черного золота» получал участок на 24 года за попудную плату [*ПСЗ-III*, 1902. № 18608]. Применение этих правил стало одним из способов получения крупными фирмами богатых нефтью земель без торгов. Кроме того, в начале XX в. большой размах получила практика раздачи земель «за особые заслуги» в завуалированных формах – участки выделялись разным лицам под предлогом проведения разведочных работ, для «поверхностного пользования», оформлялись фиктивные договоры с крестьянскими обществами и др. В обстановке резкого усиления конкуренции между компаниями за источники нефти участились и прямые захваты ими казенных земель [*Гефтер*, 1961. С. 391–394; *Ибрагимов*, 1983. С. 88, 165].

В связи с удаленностью Баку от основных промышленных центров страны и необходимостью обеспечения экспорта нефтепродуктов министр финансов придавал особое значение развитию транспортной инфраструктуры. Продолжались работы на Закавказской железной дороге, сооруженной к 1883 г. для перевозки нефти из Баку в Батум. В 1890-х гг. были построены Тифлис-Карская, Боржомская и Чиатурская ветви. В 1899 г. в «верхах» утвердили проект дальнейшего развертывания строительства Закавказской магистрали по линии Александрополь–Джюльфа с ветвью на Эривань. В следующем году завершение прокладки Бакинской ветви Владикавказской железной дороги (Порт-Петровск – Баладжары) соединило Закавказскую линию с общероссийской сетью железных дорог. В 1900 г. для ускорения обеспечения промышленности и транспорта нефтяным топливом в Министерстве путей сообщения были утверждены правила перевозок мазута по железным дорогам, которые устранили многие формальности и проволочки при транспортировке [*Соловьева*, 1975. С. 260, 261, 271; *Самедов*, 1988. С. 78, 79]. Поскольку Закавказская железная дорога не справлялась с перевозкой нефтяных грузов, в 1896 г. вдоль ее полотна началось сооружение керосинопровода Баку – Батум. Он обошелся казне в 50 млн руб., был сдан в эксплуатацию спустя десять лет, имел протяженность 835 км и был рассчитан на перекачку 60 млн пудов керосина

в год [Мир-Бабаев, 2012. С. 90–93]. Сооружение Транссибирской магистрали позволило доставлять нефть в восточные регионы России, а также в Японию и Китай.

С.Ю. Витте проводил политику укрупнения нефтяных компаний и оказывал первоочередное содействие фирмам, имевшим возможность модернизировать свои предприятия и осуществлять широкомасштабный экспорт продукции. Финансовое ведомство поддерживало постоянные контакты с нефтяными магнатами и всегда учитывало их мнение. Представители Э. Нобеля и А. Ротшильда неизменно присутствовали на всех совещаниях, проводимых в «верхах» по вопросам нефтяной политики [Фурсенко, 1962. С. 48]. В министерстве стремились осваивать американский опыт, чтобы использовать его в России и укрепить позиции бакинской нефти за границей. В начале 1893 г. С.Ю. Витте командировал на Всемирную выставку в Чикаго видного экономиста И.И. Янжула и главного эксперта по нефтяным делам С.И. Гулишамбарова. Перед ними была поставлена задача изучить организацию трестов и синдикатов. Их отчеты способствовали принятию в «верхах» решения о необходимости создания российского нефтяного экспортного объединения. В 1894 г. по инициативе С.Ю. Витте был учрежден «Союз бакинских керосинозаводчиков» для более успешного противодействия «Стандарт Ойл» и раздела сфер влияния на мировом нефтяном рынке. Со временем этот синдикат стал контролировать 97% всей добычи нефти в Баку, но ему не удалось ни договориться с корпорацией Рокфеллера, ни выиграть у нее конкурентную борьбу. Исход противостояния между двумя объединениями определился, в конечном счете, как превосходством финансового могущества и торговой организации американской монополии, так и остротой противоречий внутри бакинского «Союза», который в 1897 г. прекратил свое существование [Фурсенко, Шепелев, 1959. С 47–156; Фурсенко, 1962. С. 4–58; Фурсенко, 1965. С. 40–80]. Это привело к ослаблению позиций российских нефтяных фирм на западных рынках и их дальнейшей экспортной переориентации. Если первоначально керосин и другие нефтепродукты в основном вывозились в европейские страны, то позднее они стали широко проникать в Индию, Индокитай, Китай и Японию, где американская конкуренция была не настолько сильна. Если в 1890 г. в азиатские страны вывозилось 30% российского керосина, то в 1892 г. – уже 40%, а в 1900 г. – 57.3% [Першке, 1913. С. 44, 66].

Для стимулирования экспорта Министерство финансов создавало нефтяным компаниям льготные условия. Еще в 1887 г. с целью окончательно избавиться от конкуренции «Стандарт Ойл» в России была установлена высокая ввозная пошлина размером в 1 руб. золотом с пуда керосина и других нефтепродуктов (масел, бензина, газолина и др.). Протекционистский таможенный тариф 11 июня 1891 г., в разработке которого принимал участие С.Ю. Витте, подтвердил эту ставку, а тариф 1 июня 1893 г. увеличил ее еще на 20% [ПСЗ-III, 1894. № 7811; 1897. № 9705]. Финансовое ведомство охотно шло навстречу требованиям нефтяных компаний о снижении платы за перевозки их продукции. Еще в 1890 г. руководимый С.Ю. Витте Департамент железнодорожных дел по ходатайству Э. Нобеля установил льготные тарифы для отправки мазута и керосина в Центральный промышленный район России. В следующем году были введены пониженные тарифы на транспортировку нефтяных грузов от волжских пристаней за границу через балтийские порты – Ревель, Ригу и Либаву. Для поддержки экспортных операций Союза бакинских керосинозаводчиков в феврале 1894 г. тариф на Закавказской железной дороге был снижен с 19 до 14 коп. с пуда, а с июля – до 9 коп. Министерство финансов активно помогало нефтяным королям в борьбе с аутсайдерами (несоюзными предпринимателями) за монополизацию экспортной торговли. С целью лишить конкурентов единственной возможности отправлять керосин другим путем (через Новороссийск) в 1894 г. был отменен льготный вывозной тариф на Владикавказской железной дороге. Вместе с тем С.Ю. Витте не был склонен постоянно жертвовать интересами казны. В 1895 г. с учетом высоких цен на керосин с согласия крупных нефтепромышленников тариф вновь был поднят до

19 коп. с пуда. Одновременно Министерство финансов повысило провозную плату и на Владикавказской линии. Однако уже в 1897 г. по просьбе Нобеля тариф на Закавказской железной дороге был вновь понижен до 12 коп. с пуда и повышен только в 1900 г. до 16 коп. [Соловьева, 1975. С. 171–175].

Для поддержки нефтяного бизнеса Витте использовал и кредитный «рычаг». На рубеже XIX–XX вв. Бакинское отделение стало одним из крупнейших филиалов Государственного банка. Его основными активными операциями были учет и переучет векселей, выдача ссуд под ценные бумаги и товары (нефть и нефтепродукты). В числе постоянных клиентов отделения были крупные нефтепромышленники – Э. Нобель, Г.М. Лианозов, Г.З. Тагиев, М. Нагиев, А. Асадуллаев, И. Гаджинский, Г.Ш. Дадашев. Клиентами отделения стали и действовавшие в Бакинском районе акционерные компании – «Руно», «А.И. Манташев и К°», «Бр. Мирзоевы и К°» и др. После учреждения Союза бакинских керосинозаводчиков Государственный банк для поощрения экспорта стал выдавать кредиты под вывозимый товар за льготный процент. Однако в дальнейшем Госбанк уступил акционерным коммерческим банкам первенство в финансировании нефтяной промышленности. Это было вызвано ограниченностью средств банка, вынужденного расходовать значительные суммы на поддержку помещичьего землевладения, преобладание в его деятельности учетно-вексельных операций, высокий учетный процент и др. Акционерные банки предлагали клиентам более низкий процент, компенсируя свои потери высоким процентом по ссудам под нефть, и те ценные бумаги, которые не принимались в залог Государственным банком [Ибрагимов, 1983. С. 106, 107, 111; Соловьева, 1975. С. 172, 173].

Министр финансов стремился использовать подъем нефтяной промышленности для повышения государственных доходов. Еще при Вышнеградском с 1 января 1888 г. был введен акциз на керосин с двумя ставками: для легких масел – 40 коп. с пуда и для тяжелых – 30 коп. [ПСЗ-III, 1889. № 4895]. Этот налог вызвал рост цен на керосин внутри страны и стал тяжелым бременем для населения. Тем не менее С.Ю. Витте пошел на увеличение акциза с керосина, вывозившегося на внутренние рынки, и с 1 января 1893 г. он был повышен до 60 коп. с легких масел, а с тяжелых – до 50 коп. [ПСЗ-III, 1894. № 9093]. Поступление этого налога в 1893–1900 гг. возросло с 16,4 млн до 25,5 млн руб. [Першке, 1913. С. 68]. При вывозе за границу керосин не облагался пошлиной, что делало его выгодным для иностранного потребителя. Это позволяло российским экспортерам снижать цены за границей, повышать конкурентоспособность своего товара и вытеснять с международных рынков американские нефтепродукты. В результате подобной демпинговой политики усугубилась разница между ценами на керосин в России, где он стоил около 2 руб., и за рубежом (например, в Лондоне – 83 коп., в Гамбурге – 98 коп.). Это привело к сужению внутреннего рынка нефтепродуктов и замедленному возрастанию их потребления: с 37,9 млн пудов в 1893 г. до 40 млн пудов в 1899 г. Россия значительно отставала от передовых западных стран по среднему потреблению керосина: в 1900 г. оно составляло 5,235 кг, между тем как в Великобритании – 12,270 кг, в Германии – 15,133 кг, в США – 26 кг [Ахундов, 1959. С. 142–144; Галаган, 2003. С. 138, 139].

Обязательным условием развития нефтяной промышленности С.Ю. Витте считал привлечение иностранных капиталов. Однако весной 1898 г. инициативы министра финансов столкнулись с серьезной оппозицией в «верхах» во главе с великим князем Александром Михайловичем, который в своей всеподданнейшей записке высказал опасение, что отвод казенных земель на Апшеронском полуострове в ходе регулярных торгов иностранным предпринимателям, и в особенности английским, «может иметь последствием изъятие бакинской нефтяной промышленности из русских рук». Этой точке зрения сочувствовали многие высшие сановники и сам Николай II. 19 мая 1898 г. на заседании Комитета министров оппоненты Витте попытались провести решение об ограничении права иностранных подданных на приобретение недвижимого имущества на Кавказе. Однако министр финансов дал им

сильный отпор, подчеркнув, что подобная мера произведет «нежелательное впечатление» «на промышленные и коммерческие сферы Западной Европы». Он указал на огромное значение для России английского денежного рынка и, напротив, призвал рассеять существующее в Великобритании «недоверие к устойчивости правил, определяющих в России положение иностранных промышленников и торговцев» [Фурсенко, 1965. С. 112, 113].

Споры продолжились в Особом совещании, состоявшемся 3 июня 1898 г. С.Ю. Витте в союзе с А.С. Ермоловым и Г.С. Голицыным добился отклонения проекта «оппозиции». В итоге участники заседания пришли к заключению, что «участие иностранцев в развитии русской нефтяной промышленности следует считать не только не вредным, но полезным и желательным, так как только при свободном доступе к ней дешевых иностранных капиталов с предприимчивостью и энергией сия промышленность станет крепко на ноги и получит дальнейшее желательное развитие» (*Монополистический капитал...*, 1961. С. 219–228). После этого С.Ю. Витте не составило труда провести через Комитет министров утверждение уставов британских нефтяных компаний, которое 10 июля 1898 г. было подписано императором. Противники министра финансов не сложили оружия и пытались возражать ему в Особом совещании, созванном в апреле 1899 г. для обсуждения вопроса о допущении английских компаний к участию в очередных торгах нефтеносных земель, однако С.Ю. Витте и на этот раз сумел настоять на своем. Совещание подтвердило решение, принятое в июле 1898 г., и вынесло постановление, признающее «участие иностранцев и иностранных обществ в русской нефтяной промышленности полезным и желательным» [Гейфтер, Шепелев, 1960. С. 78–80, 97–100; Фурсенко, 1965. С. 116, 117].

В конце XIX в. резко возрос объем иностранных капиталов, хлынувших в российскую экономику. Этому способствовала не только целенаправленная политика Министерства финансов, но и благоприятная хозяйственная конъюнктура: мощный промышленный подъем в стране во второй половине 1890-х гг., финансовая стабилизация, упрочение золотого рубля в результате реформы 1895–1897 гг., обилие капиталов и низкая норма учетного процента на западном денежном рынке. Главным объектом иностранной экспансии стала именно нефтяная промышленность. Европейские биржи были наводнены ценными бумагами российских нефтяных компаний, которые котировались по высокому курсу. Если общая сумма иностранных инвестиций с 1894 по 1901 г. выросла в 4 раза, то в нефтяной промышленности в 30 раз – с 2,6 млн до 83,4 млн руб., причем налицо было подавляющее доминирование английских инвестиций. Всего в 1898–1903 гг. их было привлечено в Бакинский район на сумму 63,6 млн руб., кроме того — 8,5 млн руб. французских и 3 млн руб. бельгийских капиталов [Зив, 1916. С. 11–28; Эвентов, 1925. С. 28–37; Фурсенко, 1965. 105–138].

К началу XX столетия бакинская нефтяная промышленность достигла больших успехов. В 1898–1901 гг. Россия по добыче нефти обгоняла США и занимала первое место в мире. За 1893–1900 гг. количество действующих буровых скважин увеличилось с 458 до 1710, добыча нефти – с 324 млн до 601 млн пудов, численность рабочих на нефтепромыслах – с 7 060 до 25 214 человек, общий вывоз нефтепродуктов из Бакинского района – с 248,2 млн до 443,1 млн пудов, а их экспорт – с 60,2 млн до 90,9 млн пудов. Акцизный доход в эти годы возрос с 16,4 млн до 25,5 млн руб. [Першке, 1913. С. 55, 56, 59, 60, 68; Пажитнов, 1940. С. 95]. На пике своего развития нефтяная промышленность приносила казне до 100 млн руб. в год, которые слагались из акцизных поступлений, арендных доходов и платы за железнодорожные перевозки.

Со второй половины 1890-х гг. при поддержке государства заметно ускорились процессы акционирования и концентрации нефтяного производства. Если до 1890 г. в Бакинском районе из 120 нефтяных фирм насчитывалось всего 4 акционерных общества, то к началу XX в. их стало уже 39. В 1893 г. в бакинскую нефтяную промышленность влились 60 млн руб., из которых на долю акционерных предприятий приходилось 33,5 млн руб., а на долю единоличных – 26,5 млн руб. На 1 января 1902 г. сумма акционерного капитала

достигла 165,3 млн руб., тогда как размер единоличного капитала составил всего 10,3 млн руб. В регионе возникали предприятия, объединявшие все виды нефтяного производства, транспортные средства и торговлю нефтепродуктами. На рубеже XIX – XX вв. процесс перерастания «свободной» конкуренции в господство отдельных фирм зашел в нефтяной промышленности значительно дальше, чем в родственных по социально-экономической структуре отраслях добывающей индустрии на юге страны (каменноугольной и металлургической). К 1901 г., когда развитие нефтяного бизнеса достигло апогея, в руках трех фирм (Э. Нобеля, А. Ротшильда и А.И. Манташева) сосредоточилось более четверти всей нефтедобычи Бакинского района и около 40% производимого здесь керосина, им принадлежало также около половины всех нефтепродуктов, отправляемых в российские губернии и почти 70% экспорта из Батума за границу [Ахундов, 1959. С. 77; Монополистический капитал..., 1961. С. 11, 15].

Мировой экономический кризис 1900–1903 гг. обрушился и на Россию, поставив нефтяную промышленность в тяжелое положение. В 1901–1903 гг. сократились объемы разведочных работ, бурения и переработки нефти, количество действующих скважин – с 1924 до 1850, добыча – с 673 млн до 598 млн пудов, численность рабочих в нефтедобывающей промышленности – с 27 673 до 23 435 человек. В эти годы из 91 нефтеперерабатывающего завода осталось 86, но в действительности функционировали лишь 57. Из-за падения спроса в Баку скопились огромные запасы нефти, что усугубляло неустойчивость рынка. Среднегодовая цена сырой нефти в Баку снизилась за 1900–1902 гг. в 2,3 раза, керосина – в 3,4 раза, нефтяных остатков — в 2 раза. Это привело к падению доходов частных компаний, разорению многих средних и мелких неконкурентоспособных предприятий, дальнейшему росту концентрации нефтяного производства. Министерство финансов пыталось бороться с кризисом. В июне 1901 г. С.Ю. Витте командировал в Баку чиновника по особым поручениям С.И. Гулишамбарова, который провел специальные совещания с представителями нефтепромышленников и местной администрации для обсуждения причин, вызвавших обвал цен на нефть. По распоряжению министра финансов была на 30% снижена арендная плата за нефтеносные участки и выделены ссуды некоторым предпринимателям. Но эти меры не могли кардинально изменить ситуацию к лучшему. Россия навсегда утратила свое лидирующее положение в мировой добыче нефти: в 1901 г. ее доля составляла 53% (США – 39%), в 1902 г. – 46 % (США – 46 %), в 1903 г. – 42% (США – 48,5%). В дальнейшем это отставание еще более возросло. Нефтяная промышленность вступила в полосу длительной депрессии, и темпы ее роста значительно замедлились. Она стала единственной из всех отраслей российской индустрии, не сумевшей достичь докризисного уровня [Перишке, 1913. С. 73–88; Пажитнов, 1940. С. 95, 141; Яковлев, 1955. С. 265, 274–275; Ибрагимов, 1984. С. 40–45, 78].

В качестве министра финансов С.Ю. Витте продолжил курс своего ведомства на всемерную поддержку нефтяной промышленности и превращение ее в одну из ведущих отраслей отечественной индустрии. Это диктовалось задачами экономической модернизации и ростом потребностей народного хозяйства страны в эффективных энергоносителях. Министр финансов предпринял целый комплекс мер по стимулированию добычи, переработки и экспорта нефти – привлечение иностранного капитала, установление запретительных таможенных пошлин на ввоз иностранного керосина, строительство железных дорог, предназначенных для нужд нефтяной промышленности, введение пониженных железнодорожных тарифов, выдача льготных ссуд Государственного банка и др. С.Ю. Витте удалось добиться существенных успехов в развитии нефтяной промышленности, которая несколько лет по основному показателю занимала первое место в мире. Доходы, поступающие в казну из этой отрасли, стали постоянным ресурсом для пополнения бюджета. Кроме того, рост экспорта нефтепродуктов способствовал активизации торгового баланса России. В условиях золотого монометаллизма в денежном обращении, установившегося после реформы 1895–

1897 г., это имело особое значение для сведения и платежного баланса с положительным сальдо, чтобы избежать оттока золота за границу. Однако созданные министром финансов «тепличные» условия для нефтяного бизнеса имели и негативные последствия. Крупнейшие компании в полной мере воспользовались правительственной поддержкой, с одной стороны, для экспорта по демпинговым ценам с целью вытеснения конкурентов на внешних рынках, а с другой – для установления монопольно высоких цен внутри страны. Это неизбежно привело к сужению российского рынка и вынужденному сокращению потребления нефтепродуктов. Результаты спекулятивной политики бакинских «королей» отчетливо проявились также в ходе кризиса 1900–1903 гг., когда искусственно вздутые цены резко пошли вниз, что нанесло значительный ущерб как нефтяной промышленности, так и экономике в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахундов Б.Ю. (1959). Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М.: Соцэкгиз.
- Галаган А.А. (2003). Из истории налогообложения российской нефтяной промышленности в XIX – начале XX в. // Предвестие эры нефти. Проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX – начале XX в. М.: Древлехранилище. С. 75–146.
- Гефтер М.Я., Шепелев Л.Е. (1960). О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1898–1902 гг.) // Исторический архив. № 6. С. 76–104.
- Гефтер М.Я. (1961). Земельная политика царизма в Азербайджане и захват крупным капиталом нефтяных месторождений (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: сборник статей к 75-летию академика Н.М. Дружинина. М.: Издательство АН СССР. С. 380–396.
- Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999.
- Зив В.С. (1916). Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг.: Тип. ред. период. изд. м-ва фин.
- Ибрагимов М.Д. (1984). Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку: ЭЛМ.
- Мир-Бабаев М.Ю. (2012). Краткая история азербайджанской нефти. Кн. 2. Баку: [б. и.]. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. Документы и материалы. 1883–1914. (1961). М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Нардова В.А. (1974). Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е гг. Л.: Наука.
- Пажитнов К.А. (1940). Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.; Л.: Гостехиздат.
- Першке С. и Л. (1913). Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис: тип. К.П. Козловского.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (ПСЗ-III). Т. VII. (1889). СПб.: Государственная типография.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. (ПСЗ-III). Т. XI. (1894). СПб.: Государственная типография.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. (ПСЗ-III). Т. XII. (1895). СПб.: Государственная типография.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. (ПСЗ-III). Т. XIII. (1897). СПб.: Государственная типография.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. (ПСЗ-III). Т. XX. Отд. 1. (1902). СПб.: Государственная типография.
- Самедов В.А. (1988). Нефть и экономика России (80–90-е гг. XIX в.). Баку: ЭЛМ.
- Соловьева А.М. (1975). Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука.
- Фурсенко А.А., Шепелев Л.Е. (1959). Нефтяные монополии России и их участие в борьбе за раздел мирового рынка в 90-х годах XIX в. // Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России. М.: Издательство АН СССР. С. 47–156.
- Фурсенко А.А. (1962). Первый экспортный нефтяной синдикат в России (1893–1897 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России. М.-Л.: Издательство АН СССР. С. 4–58.
- Фурсенко А.А. (1965). Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы – 1918 г. Л.: Наука.
- Эвентов Л.Я. (1925). Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. 1874–1917. М.; Л.: Плановое хозяйство.
- Яковлев А.Ф. (1955). Экономические кризисы в России. М.: Госполитиздат.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

valerij-stepanov@mail.ru

OIL POLICY OF S. WITTE'S IN TRANSCAUCASIA (1892–1903)²

Abstract. The article is devoted to the study of the oil policy of Finance Minister S.Yu. Witte (1892–1903) in the Baku region, where most of Russian «black gold» was extracted. The distinguished reformer aimed at solving two connected problems: 1) to meet the requirements of the country's economy and 2) to turn oil industry into a source of state revenue. The Ministry of Finance gave every encouragement to the development of enterprises on the Apsheron Peninsula by way of large-scale attraction of foreign capital, lease of state oil-producing lands to private entrepreneurs, setting high customs duties on the import of competing American kerosene, granting of concessional loans by the State bank, improvement of transport infrastructure in the region, introduction of low railway tariffs to stimulate the export of oil products. S.Yu. Witte aimed at the enlargement of oil companies, gave preferential assistance to the firms which had the opportunity to modernize their enterprises and perform large-scale export operations. The policy of the financial department was highly conducive to a significant success in the development of oil industry by the early twentieth century. In 1898–1901 Russia was in advance of the US in oil extraction occupying the first place in the world. Year by year the state budget was replenished by means of substantial revenues from excise duties on kerosene, rent income and pay for railway transportation of oil cargos. But under the influence of the world economic crisis of 1900–1903 the main indicators of oil industry lowered and the pace of its growth slackened. The measures implemented by S. Witte (the cut of pay for the lease of oil-producing lands, the distribution of subsidized loans etc.) could not change the situation drastically. Oil industry fell into a long depression and could never again reach the pre-crisis level.

Keywords: *economic policy, oil industry, monopolies, foreign capital, export, public revenue.*

JEL Classification: N63, N53, N63, N73.

REFERENCES

- Ahundov B.Yu. (1959). Monopolisticheskij kapital v dorevolucionnoj bakinskoj neftyanoj promyshlennosti [Monopolistic capital in the pre-revolutionary Baku oil industry]. M.: Socekgiz.
- D'yakonova I.A. Neft' i ugol' v ehnergetike carskoj Rossii v mezhdunarodnyh sopostavleniyah. [Oil and coal in the energy sector of tsarist Russia in international comparisons]M.: ROSSPEN, 1999.
- Eventov L.Ya. (1925). Inostrannyj kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii. 1874–1917. [Foreign capital in Russian oil industry. 1874–1917]. M.; L.: Planovoe hozyajstvo.
- Fursenko A.A. (1962). Pervyj eksportnyj neftyanoj sindikat v Rossii (1893–1897 gg.) // Monopolii i inostrannyj kapital v Rossii. [The first export oil syndicate in Russia (1893–1897)]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR. S. 4–58.
- Fursenko A.A. (1965). Neftnyanye tresty i mirovaya politika. 1880-e gody – 1918 g. [Oil trusts and world politics. 1880s – 1918]. L.: Nauka.
- Fursenko A.A., Shepelev L.E. (1959). Neftnyanye monopolii Rossii i ih uchastie v bor'be za razdel mirovogo rynka v 90-h godah XIX v. [Oil monopolies of Russia and their participation in the struggle for the division of the world market in the 90s of the 19th century] // Materialy po istorii SSSR. T. VI: Dokumenty po istorii monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. S. 47–156.
- Galagan A.A. (2003). Iz istorii nalogooblozheniya rossijskoj neftyanoj promyshlennosti v XIX – nachale XX v. [From the history of taxation of Russian oil industry in the 19th – early 20th century] // Predvestie ehry nefti. Problemy istorii neftyanoj promyshlennosti Rossii i SSHA vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. M.: Drevlekhranilishche. S. 75–146.
- Gefter M.Ya. (1961). Zemel'naya politika carizma v Azerbajdzhane i zahvat krupnym kapitalom neftnyanyh mestorozhdenij (konec XIX – nachalo XX v.) [Land policy of tsarism in Azerbaijan and seizure of oil fields by big business (late 19th – early 20th century)] // Voprosy istorii sel'skogo hozyajstva, krest'yanstva i revolyucionnogo dvizheniya v Rossii: sbornik statej k 75-letiyu akademika N.M. Druzhinina. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. S. 380–396.

² This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)».

- Gefter M.Ya., Shepelev L.E.* (1960). O proniknovenii anglijskogo kapitala v neftyanyu promyshlennost' Rossii (1898–1902 gg.) [On the penetration of English capital into Russian oil industry (1898–1902)]. // Istoricheskij arhiv. № 6. S. 76–104.
- Ibragimov M.D.* (1983). Neftyanaya promyshlennost' Azerbajdzhana v period imperializma. [Oil industry of Azerbaijan in the period of imperialism]. Baku: ELM.
- Mir-Babaev M.Yu.* (2012). Kratkaya istoriya azerbajdzhanskoj nefti. [Brief history of Azerbaijani oil]. Kn. 2. Baku: [b. i.].
- Monopolisticheskij kapital v neftyanoj promyshlennosti Rossii. Dokumenty i materialy. 1883–1914.* (1961). [Monopolistic capital in Russian oil industry. Documents and materials. 1883–1914] M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Nardova V.A.* (1974). Nachalo monopolizacii neftyanoj promyshlennosti Rossii. 1880–1890-e gg. [The beginning of monopolization of Russian oil industry. 1880–1890s]. L.: Nauka.
- Pazhitnov K.A.* (1940). Oчерки по истории bakinskoj neftedobyvayushchej promyshlennosti [Essays on the history of Baku oil industry]. M.; L.: Gostoptekhizdat.
- Pershke S.L.* (1913). Russkaya neftyanaya promyshlennost', ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannyh. [Russian oil industry, its development and current situation in statistics]. Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III (PSZ-III). T. VII.* (1889). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. (PSZ-III). T. XI.* (1894). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. (PSZ-III). T. XII.* (1895). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. (PSZ-III). T. XIII.* (1897). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. (PSZ-III). T. XX. Otd. 1.* (1902). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection III].
- Samedov V.A.* (1988). Neft' i ekonomika Rossii (80–90-e gg. XIX v.). [Oil and Russia's economy (the 80–90s of the 19th century)]. Baku: ELM.
- Solovèva A.M.* (1975). Zheleznodorozhnyj transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Railway transport in Russia in the second half of the 19th century]. M.: Nauka.
- Yakovlev A.F.* (1955). Ekonomicheskie krizisy v Rossii. [Economic crises in Russia]. M.: Gospolitizdat.
- Ziv V.S.* (1916). Inostrannye kapitaly v russkoj neftyanoj promyshlennosti. [Foreign capital in Russian oil industry]. Pg.: Tip. red. period. izd. m-va fin.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г.Д. Гловели

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Москва

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., Институт экономики РАН (Москва)

КОНФЕРЕНЦИЯ

«КАТЕГОРИЯ “ВЛАСТЬ–СОБСТВЕННОСТЬ” И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ «ЭКОНОМИКИ РАЗВИТИЯ»¹

**(К 200-летию со дня рождения К. Маркса
и 100-летию со дня смерти Г.В. Плеханова)**

Институт экономики РАН, Москва, 18 июня 2018 г.

(краткий обзор)²

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 18 июня 2018 г. в Институте экономики РАН конференции, посвященной категории «власть–собственность» и ее значению для экономики развития. Представлены краткие резюме докладов, дискуссий, а также монографий, которые были рекомендованы выступавшими по рассматриваемой теме. Отмечается, что по отношению к категории власти–собственности в отечественном исследовательском поле существует целый спектр мнений и оценок. Часть исследователей полагает, что рассматриваемая категория не соответствует марксистским взглядам (А. Колганов). О. Ананьин полагает, что власть–собственность была полезной аллегорией в советское время, но в нынешних условиях она должна быть переосмыслена. Напротив, Ю. Латов и В. Овчинников считают власть–собственность весьма актуальным и операциональным инструментом для объяснения наблюдаемой реальности.

Различаются и взгляды на генезис власти–собственности. Р. Нуреев связывает эту категорию с марксистским пониманием азиатского способа производства В. Дементьев доказывает, что властные отношения – объективный элемент рыночных отношений. Общим выводом является признание наличия особых «культурных параметров», влияющих на экономическое развитие относительно бедных стран, и необходимости разработки языка описания, включающего власть–собственность в категориальный аппарат институциональной экономики.

Ключевые слова: *азиатский способ производства, власть–собственность, модернизация, догоняющее развитие.*

Классификация JEL: B14, B15, B24, B25, I30, N40.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания по теме «Структурные и институциональные доминанты экономической теории».

² Презентации и тезисы докладов, программа работы конференции размещены на портале ИЭ РАН inecon.org/nauchnaya-zhizn/arxiv-konferencziy/18-iyunya-2018-g-nauchnaya-konferencziya-lkategoriya-qvlastisobstvennostiq-i-ee-znachenie-dlya-qekonomiki-razvitiyaqr.html.

Концепция власти–собственности представляет собой одно из направлений пост-марксизма и имеет за собой длительную историю. Еще в работах 1850-х гг. (прежде всего в «Экономических рукописях 1857–1859 годов») К. Маркс предложил выделять «азиатский способ производства», под которым понималась формационная стадия, характеризующаяся развитием государственной эксплуатации при доминировании коллективной собственности. Отставание «восточных» (в широком смысле слова) цивилизаций от Запада объяснялось отсутствием в них частной собственности даже феодального типа. Поскольку целостной и развернутой характеристики «азиатского способа производства» основоположники марксизма не дали, среди марксистов-обществоведов по поводу этого концепта шли долгие дискуссии, осложняемые политическими обстоятельствами. К.-А. Виттфогель в 1957 г. в монографии «Восточный деспотизм» дал комплексное изложение концепции особого восточного пути развития, подчеркнув, что советский режим возродил на промышленной основе основные черты строя, при котором «государство сильнее, чем общество». В 1982 г. востоковед-китаист Л.С. Васильев (1930–2016) дал характеристику общественного строя докапиталистических государств Востока, предложив характеризовать их производственные отношения как основанные на власти–собственности – нерасчлененном единстве политической власти и экономической эксплуатации. Хотя данная концепция была предназначена в первую очередь для исследования истории Востока, в дальнейшем она стала использоваться и для характеристики развития российской цивилизации, причем не только в средние века, но и в XX–XXI вв. Современные российские институционалисты, активно использующие данный концепт (прежде всего Р.М. Нуреев, Н.М. Плискевич, Ю.В. Латов, В.В. Вольчик, отчасти О.Э. Бессонова и С.Г. Кордонский), подчеркивают, что в современном российском обществе, как и во многих других странах догоняющего развития, сохраняются и воспроизводятся многие элементы отношений власти–собственности, тормозящие модернизацию, – прежде всего институциональная коррупция и доминирование административной вертикали над гражданским обществом. В то же время высказывается мнение (С.Г. Кирдина-Чэндлер), что «институциональная матрица», основанная на централизованном регулировании, лучше соответствует современным условиям глобального развития, чем механизмы рыночного и демократического саморегулирования. Таким образом, в современных условиях обсуждение проблем власти–собственности смыкается с институциональными экономическими теориями развития (Economics of Development).

Конференция открылась большим докладом *«Власть–собственность вчера, сегодня, завтра»* Р.М. Нуреева, который сделал исторический обзор развития категории «власти–собственности» и концепции «азиатского способа производства». Последовали вопросы – следует ли его понимать так, что привычная концепция смены общественно-экономических формаций, которую отождествляют с марксизмом, характеризует развитие западных экономик, в то время как азиатский способ производства – восточных? Докладчик указал, что эти дискурсы несопоставимы хотя бы уже потому, что в одном случае в основе классификации применен экономико-правовой подход (тип собственности на средства производства), в то время как во втором – географический. По его мнению, интерпретировать Маркса так, как это делается сейчас и в отношении азиатского способа производства, и в отношении понятия экономических формаций – неправомерная вульгаризация взглядов этого выдающегося мыслителя.

Дискуссию продолжил доклад *«Инерция власти–собственности как основа провала модернизации России в XXI веке»* известного петербургского исследователя А.П. Заостровцева, представлявшего Леонтьевский центр. Участникам конференции была предложена интерпретация недавней истории России и сегодняшней экономической ситуации как реализации определенного «культурного кода», препятствующего модернизации. Докладчик подчеркнул описательный характер своей работы, фиксирующей различия между российскими и западными институтами. Но вопросы, которые были заданы по

докладу, носили нормативный характер – обрекает ли специфика культурных ценностей, «вписанных» в институты, Россию на вечное экономическое отставание от стран Запада? Такие нормативные оценки выходили за рамки плодотворного обсуждения и были сняты модераторами дискуссии.

Доклад «*К критике концепции “власти-собственности”*» профессора МГУ, ведущего научного сотрудника ИЭ РАН А.И. Колганова основывался на его статье, опубликованной в «Вопросах экономики» [Колганов, 2017]. Фактически докладчик попытался вывести концепцию «власти-собственности» за рамки марксизма. В ходе обсуждения выяснилось, что советский социализм, который представлял собой тип общественного устройства, где данная концепция имела наибольшую объясняющую силу, не относится А.И. Колгановым к «социалистическому способу производства», во всяком случае, это был не тот социализм, который имел в виду К. Маркс.

Профессор Финансового университета В.В. Дементьев представил доклад «*Российская экономика как “экономика власти”*», в котором властные отношения рассматривались как объективно присущие не только российской, но и западной экономике. Главной проблемой является удельный вес и роль власти в той или иной экономической модели. Повышение такого удельного веса связано с относительно «субъективной» ролью государства, сознательным выбором политических лидеров. Доклад, несмотря на критику доминирующих властных российских институтов, в целом оставил оптимистическое впечатление, связанное с отрицанием предопределенности провала модернизации и возможностей реализации того или иного общественного выбора.

Последним сообщением в утренней сессии был доклад Ю.В. Латова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН) «*Власть–собственность в постсоветской России – отмирание или ренессанс?*», который продолжил дискуссию, начатую выступлением А.П. Заостровцева. С одной стороны, в докладе Ю.В. Латова демонстрировался определенный ренессанс власти–собственности в России, что звучало в унисон описанию петербургского коллеги. С другой стороны, Ю.В. Латов рассматривает «власть–собственность» как вариант восточного пути модернизации, по которому уже прошли такие страны, как Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай, Малайзия. Эта позиция резко расходится с представлениями о том, что власть–собственность является основным препятствием на пути каких-либо прогрессивных социально-экономических изменений, способствующих повышению доходов и уровня жизни в целом, инновациям, появлению передовых образцов техники, развитию науки.

В рамках утренней панельной дискуссии следует выделить выступление профессора НИУ ВШЭ О.И. Ананьина. Он отметил, что «власть–собственность» в советское время использовалась в качестве аллегории, скрывающей критику советского экономического устройства. К таким же аллегориям относились и «административный рынок» (искаженный, плохо работающий, ведущий к неэффективности и коррупции), «экономика согласований». В нынешних условиях свободы дискуссий и отсутствия идеологического контроля над экономистами целесообразность использования аллегорий исчезает. Имеет смысл говорить о «провалах государства» и «провалах рынка», что выводит обсуждение в область дискурса экономического мейнстрима.

Дневная сессия открылась приветственным словом руководителя направления «Теоретическая экономика» А.Я. Рубинштейна. Он обратил внимание участников на критику и ревизию нынешнего понимания государства как производителя общественных благ, которое доминирует в рамках теории общественного выбора. С другой стороны, государство уже не подменяет собой рынок, как это предполагали советские политэкономы. Таким образом, по его мнению, государство нужно рассматривать как своеобразного «плеймейкера» (буквально – «делателя игры»), т.е. как основного производителя правил игры (институтов). Такой подход выходит за рамки концепции власти–собственности, где

государственные органы являются и рыночными акторами, и производителями правил одновременно, при этом правила постоянно меняются так, чтобы государственные участники постоянно «обыгрывали» всех остальных.

После этого с докладом «**Выборы в условиях «власти-собственности» – демократический институт или праздник?**» выступил социолог А.В. Овчинников (Казанский инновационный университет им. Тимирязева (ИЭУП)). Электоральная процедура конкурентных выборов в условиях либеральной демократии, с точки зрения рядового избирателя, по мнению докладчика, это обычная рутина, выполнение обычных социальных обязанностей. По своему механизму это близко к регистрационным процедурам или другим вариантам заполнения анкет и сдачи их к определенной дате ответственным лицам (подача налоговых деклараций, получение паспорта или автомобильных прав). Праздник, шоу в этом случае разворачивается внутри политических мероприятий, где собираются однопартийцы и сочувствующие. В условиях власти–собственности выборы имеют другой смысл, близкий к сакральному единению начальства и народа. Это своего рода «венчание на царство». Выборы в таком случае становятся общенародным праздником, при этом радость должны испытывать все, а не только однопартийцы фаворитов предвыборной гонки. Такое интуитивное, бессознательное ощущение есть у представителей власти, помогающих избирательным комиссиям, что проявляется и в организации бесплатных буфетов, и в распродаже товаров по ценам ниже рыночных (для участия в празднике нужно было проголосовать и получить талон-удостоверение о том, что избиратель «выполнил свой долг»; талон служил «допуском» к льготным покупкам). Местные предприниматели в такие дни также проявляют социальную солидарность – некоторые потери, которые они несут от торговли по ценам ниже обычного уровня, не компенсируются им из бюджета. Общественные мыслители, которые воспринимают российские выборы как обычную техническую электоральную процедуру, живут в «своей реальности», не замечая многочисленных свидетельств того, что в условиях власти–собственности это мероприятие имеет другую социальную природу.

Идеи доклада ведущего научного сотрудника ИЭ РАН А.В. Верникова «**Система власти–собственности в банковском секторе России**» отчасти перекликались с ранее высказанными тезисами В.В. Дементьева. Применительно к банковскому сектору России были продемонстрированы процессы концентрации капитала как с позиции аккумуляции финансовых ресурсов, так и в отношении производства банковских продуктов и услуг. Оба этих процесса идут под контролем Центрального Банка России, при этом удельный вес государственного капитала существенно увеличился, в какой-то мере можно говорить об огосударствлении банковской системы. Тем не менее докладчик особо подчеркнул, что о национализации банков речи не идет, огосударствление – результат кризисного положения существенной части банков. После процедур реорганизации и финансового оздоровления банки выставляются «на продажу». Однако, учитывая сложившееся положение, возникает вопрос – почему механизмов банковской конкуренции, слияний, поглощений оказывается недостаточно для устойчивого функционирования финансового сектора? Правдоподобной гипотезой, объясняющей феномен нынешнего «временного огосударствления», и представляется феномен власти–собственности в банковской сфере.

В ходе вопросов и последующего обсуждения доклада было отмечено, что в основе особенностей того или иного устройства банковской системы лежат политические причины, это не только российская специфика. Большой материал на эту тему представлен в обширной работе С. Хабера и Ч. Каломириса, недавно переведенной на русский язык [Каломирис, Хабер, 2017].

Последний доклад в дневной сессии «**Перспективы модернизации российской системы государственного управления: культуральные и институциональные аспекты**»

был представлен философом К.В. Воденко (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск). Это выступление неявно вступило в полемику с докладами Ю.В. Латова и А.П. Заостровцева. Трактовка системы государственного управления в стиле рационализма М. Вебера, предпринятая докладчиком, допускает культуральные различия, но не предполагает разной природы иерархических систем. Сторонники концепции власти–собственности, напротив, настаивали именно на принципиальных различиях.

В рамках конференции состоялось представление новых монографий, посвященных разработке данной темы. Ю.В. Латов и Р.М. Нуреев кратко охарактеризовали следующие работы:

- ▶ Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): Монография / Под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. М.: КНОРУС, 2018.
- ▶ Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России. Опыт институционального анализа. М.: КНОРУС, 2017.
- ▶ Нуреев Р.М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем): Учебник. М.: КНОРУС, 2017.
- ▶ Нуреев Р.М. Очерки по истории марксизма. М.: КНОРУС, 2018.

Среди представленных работ «Экономическая история России» представляет собой целостную интерпретацию российской истории в рамках категории «власти–собственности». Это своего рода верификация концепции на историческом материале.

Другая монография, впечатляющая объемом проделанной автором работы – «Экономическая компаративистика» (710 с.). Она предназначена для магистрантов и представляет собой продвинутый учебник. Во многих аспектах, связанных с анализом траекторий развития сравнительно бедных стран, здесь также применяется категория власти–собственности.

А.П. Заостровцев также представил ряд работ, изданных в Санкт-Петербурге:

- ▶ Гельман В., Заостровцев А., Травин Д. Российский путь. СПб.: Европейский университет, 2017.
- ▶ Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017.
- ▶ Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество? / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2016.

Леонтьевский центр в Санкт-Петербурге каждый год проводит Леонтьевские чтения, на которых выступают исследователи, придерживающиеся не только разных идеологических позиций, но и использующие различную методологию исследования. Экономисты институционального направления, историки, политологи, социологи, использующие категорию власти–собственности в своем анализе, также представлены в сборниках, изданных Леонтьевским центром.

Работа «Российский путь» как раз и представляет такое синтетическое единство взглядов историка, политолога и институционального экономиста. Причем следует отметить, что Д. Травин придерживается мнения, что дискурс особого пути возникает у стран, переживших фрустрацию модернизационного порыва (Португалия, Испания, Польша и др.), в то время как А. Заостровцев уверен в культурной «особости» Великого княжества Московского и его наследников. Тем больший интерес представляет эта совместная работа для вдумчивых читателей.

Завершил конференцию Круглый стол, где обсуждались и роль культурных факторов, и инструментальность категории власть–собственности и перспективы дальнейшего возможного развития институционального анализа. Следует отметить выступление профессора МГУ, ведущего научного сотрудника ИЭ РАН М.Г. Покидченко, который приводил факты культурных заимствований России у Орды, способствовавшие росту производительности

и «связности» государства (в частности, системы ямской службы, организации соответствующих застав и охраны путей). Особенности понимания государства и его роли в мир-системном анализе, где категория власти–собственности соответствует миру-империи, была отмечена модератором Круглого стола Г.Д. Гловели. В свою очередь, развивая позицию, высказанную О.И. Ананьиным, на необходимость «вписывания» власти–собственности, азиатского способа производства и специфики институтов развивающихся стран в общий институциональный дискурс указывал в своем выступлении П.А. Ореховский.

Подводя итоги прошедшей конференции, Р.М. Нуреев отметил необходимость большего внимания к «особым» институтам как России, так и развивающихся стран. К сожалению, обсуждение этих особых категорий, включая власть–собственность, по ряду причин не находится в центре внимания исследователей. Но именно эти институты и определяют эффективность многих мероприятий экономической политики, не говоря уже о сколько-нибудь серьезных экономических реформах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельман В., Заостровцев А., Травин Д. (2017). Российский путь. СПб.: Европейский университет.
- Каломирис Ч., Хаббер С. (2017). Непрочные по конструкции: политэкономические причины банковских кризисов и дефицита кредитов. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Колганов А.И. (2017). К критике концепции «власти – собственности». Вопросы экономики, №7. С. 79-95.
- Нуреев Р.М. (2018). Очерки по истории марксизма. М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М. (2017). Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). Учебник. М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2017). Экономическая история России. Опыт институционального анализа: КНОРУС.
- Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? (2017). Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) (2018): Монография / Под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. М.: КНОРУС.
- Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество? (2016) / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Ореховский Петр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

George Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor, Head of the Center for Methodological and Historical and Economic Studies of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of High School of Economics, Moscow

glovelig@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

orekhovskaya@mail.ru

CONFERENCE “CATEGORY POWER-PROPERTY” AND ITS IMPORTANCE FOR “ECONOMY OF DEVELOPMENT”

(To the 200th anniversary of the birth of Karl Marx and 100th anniversary of the death of G.V. Plekhanov) Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 6 June 2018 (review)

Abstract. The paper presents a review of the conference held on June 18, 2018 at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences devoted to the category of power-property and its significance for the economy

of development. Brief summaries of reports, discussions, as well as monographs, which were recommended by speakers on the topic under consideration, are presented. It is noted that in relation to the category of power-property in the domestic research field, there is a whole spectrum of opinions and values. Some researchers are sure that the category in question does not correspond to Marxist views (A. Kolganov). O. Ananyin believes that power-ownership was a useful allegory in the Soviet era, but in the current conditions it must be rethought. On the contrary, Y. Latov and V. Ovchinnikov consider the power-property as a very actual and operational tool for explaining the observed reality.

There are different views on both the genesis of power-property. R. Nureyev associates this category with the Marxist understanding of the Asian economic formation, V. Dementiev argues that power relations are an objective element of market relations. The general conclusion is the recognition of the existence of special “cultural parameters” that affect the economic development of relatively poor countries and the need to develop a discourse of description that includes power-property in the categorical apparatus of the institutional economy.

Keywords: *Asian economic formation, power-property, modernization, overhaul development.*

JEL Classification: B14, B15, B24, B25, I30, N40.

REFERENCES

- Gel'man V., Zaostrovtshev A., Travin D.* (2017). *Rossiyskiy put'* [The Russian way]. SPb.: Yevropeyskiy universitet.
- Kalomiris C., Haber S.* (2017). *Neprochnyye po konstruksii: politekonomicheskiye prichiny bankovskikh krizisov i defitsita kreditov* [The Political Origins of Banking Crisis and Scarce Credit]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Kolganov A.I.* (2017). K kritike kontseptsii «vlasti – sobstvennosti» [To the Critique the Concept of “power - property”]. *Voprosy ekonomiki*, №7. Pp. 79–95.
- Nureyev R.M.* (2018). *Ocherki po istorii marksizma* [Essays on the History of Marxism]. M.: KNORUS.
- Nureyev R.M.* (2017). *Ekonomicheskaya komparativistika (sravnitel'nyy analiz ekonomicheskikh sistem). Uchebnik* [Economic comparativistics (comparative analysis of economic systems). Textbook]. M.: KNORUS.
- Nureyev R.M., Latov Y.V.* (2017). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii. Opyt institutsional'nogo analiza* [The Economic History of Russia. The Experience of Institutional Analysis]. KNORUS.
- Rossiya 1917–2017: Yevropeyskaya modernizatsiya ili osobyy put'? [Russia 1917–2017: European modernization or a special way?] (2017) / Pod red. A.P. Zaostrovtsheva. SPb.: Leont'yevskiy tsentr.
- Upushchenny shans ili posledniy klapan? (k 50-letiyu kosygin'skikh reform 1965 g.) [Missed chance or last valve? (on the occasion of the 50th anniversary of the Kosygin's reforms of 1965)] (2018): monografiya pod red. R.M. Nureyeva i Y.V. Latova. M.: KNORUS.
- Ekonomicheskaya teoriya i politologiya: ignorirovaniye, konkurentsia ili sotrudnichestvo? [Economic theory and political science: ignoring, competition or cooperation?] (2016) / Pod red. A.P. Zaostrovtsheva. SPb.: Leont'yevskiy tsentr.

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Финансовый университет, Москва

НА ПУТИ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

(о работах профессора Д.Ю. Миропольского¹)

Аннотация. В рецензии рассматривается теория профессора Миропольского, которая разрабатывалась в Петербурге более двадцати лет. Она основана на двухсекторной модели, которая демонстрирует взаимодействие двух секторов. В первом из них производятся базовые товары, во втором – пионерные. В первой наблюдается избыток ресурсов, во втором – дефицит. Для того, чтобы второй сектор функционировал, часть ресурсов в него передается из первого на основе планового, бюрократического перераспределения. Если объем перераспределения достаточно велик (например, 50% и более), в такой хозяйственной системе доминируют институты плана, если объем перераспределения сравнительно мал, то доминируют институты рынка.

Двухсекторная модель основывается на оригинальной авторской теории стоимости и развиваемом альтернативном понимании предмета изучения экономической теории. Как предполагает автор, его работа развивает понятия азиатского способа производства и евразийской политэкономии.

Ключевые слова: *план, рынок, базисные и пионерные товары, стоимость, продукт.*

Классификация JEL: B14, D51, N00, P00.

В экономической науке с давних времен существуют очень разные концепции, имеющие географическую привязку. Таковы, например, австрийская и немецкая историческая школы, американский институционализм, азиатский способ производства, японская система отношений собственности кейрецу. Каждая из таких теорий (и практик), безусловно, оригинальна и представляет интерес и своими методологическими особенностями, и особенностями используемого языка, определяющего способ обсуждения актуальных экономических проблем. Петербургский профессор Д.Ю. Миропольский, начиная со своей докторской диссертации «Формирование типов хозяйственных систем. Динамика материальной структуры и процессы неравновесия», защищенной в 1997 г., пытается создать общую экономическую теорию, совмещающую «план» и «рынок», «неравновесный» и «равновесный» обмены, объясняющую механизмы функционирования самых разных государств, не только «социалистических» и «капиталистических», но и таких, как Древний Египет или Древний Китай. На протяжении двух десятков лет он строит большую теорию, в которой преследуется амбициозная «цель...: внести вклад в решение проблемы азиатского способа производства и способствовать, тем самым, преодолению “западноцентричного” взгляда и на экономическую науку и на развитие самой экономики.

...Теория азиатского способа производства должна отлиться в евразийскую политическую экономию как систему научного знания и соответствующую учебную дисциплину» [Очерки, 2015. С. 8].

Критиковать такие концепции, противопоставляя им понятия современного мейн-стрима, легко, гораздо труднее понять внутреннюю логику автора. В связи с этим заранее приносим извинения читателям за обильное цитирование – пересказать идеи Д.Ю. Миропольского своими словами, не искажая их смысл, затруднительно. Кроме того, описать в рецензии такую «большую теорию», которая противопоставляет себя и маргинализму, и марксизму, претендуя на синтез всех понятий, конечно, невозможно. Далее мы остановимся только на некоторых важных пунктах концепции Д.Ю. Миропольского.

¹ *Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. Далее в тексте – Очерки, 2015. Основы теоретической экономики: Учебник / Под ред. д-ра экон. наук проф. Д.Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. Далее в тексте – Основы, 2008.*

Абстрактная двухсекторная модель

Как указывает сам автор: «Многие мои публикации последних лет начинаются со ставшего уже стандартным краткого описания так называемой двухсекторной модели хозяйственной системы. Эта, кочующая из статьи в статью, однообразная выкладка необходима вследствие двух причин: а) анализ рассматриваемой в конкретной работе проблемы я провожу на основе данной двухсекторной модели; б) с двухсекторной моделью никто, кроме узкого круга лиц, не знаком, и поэтому без ее изложения текст становится невнятным...» [Очерки, 2015. С. 4].

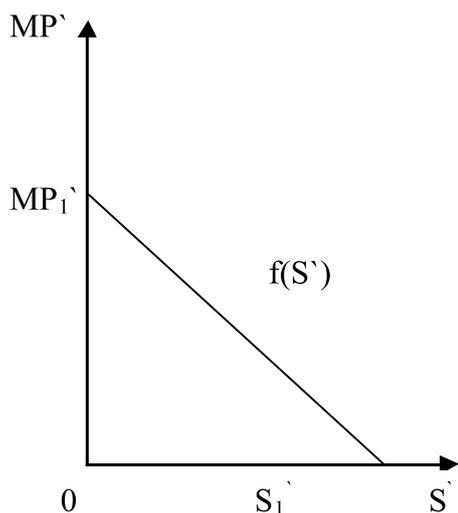

Рис. 1. Предельные продукты производства экономических субъектов

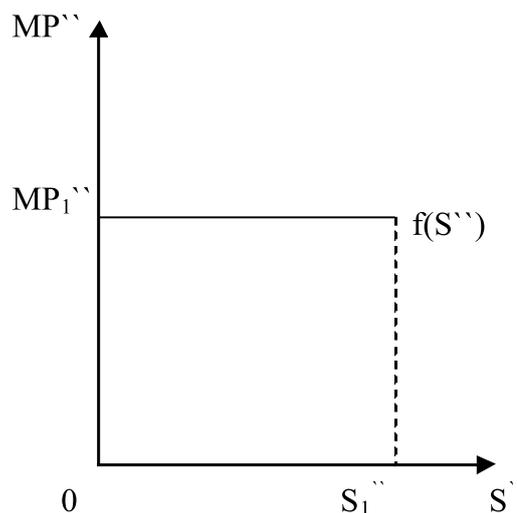

Рис. 2. Предельные продукты потребления экономических субъектов

Рис. 1, 2 [Очерки, 2015. С. 4] и далее – с авторскими обозначениями Д.Ю. Миропольского. Рис. 1 предполагает, что по оси (S') расположены все экономические субъекты, занимающиеся производством продукции и услуг (аналог «сектора фирм» в макроэкономике). Они специфическим образом упорядочены – по величине предельного продукта.

Здесь возникает первый круг неявных допущений, которые автор не обсуждает. Во-первых, он предполагает, что величину разных продуктов разных производителей можно сравнить между собой. Это означает, что у этих продуктов есть *стоимости*, или, как минимум, *цены*. Во-вторых, экономические субъекты проранжированы в соответствии с убывающей предельной отдачей (производительностью).

Ранжирование производителей сразу же заставляет вспомнить об известной в СССР, но ныне полузабытой теории многоуровневой экономики Ю.В. Яременко. Там такое ранжирование применялось для того, чтобы «лучшим» фирмам выделялись и «лучшие» ресурсы (которые, в свою очередь, тоже ранжировались). Определение того, кто хуже, а кто лучше, делалось с помощью системы приоритетов, которые централизованно устанавливали Госплан и Кабмин, выполняя решения руководства КПСС². Как мы позднее увидим, это имеет прямые параллели с концепцией Д.Ю. Миропольского.

Возвращаясь к вышеуказанным неявным допущениям, следует отметить, что убывающая отдача характерна для статического анализа, который часто используется в неоклассике. Это важная посылка, поскольку она позволяет сохранять однородную взаимосвязь между издержками и ценами. Случай возрастающей отдачи, когда на каждую дополнительную единицу затрат приходится больше, а не меньше продукции, приводит к разрушению указанной

² Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.

взаимосвязи и рассматривается сравнительно редко³. Поэтому кривая предельного продукта на рис. 1 воспринимается как самоочевидная. Но в отношении рис. 2, который показывает потребление «предельных продуктов», сразу же возникает вопрос – почему экономические субъекты, имеющие разную производительность, потребляют одинаковое количество ресурсов? Д.Ю. Миропольский подтверждает: «Горизонтальное положение функции $f(S'')$ говорит о том, что все субъекты потребляют одинаковое количество ресурсов» [Очерки, 2015. С. 5].

Далее автор объединяет «производство» и «потребление» и получает следующие два графика (рис. 3, 4).

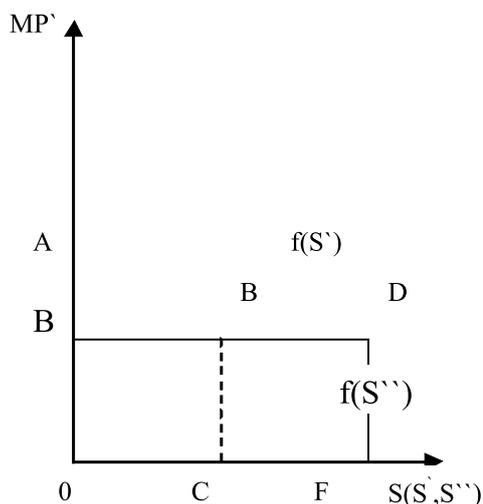

Рис. 3. Хозяйственная система как единый процесс производства и потребления

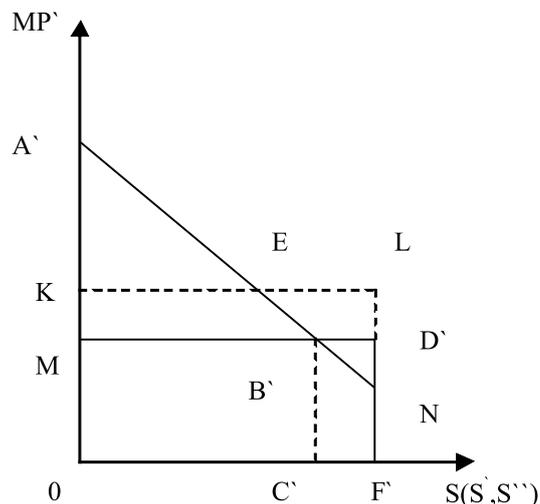

Рис. 4. Структура экономики, предполагающая рыночные отношения между экономическими субъектами

Рис. 3, 4 [Очерки, 2015. С. 5–6] на самом деле демонстрируют не только единство процессов производства и потребления, но и отношения между «ресурсоизбыточным» и «ресурсонедостаточным» секторами. Фирмы ресурсоизбыточного сектора получают прибыль – их результаты больше, чем их затраты. Организации ресурсонедостаточного сектора убыточны. К этому сектору Д.Ю. Миропольский относит «а) недостроенные хозяйственные объекты; б) предприятия, необходимые системе...; в) социальная и культурная дотируемые сферы; в) производство избыточных предметов роскоши» [Очерки, 2015. С. 5]. Последнее вызывает недоумение. Кажется, что роскошь сама по себе избыточна, вдобавок экономические субъекты готовы отдать за нее любые деньги. Но в дальнейшем автор поясняет, что главным в его двухсекторной модели является выделение «базовых» и «пионерных» товаров. Базовые товары – продукты жизнеобеспечения, их производство характеризуется высокой эффективностью, что позволяет фирмам ресурсоизбыточного сектора получать прибыль. Пионерные товары: «а) не входят в комплекс необходимого жизнеобеспечения; б) вследствие новизны производительность при их производстве низкая. Сочетание таких качеств приводит к тому, что при производстве пионерных продуктов результат оказывается ниже затрат. Поэтому субъекты, производящие пионерные продукты, располагаются в ресурсонедостаточном секторе, образуя его ядро. Пионерный продукт – понятие более широкое, чем инновационный продукт. Под инновационным продуктом мы понимаем пионерные продукты, впервые осваиваемые человечеством. Продукт же, впервые осваиваемый отсталым сообществом, но уже освоенный иными сообществами, является пионерным, но не инновационным» [Очерки, 2015. С. 5–6].

³ Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике / Под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб.: Алетей, 2014.

То, что автор относит производство предметов роскоши и НИОКР в один и тот же ресурснедостаточный сектор выглядит довольно неожиданно. С другой стороны, если рассматривать повседневную рутину хозяйственной деятельности как норму, а инновации – как случайность, подверженную влиянию неопределенности по Ф. Найту, такой подход кажется вполне логичным. Хроническая убыточность производства «пионерных» продуктов выглядит сомнительной, но поскольку Д.Ю. Миропольский использует статический анализ, то в *краткосрочном* периоде такое выделение выглядит вполне правомерным.

Необходимо отметить, что в целом подход автора соответствует давней классической традиции выделения «двух подразделений общественного производства» и дальнейшему формированию условий макроэкономического обмена при общем равновесии. По Марксу, первое подразделение производит «средства производства» как для «производства средств производства», так и для «производства предметов потребления». Рост ВВП достигается за счет превышения объема новых «средств производства» над выбывающими; говоря современным языком, инвестиции должны быть больше выбытия. Если теперь перегруппировать «подразделения» в «секторы», причем выделить в один сектор производство тех благ, которые потребляются в течение короткого периода, а в другой сектор – блага с длительным жизненным циклом, понятно, что в *коротком периоде* производство последних будет «убыточно». Однако почему эта «убыточность» или «ресурснедостаточность» будет сохраняться в длительном периоде? Социальные блага представляют собой либо трансферты, либо «человеческий капитал», недостроенные объекты и НИОКР превращаются в заводы и технологии, предметы роскоши, как правило, реализуются по ценам, намного превосходящим издержки производства.

Существование «ресурснедостаточного» сектора нужно автору для другого: «Естественно, частный собственник не будет длительное время вести дело, которое не приносит ему прибыли. Поэтому, если структуру экономики принимать неизменной, в такой хозяйственной системе доминируют не предприниматели, а бюрократия. Бюрократия перераспределяет избыточные ресурсы в ресурснедостаточный сектор, используя не рыночный, а плановый механизм.

Таким образом, двухсекторная модель позволяет определить структурные условия возникновения либо рыночной, либо плановой экономики, либо их смеси» [Очерки, 2015. С. 7].

Возвращаясь к рис. 3, 4: они иллюстрируют разные объемы перераспределяемых бюрократией ресурсов, а заодно – «плановую» и «рыночную» экономики. На рис. 3 объем перераспределяемых «дотаций» в ресурснедостаточный сектор описывается относительно большим треугольником BDF, это «плановая» экономика. На рис. 4 треугольник B'D'N относительно мал – это «рыночная» экономика.

Любопытно, что при таком абстрактном представлении механизм аллокации ресурсов отрывается от типа собственности. Обычно принято связывать «план» с общественной или, как минимум, государственной собственностью. Получается, что «плановая экономика» может существовать и при доминировании частной собственности. Кроме того, если «роскошь» и «пионерные продукты» – одно и то же, то из самой модели следует, что вместо НИОКР «ресурснедостаточный» сектор может производить блага для паразитического потребления растущего класса бюрократов. И это тоже – «плановая» экономика.

Сам Д.Ю. Миропольский указывает: «Однако такое сжатое представление модели хозяйственной системы не является ее обоснованием. В каких бы конкретных направлениях я ни развивал изложенную модель, к каким бы проблемам не применял, это развертывание не есть обоснование исходных посылок» [Очерки, 2015. С. 6]. С этим можно только согласиться: само разделение экономики на два сектора, корректное только для короткого периода, вряд ли можно считать *основанием институтов «плана» и «рынка», которые функционируют в продолжении множества длительных периодов* (включая и большие циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева).

Теория стоимости

В более ранней работе в качестве обоснования своей модели Д.Ю. Миропольский предлагает свою же теорию стоимости. Стиль изложения здесь совсем другой. Как указано в аннотации к книге, «в учебнике представлена оригинальная версия курса теоретической экономики, разработанная с учетом господствующих экономических школ, так и концепции, развиваемой на кафедре общей экономической теории СПбГУЭФ». По-видимому, это обстоятельство объясняет категоричность формулировок.

Для начала автор критикует трудовую теорию по следующим направлениям:

«Трудовая теория стоимости страдает односторонностью.

Во-первых, она только объективная. Субъективная сторона продукта выпала.

Во-вторых, продукт – это процесс производства и потребления, а у Маркса фигурирует только стоимость производства.

В-третьих, в марксистской теории стоимость появляется только в обмене. Но тогда неясно, как она образуется на стадии единичного продукта, когда обмена еще нет.

В-четвертых, в трудовой теории стоимости – это стоимость только отдельного продукта, стоимость агрегата отсутствует» [*Основы*, 2008. С. 53].

Достается и теории предельной полезности:

«Теория предельной полезности, как и теория трудовой стоимости, односторонняя.

Во-первых, если трудовая теория объективная, то теория предельной полезности только субъективная. То есть также выхватывает одну сторону продукта.

Во-вторых, теория предельной полезности измеряет только потребление, выбрасывая производство.

В-третьих, также как и трудовая теория, теория предельной полезности не охватывает измерения агрегата, ограничиваясь ценностью отдельных благ.

Наша задача – устранить односторонность как трудовой, так и полезностной теории» [*Основы*, 2008. С. 54].

Для того, чтобы решить указанную задачу, Д.Ю. Миропольский строит сначала «объективную стоимость», а потом – «субъективную». К сожалению, при этом он нигде не дает четкого, однозначного определения этих понятий, так что невозможно привести соответствующие цитаты. «Объективность», как и «субъективность», здесь создаются *ходом определенных рассуждений*, которые приводятся ниже.

Объективная стоимость. «Предположим, дикий человек выкопал 10 съедобных корней... за 10 часов труда нормальной производительности и интенсивности. Тогда, согласно объективной теории, 100 корней стоят 10 часов труда...

Но здесь возникает теоретическая трудность. Почему... человек выкопал именно 100 корней, а не 200? Трудовая теория не дает ответа на этот вопрос. Не дает потому, что 10 часов, затраченных на корни – это только стоимость производства. А стоимости потребления в этой теории нет...

Допустим, что каждый корень в процессе потребления создает потенциальную способность трудиться, равную 0,1 часа...» [*Основы*, 2008. С. 55].

«...мы определили основную идею: затраты труда перешли в потребительную стоимость корня, а потребительная стоимость, в свою очередь, перешла в восстановленную способность к труду» [*Основы*, 2008. С. 56].

По ходу изложения рассматриваются случаи, когда съеденный корень восстанавливает «способность трудиться», равную как 0,05 часа, так и 0,2 часа. В первом случае, как полагает автор, добыча корней «экономически нерациональна», во втором копать их «экономически эффективно». Это, по мнению Д.Ю. Миропольского, хорошо демонстрирует «двойственную теорию стоимости» – «стоимость как результат» может быть как вдвое меньше, так и вдвое больше «стоимости затрат». Далее, «различие между производством

и потреблением корней проистекает из того, что в производстве корней человек выступает как субъект, тратящий свою рабочую силу. В процессе же потребления человек рабочую силу не расходует, за исключением незначительного количества, которым мы можем пренебречь. Корни как неживой объект тоже усилий для восстановления рабочей силы человека не осуществляют. Человек, совершая конкретные потребительские операции, лишь переносит на самого себя как будущего работника результирующую стоимость корней, заложенную в производстве» [Основы, 2008. С. 64].

«...мы можем подвести некоторые промежуточные итоги. Во-первых, изложенное показывает, что исследование количества продукта можно и нужно начинать не с товарного обмена, а со времен гораздо более ранних, дотоварных. Во-вторых, признание того факта, что потребительная стоимость создает стоимость, позволило нам распространить трудовую теорию стоимости не только на сферу производства, но и на сферу потребления» [Основы, 2008. С. 66.]

Указанное расширение теории стоимости на сферу потребления приводит Д.Ю. Миропольского к неожиданному выводу о том, что: «По условиям, принятым ранее, получается, что каждый работник тратит на производство корней 10 часов, а съев их, восстановит пятнадцатичасовую способность к труду. Спрашивается, куда деть дополнительную энергию?» [Основы, 2008. С. 65]

Кроме этого, графическое изображение предельных продуктов отдельных «дикарей» и их суммирование позволяет получить «агрегат». Отсюда: «объективная трудовая стоимость с самого начала выступает в двух формах – ценовой и объемной. Ценовая форма отражает стоимость отдельного продукта, объемная – стоимость агрегата» [Основы, 2008. С. 67].

Похоже, сделанное уточнение трудовой теории стоимости заключается в том, что «объективная стоимость» равна результату потребления, который на ценовом уровне производит индивидуального работника, а на объемном (агрегатном) – всю совокупную рабочую силу. Именно так «потребительная стоимость создает стоимость»⁴. Отсюда стоимость тех продуктов, которые были произведены, но не были потреблены, должна: а) оцениваться по стоимости производства (запасы); б) равняться нулю (если впоследствии они будут испорчены и выброшены). Сразу оговоримся, что это наши домыслы, и в тексте этого нет.

Признаемся также, что смысл сделанного профессором Миропольским уточнения остался для нас неясным. Так, месячная стоимость предметов потребления российского балбеса, получившего наследство папы-олигарха, может стократно превосходить среднемесячную зарплату российского инженера. Значит ли это, что способность к труду первого субъекта в 100 раз выше способности второго? Или категории анализа дорыночных обществ нельзя применять к нынешнему постмодерну?

Субъективная стоимость. «Теперь мы знаем, как можно сосчитать объективный продукт. Однако продукт..., как объективен, так и субъективен. Значит, субъективно он тоже должен быть сосчитан. Что понимается под субъективным счетом? Под субъективным счетом понимается то, каким образом строятся психологические реакции человека экономического так, чтобы продукт производился и потреблялся в нужном количестве» [Основы, 2008. С. 67]. Далее рассматриваются мотивы результата и затрат в производстве.

⁴ Следует отметить приверженность Д.Ю. Миропольского к диалектическому методу исследования. В другой работе, в разделе «Мера продукта: переход потребительной стоимости в стоимость и стоимости в потребительную стоимость» он поясняет свою мысль следующим образом: «Мера есть качественно определенное количество, прежде всего как непосредственное...» У Гегеля непосредственность меры означает то, что «имеющееся в мере тождество качества и количества есть пока лишь в себе, но оно еще не положено»... практика взаимоперехода качества и количества продукта привела к тому, что отношения качества и количества продукта становились все более точными и определенными... Исследуя потребительную стоимость продукта, мы говорили о том, что она содержит моменты базовости и пионерности. Эти моменты базовости и пионерности, теперь опосредованные стоимостью, проявляют себя в мере продукта» [Очерки, 2015. С. 82].

Первый характеризуется убывающей функцией, второй – возрастающей. В точке их пересечения (равенства стимулов и контрстимулов) формируется предельная полезность производимого продукта.

Однако кроме мотивов результата и затрат далее вводятся мотивы цены и объема: «Как в сфере производства, так и в потреблении тоже существует проблема ценовых и объемных оценок... общинник оценил каждый отдельный съеденный корень и каждую порцию своей рабочей силы (ценовая мотивация) так, что сумма корней и порций рабочей силы укладывается в его субъективную оценку того, сколько должно быть съедено корней и произведено рабочей силы в целом» [Основы, 2008. С. 74]. Эти оценки («отдельного корня» и «корней в целом») могут расходиться, так как люди обладают разными психологическими комплексами: «мы получили четыре неосознаваемых комплекса чувств, мотивирующих экономическое поведение:

- ▶ Комплекс ничтожности могущества;
- ▶ Комплекс могущества могущества;
- ▶ Комплекс ничтожности ничтожности;
- ▶ Комплекс могущества ничтожности.

Объединим первые два комплекса в комплекс могущества. У людей с этим комплексом доминирует ощущение, что их продукт значим, важен и нужно добиваться еще большей его важности и значимости.

Третий и четвертый комплексы объединим в комплекс ничтожности. Если у человека доминирует этот комплекс, то он плохо оценивает себя и свой продукт. Даже совершенствуя свой продукт, он все равно плохо к нему относится» [Основы, 2008. С. 40].

Указанные комплексы приводят к деформациям психологических оценок «цены» и «объема». В результате «неосознаваемые людьми комплексы могущества и ничтожности отклоняют психологические оценки и вытекающие из них объемы производства во все стороны от точки, в которой бы обозначился придуманный западными теоретиками рационально действующий индивид» [Основы, 2008. С. 78].

Таким образом, «потребляя продукт», индивид производит стоимость своей рабочей силы, однако его психологическая оценка самого себя искажается под влиянием комплексов «могущества» и «ничтожности». Далее в разделе «Элементарная модель хозяйственной системы» вводится уже знакомое нам разделение базовых и пионерных продуктов, а заодно логически устанавливается взаимосвязь между «ценовой» и «рыночной» мотивациями, а также – «объемной» и «планомерной» мотивациями: «мы можем констатировать, что двум моментам объективного продукта соответствует два момента субъективного продукта – планомерная и товарная мотивации человека» [Основы, 2008. С. 94]. Соответствующие мотивации закрепляются и в экономической культуре – кооперативная «охота на мамонта» приводится как пример планомерной мотивации, а индивидуальная «охота на зайцев» – товарной. Это, по сути, и есть обоснование появления тех или иных институтов, которые в длительной перспективе обуславливают доминирование «плана» или «рынка» у разных стран и народов.

О предмете экономической науки

Анализ любой экономической модели, как и экономико-философской концепции, как указывает А. Кламер, должен начинаться с простого вопроса: «О чем ваша история?»⁵. Д.Ю. Миропольский описывает стоящую перед ним проблему следующим образом:

⁵ «ученые... хотят понять основную линию повествования до того, как начнется представление самой работы. «Так о чем же ваша история?» – это стандартный и весьма оправданный вводный вопрос» [Кламер. С. 194] Кламер А. (2015). Странная наука экономика. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения.

«Упадок российской цивилизации во второй половине XX века и последовавшее за этим поражение Советского Союза в холодной войне привели к своеобразной ситуации в современной политической экономии (экономической теории). До крушения мировой системы социализма (марксистская политическая экономия была отчетливой теорией 2-х систем – капитализма (правда, умирающего) и социализма (правда, как первой фазы восходящего коммунизма). Противостоящая марксизму западная экономическая теория представляла собой теорию одной системы (капиталистической или рыночной)...

Эйфория западных экономистов по поводу победы их цивилизации, восторг и преклонение бывших марксистов перед могущественными победителями привели к тому, что экономическая теория превратилась в теорию одной хозяйственной системы – рыночной (капиталистической). Плановая система объявляется неким недоразумением, которое если и было, то быстро прошло и не заслуживает ни исследования, ни тем более преподавания в вузах.

... Политическая экономия – единственная наука, которая может и должна исследовать хозяйство как целое. Что же вытекает из требования рассмотреть хозяйство как целое?

Во-первых, ... изучать хозяйство как целое означает изучать не только сегодняшнее положение дел, но охватывать как все прошлые, так и все будущие его состояния. Из этого вытекает, что если империи инков, Древнего Египта, Древнего Китая или Советского Союза сейчас нет, это не означает, что не должно быть теории, которая объясняла бы, как и почему эти феномены имели место раньше...

Во-вторых, существование современной экономической теории как только рыночной, не мешает ученым-экономистам активно рассуждать на тему смешанной экономики... смешанная экономика – это, по сути смесь двух хозяйственных систем – рыночной и плановой...

В третьих, ... и современное рыночное хозяйство греет на груди змею – план. План существует внутри рынка. На всех уровнях, начиная от глобального, где регулируется поведение отдельных стран, и заканчивая экономикой предприятия. Очевидно, что внутри предприятия рыночный механизм не действует. Но тогда, что действует?...

...упор я буду делать на исследовании плана... теория рынка основательно разработана, а теория плана... практически не создана. Отдельные яркие ученые, работавшие в этой области (В. Ойкен, Я. Корнаи, Д. Валовой), отнюдь не исчерпали тему» [*Очерки*, 2015. С. 9–11].

Далее автор пытается определить «экономику как простое целое», для чего обращается к описанию предмета исследования К. Менгера. Поскольку у последнего в центре исследования оказываются хозяйственные блага, Д.Ю. Миропольский делает вывод: «Менгер относит блага только к человеку потому, что ему так хочется. При ближайшем рассмотрении становится очевидно, что понятие блага смешивает мир людей и мир животных. Оно изначально не способно отделить специфическую человеческую деятельность от животной жизнедеятельности...

Помимо того, что понятие блага смешивает мир человека и мир животных, оно и в человеческий мир не вносит порядка. Если я сексуально или духовно не удовлетворен, значит какие-то сексуальные или духовные блага для меня редкие. Из этого вытекает, что и половая и духовная жизнь человека тоже экономическая...» [*Очерки*, 2015. С. 13–14]. Таким образом, определение предмета исследования у маржиналистов согласно Миропольскому неверно.

Далее от автора достается и «родному марксизму. Во “Введении” Маркс пишет: “Предмет исследования – это прежде всего материальное производство.

Индивиды, производящие в обществе, – а, следовательно, общественное производство индивидов, – таков, естественно, исходный пункт”. Однако тут же Маркс как нормальный диалектик добавляет “Производство есть непосредственно также и потребление”. А “потребление есть непосредственно также и производство”... Мы имеем производство, как исходный пункт. Однако и потребление в равной степени является исходным пунктом,

ибо производство есть потребление. Вместо одного исходного определения экономики мы получили два. А нам нужно одно» [Очерки, 2015. С. 14–15].

Авторское определение предмета экономической науки: «производство и потребление объединяются категорией продукт. Именно продукт и есть экономика как простейшее целое, содержащее в себе все последующее развитие хозяйства...

...Что такое продукт? Продукт есть процесс производства... Продукт есть процесс потребления... Значит, об одном и том же продукте мы должны высказать два противоположных утверждения... Это, конечно, противоречит здравому смыслу, для которого предмет должен быть чем-то одним. Он не может быть и тем и другим одновременно. Но противоречить здравому смыслу – мое любимое занятие» [Очерки, 2015. С. 16].

Любая национальная экономика представляет собой некую систему, в функционировании которой есть свои, особенные, закономерности. Д.Ю. Миропольский рассказывает историю *о плане* как необходимом элементе любой экономической системы, начиная со времен дикости и заканчивая постиндустриальным обществом. Если мы правильно интерпретируем его концепцию, главными свойствами «плана» являются убыточность экономической деятельности, ориентация на объем (массу) выпускаемой продукции, уравнительное распределение, а также наличие специфической, по сути, внеэкономической мотивации деятельности. К сожалению, когда экономисты пользуются диалектическим способом рассуждения, никогда нельзя быть уверенным в том, что читатель (слушатель) правильно интерпретирует их мысли. В конце концов, если план содержится внутри рынка, с тем же основанием можно утверждать, что главными свойствами плана являются достижение высокой рентабельности *в длительном периоде*, ориентация на цену и качество выпускаемых базовых товаров, мотивация деятельности *по увеличению количества и качества человеческого капитала на протяжении всего жизненного цикла рабочей силы*. В длительной перспективе, когда, наконец, восторжествует коммунистическая формация, наверное, повсюду установится «план», внутри которого, впрочем, будет жить «рынок».

Заключение

Целью написания любой рецензии – будь-то хвалебной или ругательной – является привлечение внимания читателей к труду рецензируемого автора. Если после этой рецензии у профессора Д.Ю. Миропольского добавится читателей, наша цель будет достигнута.

В отношении евразийской политэкономии дело обстоит сложнее. Марксизм призывал решать задачи экономической политики путем социальной революции, мейнстрим предлагает широкий набор мероприятий – от сегментации рынка в маркетинге на микроуровне, до изменений денежной массы и процентной ставки, в зависимости от ситуации, на макроуровне. Характеристика отечественной экономики как внешне рыночной, но с доминированием элементов плана и объемной мотивации, безусловно, имеет эстетическую и научную ценность, однако в отношении возможностей получения прикладных результатов возникают сомнения.

Последнее замечание, впрочем, не по адресу – напомним, что работа 2015 года называется «Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда» (курсив мой – П.О). О прикладном значении «форм капитала и труда», таким образом, лучше судить историкам. А противникам мейнстрима, похоже, придется с сожалением констатировать, что современной «западноцентричной» экономической теории со стороны евразийской политэкономии пока ничего не угрожает.

ЛИТЕРАТУРА

- Кламер А. (2015). Странная наука экономика. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения.
- Миропольский Д.Ю. (2015). Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Основы теоретической экономики: Учебник. (2008) / Под ред. д-ра экон. наук проф. Д.Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ.
- Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике. (2014) / Под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб.: Алетейя.
- Яременко Ю.В. (1997). Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.
orekhovskaya@mail.ru

**ON THE WAY TO THE EURASIAN POLITICAL ECONOMY
(on the works of professor D.Y. Miropolsky)**

Abstract. The review devoted Dmitry Miropolsky of the theory, which was developed in St. Petersburg for more than twenty years. It is based on a two-sector model that demonstrates the interaction of the sectors. In the first of them basic goods are produced, in the second – pioneer goods. In the first there is an excess of resources, in the second there is a deficit. In order for the second sector to function, part of the resources in it are transferred from the first with the help of a planned, bureaucratic redistribution. If the volume of redistribution is large enough (for example, 50% or more), in such an economic system the plan's institutions dominate, if the volume of redistribution is relatively small, then market institutions dominate.

The two-sector model is constructed on the original author's theory of value and the developed alternative understanding of the subject of economic theory. As the author suggests, his work develops the concepts of the Asian formation and the Eurasian political economy.

Keywords: *plan, market, basic and pioneer goods, value, product.*

JEL Classification: B14, D51, N00, P00.

REFERENCES

- Klamer A. (2015). Strannaya nauka ekonomika [The strange science of economics]. M.; SPb: Izd-vo Instituta Gaydara; Izd-vo Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Miropol'skiy D.Y. (2015). Ocherki teorii produkta: potentsial'nyye formy kapitala i plana epokhi do razdeleniya truda [Essays on product theory: the potential forms of capital and the plan of the era before the division of labor]. – SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Osnovy teoreticheskoy ekonomiki: Uchebnik. [Foundations of Theoretical Economics. Textbook] (2008) Pod red. d-ra ekon. nauk prof. D.YU. Miropol'skogo. SPb.: Izd-vo SPbGUEF.
- Fenomen vozrastayushchey otдачи v ekonomike i politike [The phenomenon of increasing returns in the economy and politics]. (2014) / Pod red. S.G. Kirdinoy, V.I. Mayevskogo. SPb.: Aleteyya.
- Yaremenko Y.V. (1997). Teoriya i metodologiya issledovaniya mnogourovnevnoy ekonomiki [Theory and Methodology of The Multilevel Economy Research]. M.: Nauka.